

ISSN 1993–4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

10 (749)
2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

Issue 10 (749)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 10 (749)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
кандидат исторических наук **И. В. Манохин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

А. А. Гаджиев, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	Лю Лиминь, Ph. D., проф. (КНР)
Н. П. Баранова, канд. пед. наук, доц. (Беларусь)	Д. С. Маркес, Ph. D., проф. (Испания)
З. К. Бурнацева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)	А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)	Ю. Е. Прохоров, д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. (Россия)
Г. Ершов, Ph. D., проф. (Германия)	О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Н. Тарасова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Х. Ли-Янке, проф. (Швейцария)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Д. Ченки, Ph.D., проф. (Нидерланды)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)	Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
Ф. Г. Лодейро, Ph. D., проф. (Испания)	М. Форстнер, Ph. D., проф. (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

доктор филологических наук, профессор Г. Г. Бондарчук;
доктор педагогических наук, профессор Н. Ф. Коряковцева;
доктор филологических наук, профессор А. П. Бондарев;
доктор философских наук, профессор И. К. Харичкин

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Глушак В. М.

Взаимодействие атрибутов с другими элементами высказывания
в немецком языке 9

Куковская А. В.

Блоги как звено в семиотической цепи текстов 18

Солопенко А. В.

Трансформация семантики гендерных стереотипов как событие
и его отражение в печатной рекламной коммуникации 27

Фролов В. И.

Автоперевод романа В. В. Набокова «Лолита» 38

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. И. Горожанов

Пример разработки дистанционного курса иностранного языка
как узла обучающей виртуальной среды 50

Лямзин М. А., Капустина В. Ю.

Особенности историографического педагогического
исследования 63

Шевченко Т. И.

Когнитивная интеграция фонетики и фонологии в свете проблем
обучения иностранному языку 71

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бондарев А. П.

Историзация мифа и мифологизация истории 79

<i>Перова Е. Ю.</i> Философские идеи в поэзии славянофилов	101
<i>Смирнова И. Б.</i> Бытование мотивов пари и похвальбы в параллельных французскому циклу «о пари» русских эпических произведениях о веке Владимира	111

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Васильева М. М., Манохин И. В.</i> Сетевые информационные технологии, перспективы использования в международной политике	141
<i>Ивашов Л. Г.</i> Геополитика и современный политический процесс	153
<i>Касюк А. Я., Манохин И. В., Харичкин И. К.</i> Глобализация и новый мировой порядок	167
<i>Лесников Г. П., Манохин И. В.</i> Диалектика взаимосвязи и взаимозависимости мировой политики и экономики в современной системе международных отношений	182
<i>Никодимов И. Ю.</i> Комбинаторика форм правления	199
<i>Печищева Л. А.</i> Германия – Бангладеш: роль гуманитарного сотрудничества в начале XXI века	206
<i>Синчук Ю. В., Ковергина Д. М.</i> Исламское государство как глобальная террористическая угроза	212

СОДЕРЖАНИЕ

LINGUISTICS

Glushak V. M.

Interaction between Attributes and Other Elements
of the German Utterances 9

Kukovskaya A. V.

Blogs as a Link in a Semiotic Chain of Texts 18

Solopenko A. V.

Changing Semantics of Gender Stereotypes
in Print Advertising Communications 27

Frolov V. I.

Self-Translation of V. Nabokov's "Lolita" 38

PEDAGOGICAL SCIENCES

Gorozhanov A. I.

An Example of Developing a Distant Learning Course
as a Virtual Learning Environment Node 50

Lyamzin M. A., Kapustina V. Y.

Features of Historiographic Pedagogical Research 63

Shevchenko T. I.

Cognitive Inegration of Phonetics and Phonology:
Implications for L2 Teaching 71

LITERARY STUDIES

Bondarev A. P.

Historicizing of Myth and Mythicizing of History 79

<i>Perova E. U.</i>	
Philosophical Ideas in Poetry Slavophiles	101
<i>Smirnova I. B.</i>	
Motives of Bet and Boasting in Russian Epics of the Vladimir's Epos, Parallel to the French Medieval Cycle "On Bet"	111

POLITICAL SCIENCES

<i>Vassiljeva M. M., Manokhin I. V.</i>	
Networking in Formation Technologies, Outlook for Foreign Policy	141
<i>Ivashov L. G.</i>	
Geopolitics and the Current Political Process	153
<i>Kasyuk A. Y., Manokhin I. V., Kharichkin I. K.</i>	
Globalization and New World Order	167
<i>Lesnikov G. P., Manokhin I. V.</i>	
The Dialectics of the Relationship and Interdependence of World Politics and Economy in the Modern System of International Relations	182
<i>Nikodimov I. U.</i>	
Combination Analysis of Government Forms.....	199
<i>Pechishcheva L. A.</i>	
Germany – Bangladesh: the Role of the Humanitarian Relations at the Beginning of the 21st Century	206
<i>Sinchuk Yu. V., Kovrigina D. M.</i>	
Islamic State as a Global Threat.....	212

УДК 13-81

В. М. Глушак

доктор филологических наук,
профессор каф. немецкого языка МГИМО МИД России;
e-mail: glushakvm@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АТРИБУТОВ С ДРУГИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается лингвистический эффект взаимодействия атрибутов с другими категориями предложения. Описываются дополнительные оценки, приобретаемые существительными в свете рассмотрения связей атрибутов с концептуальной областью определенности / неопределенности, сильными и слабыми типами склонения прилагательных, а также предикатами.

Ключевые слова: атрибут; существительное; категория определенности / неопределенности; типы склонения прилагательных; предикат.

V. M. Glushak

Doctor of Philology, Professor at the Department
of the German Language, MGIMO-University;
e-mail: glushakvm@mail.ru

INTERACTION BETWEEN ATTRIBUTES AND OTHER ELEMENTS OF THE GERMAN UTTERANCES

The article deals with the linguistic effects of the interaction between attributes and other elements of the utterances. Additional values which the substantives get as a result of attributes' interaction with the sphere of definiteness, types of adjective's declension and predicates are described.

Key words: attribute; substantive; definiteness; types of adjective's declension; predicates.

Элементарные атрибутивные концепты, выступающие в качестве основания оценки предметов, лиц и явлений, могут изменять свою конфигурацию в процессе функционирования более обширного

контекста. Они вступают во взаимодействие с другими концептуальными образованиями, отражающими различные онтологические моменты. Учитывая эти связи, интерпретатор может извлечь из текста дополнительную информацию о качествах презентуемых предметов, лиц или явлений.

Важным этапом в процессе извлечения качественной информации из текста является анализ сопроводительных слов именной группы – артиклей (определенного, неопределенного, нулевого) и артиклевых слов (указательных, притяжательных, вопросительных и неопределенных местоимений, отрицательного артикля *kein* и неопределенного числительного). Выбор артиклевых слов говорящим или пишущим основывается на различных факторах: контексте, ситуации, семантике и грамматике. Так называемые обогащающие определения, обозначенные В. Г. Адмони как сопроводительные слова существительного (1), участвуют в процессе превращения слова «из виртуальной языковой единицы в актуальную, речевую» [2, с. 91]. Наряду с артиклями местоимения, прилагательные и числительные рассматриваются в качестве средств детерминации существительного в контексте.

В современном немецком языке атрибутивные концепты всегда сопрягаются с другой концептуальной областью – определенностью / неопределенностью. Так, например, в рассказе Б. Брехта «Die unwürdige Greisin» [8] содержится большое количество атрибутивных концептов, которые вносят важные моменты в процесс извлечения качественных параметров различных объектов. Концептуальные образования, в которых атрибутивные элементы оформлены в рамках концепта определенности (*in das ziemlich große und nun leersteende Haus; in der, besonders nachmittags, allerlei nicht besonders respektable Existenz; nach dem Tod des Großvaters* и т. п.), характеризуют объекты как нечто известное, очевидное, как самодостаточную величину, которая не подразумевает ни общего, ни частного по отношению к себе. Атрибуты в составе неопределенного концепта (*eine sehr lose Verbindung; die Werkstatt eines Flickschusters* и т. п.) носят обобщающий характер, подчеркивают тот факт, что некий объект или лицо определяется как «аморфный», а его качества указывают на нечто более широкое, общее, к чему этот объект или факт относятся. Концепты безотносительности, характеризующиеся безартиклевым употреблением атрибутов в группе существительного (*ein Mann in mittleren*

Jahren; ganz ausgeglichener Stimmung), используются для различения свойств и характеристик объекта. В этом случае на передний план выходит подчеркивание максимальной спецификации, а момент общего сглаживается и становится иррелевантным.

Любой художественный текст характеризуется различной степенью концентрации концептов определенности / неопределенности. Это зависит в первую очередь от коммуникативного контекста и характера самого текста. В специальной литературе отмечается, что номинация с определенным артиклем является потенциально тематической, а номинация с определенным или нулевым артиклем – потенциально рематической [5, с. 48]. Так, в отрывке из рассказа Б. Брехта «Die unwürdige Greisin» [8] концепты (*in das ziemlich große und nun leerstehende Haus; in der, besonders nachmittags, allerlei nicht besonders respektable Existenz; nach dem Tod des Großvaters* и т. п.) не создают в тексте напряжения повествования в силу того, что они оформляют такие атрибуты, которые выражают уже известные читателю качества предметов или их очевидность в данном тексте. Поэтому художественные тексты, в отличие от других видов текста, отличаются большей концентрацией концептов неопределенности. Использование концептов *eine sehr lose Verbindung; die Werkstatt eines Flickschusters; ein Mann in mittleren Jahren; ganz ausgeglichener Stimmung* в анализируемом тексте апеллирует к относительности понимания качеств объектов, явлений или лиц. С этой точки зрения смысловое становление характеризующей ситуации не завершено, так как концепты неопределенности вносят в повествование некоторую интригу, представляя возможность читателю включить творческое воображение и превратить относительность признака предмета в его личностную экспликацию.

Кроме того, наличие или отсутствие конкретного детерминатива предопределяет выбор сильной или слабой формы прилагательного в атрибутивной функции. В лингвистической литературе отмечается, что свойства атрибута находят в прямой зависимости от постепенной и усиливающейся тенденции маркировки различных функций прилагательных (см., например, [3, с. 338]). Выбор формы склонения атрибутивного прилагательного выводит общий процесс атрибутивных измерений на новый уровень извлечения качественной информации. Благодаря этому прилагательное, способное выражать различные

градуальные и оценочные характеристики существительного, получает конкретный, более дифференцированный смысл.

Обобщая свои исследования зависимости формы склонения прилагательного и реализации его смысла, авторы книги «Историко-типологическая морфология германских языков» пришли к выводам, которые с определенными допущениями могут быть квалифицированы как «когнитивные» в современном понимании этого термина: исторически исходные сильные атрибуты используются для простой констатации какого-либо признака; формы вторичного слабого склонения служат для определения предмета с оценкой его важности, существенности, неотчуждаемости [3, с. 343].

Проиллюстрируем качественную реализацию атрибутивных концептов типа «Aq+S», «Ar+S», «P1+S», «P2+S», «N+S» в их сильной или слабой позиции употребления на примере отрывка из «Buddenbrooks» Т. Манна. Сравнивая все атрибутивные концепты в анализируемом отрывке с точки зрения степени «спаянности» в них определения с определяемым, обнаруживается различие в характере их связей. Сильные атрибуты справедливы для времени повествования и являются актуальными характеристиками предмета лишь в данном высказывании. Естественно предположить, что концепты *prächtige Leute; mit raschen, vergnügten Bewegungen; einen vergnügten Nachmittag; ein monotonen Rauschen* не являются специально придуманными для данного художественного произведения. Они могут присутствовать и в других текстах. Но в данном случае они носят более или менее индивидуальный характер. Помещая стилистически окрашенные прилагательные в состав атрибутивных концептов, автор вынужден оформлять их сильной формой, придавая тем самым относительный характер бытию предметов или лиц. Сами качественные измерения приобретают свой истинный смысл лишь в конкретном тексте.

Слабые атрибуты, напротив, носят более универсальный характер, поэтому их связь с определяемым отличается большой «спаянностью», которая не ограничена временем протекания событий в конкретном тексте.

Атрибутивные концепты *der alte Schwarzkopf; die ersten Bissen; die erste Nacht; die größte Lust; mit der großen Schaukel* имеют в своем составе стилистически нейтрально окрашенные прилагательные. Оформленные слабым склонением определения оценивают предметы

и лица с объективных позиций. Используя сильный атрибут, автор преследует цель создать более или менее завершенный образ, который читатель воспринимает как должное и не эксплицирует из него личностный смысл.

Уже давно замечено, что временные признаки, оформляемые сильным склонением, и признаки в рамках слабого склонения, имеющие силу и вне узкой сферы данного высказывания, так или иначе связаны с глаголом [4, с. 169]. Атрибут, выступающий в сфере коммуникативного намерения, участвует в развертывании темы высказывания. Атрибутивный концепт представляет собой единичный смысловой синтез, т. е. речеситуативную конденсацию собственной информативности и образует вместе с другими ее членами концептуальное ядро ситуации, где происходит интенционное сжатие единичных смысловых квантов атрибута и предиката. Единичный смысловой синтез делает целое концептуальное образование группы существительного с предикатом важным не только для понимания локального смысла высказывания, но и целиком репрезентирует дискурсивный смысл (ср.: [7, с. 3]).

Связь атрибутивного концепта с предикатом также представляется очень важной, поскольку глагол непосредственно соотносится с референтной ситуацией, так как он обозначает действие, событие. К тому же многообразию грамматических категорий глагола концентрирует в себе все основные коммуникативные характеристики высказывания, поэтому общий характер атрибутивного концепта будет не в последнюю очередь определяться предикатом, как в следующем примере:

Ob sie auf den Speicher hochgegangen ist? Hockt vielleicht auf dem Wäschekorb und weint. Weint die eine Backe runter. Hat so viele Tränen. **Hat** so seltsame Drüsen, solche Drüsen hat kein Mensch. **Hat** ein verkorktes endokrines System, deine Frau, wo ist sie nur hin? [9, с. 109]

Именная группа, входя в состав сказуемого, выражает признаки объекта с определенными ограничениями. Прежде всего это выражается в том, что атрибутивные конструкции оформляются в данном случае концептами неопределенности. Неопределенность объясняется тем, что именная группа в составе сказуемого содержит существительные с широкой семантикой, которые не могут употребляться без восполняющего их лексическую недостаточность определения. Так, представленные в анализируемом примере существительные *Drüsen*

и *System* могут использоваться вообще для обозначения любых желёз или систем в человеческом организме. Поэтому свой истинный смысл они приобретают лишь с конкретными определениями.

Следует добавить, что определяемое, попадая в состав сказуемого, обуславливает сужение круга языковых единиц, употребляющихся в качестве определения. Обычно это прилагательные, связанные со значением меры, так или иначе указывающие на размер: *groß, klein, bedeutend, beträchtlich, gering, viel, stark* и т. д., например:

Das macht ihm viel Spaß, sich mit den Freunden zu treffen.

Значительные сдвиги наблюдаются в именной группе с постстоящим атрибутом. Если главенствующее существительное употребляется в предложении как субъект, то вся именная группа характеризуется синтагматической неделимостью всего словосочетания. Выполняя функцию объекта или части сказуемого, предложная конструкция, например, обнаруживает относительно свободное местоположение в предложении. Дело в том, что группа существительного с предложным определением, находясь в составе сказуемого, приписывает это состояние и субъекту. Предложное определение, к которому относится это состояние, приобретает, в свою очередь, новый смысл. Проследим это на конкретном примере замены инфинитивного оборота предложной конструкции:

Er braucht ein Wörterbuch, um einen Text zu übersetzen. – Er braucht ein Wörterbuch zum Übersetzen eines Textes.

Здесь предложную конструкцию можно понимать и как определение, и как обстоятельство, поскольку возможны варианты: *Zum Übersetzen eines Textes braucht er ein Wörterbuch* и *Er braucht zum Übersetzen eines Textes ein Wörterbuch*, в то время как в предложении: *Das Wörterbuch zum Übersetzen eines Textes ist im Bücherschrank* – предложная конструкция понимается исключительно как определение.

В связи с тем, что одной из многочисленных функций предиката является также выражение умственного акта оценки или, другим словами, мнения субъекта о ценности объекта [6, с. 66], то и выбор самих предикатов зависит от особенностей характеризующей ситуации и индивидуальных особенностей оценивающего субъекта (т. е. адресанта). В любом случае концептуальное значение предиката в многокомпонентной структуре оценочной семантики можно

определить как побуждение к процессу оценки или характеристики лиц, объектов или явлений.

Атрибутивные концепты, помещенные в концептуальную сферу предиката, несут информацию не просто о субъекте оценки и его качествах, но и об оцениваемом субъекте, его намерении повлиять на ценностные ориентиры. Воздействующее мнение адресанта проявляется по-разному. Дело в том, что одни глаголы располагаются ближе к ядру ментального поля оценки, ориентируясь на ее сенсорные и морально-этические основания: ощущения, восприятия, представления; другие – более удалены от центра ментального поля, ориентируясь на эмоции, а также эстетические, сублимированные оценки. Это предполагает более глубокие знания адресанта об объекте и его сравнительных характеристиках [6, с. 75].

Очевидно, что расположение предиката по отношению к ядру ментального поля оценки влияет на характер атрибутивно-предикативных связей. Приближенность глагола к ядру ментальной оценки элементов внешнего мира можно установить, если рассматривать атрибутивно-предикативную связь, отвечая на вопрос: *действовать (или влиять) на качество как, каким образом?* С этой точки зрения семантическая сила атрибута может реализовываться в нескольких направлениях.

1. Нейтрализация качества, выраженного атрибутом:

Rob behandelte den toten Bader wie ein Familienmitglied [10, с. 21].

В приведенном примере логический акцент смещается на предикат *behandelte*, на фоне которого определение *tot* к существительному *Bader* приобретает лишь констатирующий характер. Это происходит из-за того, что глагол *behandeln* находится на периферии ментального поля оценки и направлен на актуализацию не атрибутивного свойства, а определяемого слова.

2. Расширение качества, выраженного атрибутом *redeten* располагается близко к ядру ментального поля оценки существительного *Sprache* и ориентируется на его сенсорную характеристику – *singend-rasselnd*:

Die Leute um ihn redeten in einer singend-rasselnden Sprache [10, с. 34].

Уже само использование данного глагола в высказывании требует своей дальнейшей реализации посредством атрибутивной конструкции. В рассматриваемом примере происходит расширение концепта

«говорить» в плане его качественных характеристик: говорить как, каким образом?

3. Дополнение качества, выраженного атрибутом:

Sein schwarzes fettes Haar glänzte unter der Sonne [10, с. 80].

Предикат *glänzte* непосредственно входит в ядро ментального поля оценки, так как он вносит дополнительные качества в характеризующий объект. Поэтому данное предложение можно трансформировать в единое атрибутивное образование – *sein schwarzes fettes, unter der Sonne glänzendes Haar*.

Подводя итоги, следует отметить, что элементарный концепт получает свое вариантное значение лишь в концептуальной связи с другими ментальными образованиями и, в первую очередь, с теми другими элементарными концептами, которые наряду с атрибутивными составляют высказывание или текст. Этот аспект составляет первое направление в общем процессе атрибутивных измерений.

Связь атрибутивных концептов с концептами определенности позволяет уточнить такие стороны качественности объектов внешнего мира, как известное, очевидное свойство, свойство важности, существенности, неотчуждаемости, абсолютный характер качества. Рассмотрение связи с концептами неопределенности дополнительно указывает на обобщающее новое качество, простую констатацию свойства, относительный характер качества. Важными являются также отношения атрибутивных концептов с концептуальной областью предикативности. В сфере атрибутивно-предикативных связей проводилось исследование приближенности глагола к ядру ментальной оценки элементов объективной реальности по следующему критерию: влиять на состояние качества как, каким образом? Это способствует нейтрализации качества, выраженного атрибутом, расширению качества, выраженного атрибутом или дополнению качества, выраженного атрибутом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. – Л. : Наука, 1973. – 365 с.
2. Иванов Н. В. Смысловая функция артикля: опыт логико-философского анализа (на материале португальского языка) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 2. – С. 90–95.

3. Историко-типологическая морфология германских языков. – Т. 1. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени / под ред. М. Гухман. – М. : Наука, 1977. – 358 с.
4. *Кацнельсон С. Д.* Историко-грамматические исследования. – Ч. 1. Из истории атрибутивных отношений. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – 384 с.
5. *Крушельницкая К. Г.* Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М. : Изд. лит. на ин. яз., 1961. – 265 с.
6. *Маркелова Т. В.* Оценочные высказывания с предикатами «любить» и «нравиться» // Филологические науки. – 1997. – № 5. – С. 66–75.
7. *Фефилова А. З.* Роль атрибута в формировании смысла высказывания (на материале немецкого языка) : автореф. ... канд. филол. наук. – Калинин : КГУ, 1980. – 15 с.
8. *Brecht B.* Die unwürdige Greisin und andere Geschichten. – Frankfurt-am-Main : Suhrkamp, 1990. – 219 S.
9. *Möller E. W.* Russisches Tagebuch. Aufzeichnungen vom Südabschnitt der Ostfront 1941 bis 1943. – Osnabrück : Munin, 1994. – 136 S.
10. *Süsskind P.* Das Parfum // Roman Zeitung. – № 471. – Berlin : Verlag Volk und Welt, 1989. – 154 S.

УДК 13-81

А. В. Куковская

старший преподаватель каф. интегрированного языкового обучения в профессиональной деятельности факультета непрерывного образования МГЛУ;
e-mail: loiso13@mail.ru

БЛОГИ КАК ЗВЕНО В СЕМИОТИЧЕСКОЙ ЦЕПИ ТЕКСТОВ¹

Статья посвящена вопросам, связанным с англоязычным интернет-дискурсом, его реализацией в блогосфере, а также месту блогов на карте медиа-пространства современной массовой культуры. В статье также затрагиваются вопросы, связанные с интерпретацией и открытыми текстами в контексте сотворческой деятельности блогеров, чьи записи являются реакцией на произведения массовой культуры и частью интертекста.

Ключевые слова: интернет-дискурс; блоги; пост; поп-культура; интерпретация; сотворчество; семиотика; открытые тексты; закрытые тексты; интертекст.

A. V. Kukovskaya

Senior Lecturer, Department of Integrated Language Teaching in Professional Activities, Faculty of Continuing Education, MSLU;
e-mail: loiso13@mail.ru

BLOGS AS A LINK IN A SEMIOTIC CHAIN OF TEXTS

The Article «Blogs as a Link in a Semiotic Chain of Texts» is devoted to the English Internet-discourse, its manifestation in the blogosphere, as well as to the place of bloggers in the current pop-culture media landscape. The Article also addresses such matters as interpretation and open texts in the context of the co-authorship activity of bloggers whose posts represent a reaction to various pop-culture creations and form part of the intertextual universe.

Key words: Internet-discourse; weblogs; post; pop-culture; interpretation of ideas; co-authorship; semiotics; open texts; closed texts; intertext.

В статье затрагиваются вопросы, связанные с англоязычным интернет-дискурсом и его манифестацией в блогосфере, при этом блоги рассматриваются как часть интертекста и звенья в семиотической цепи текстов, порождаемых блогерами, в частности, в качестве

---

¹ Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 14-48-00067 «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках».

ответной реакции на произведения поп-культуры в рамках удовлетворения креативного импульса и стремления к самовыражению.

Прежде всего, кратко остановимся на том, что такое блог.

Общепринятым определением блога может служить следующее: «блог (от *англ.* *blog (web log)* – интернет-журнал событий, интернет-дневник, онлайн-дневник) – веб-сайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа» [5]. В отличие, например, от чатов и форумов, блог является частным, а не общественным пространством. При этом блог предполагает возможность общения, однако, нам представляется, что на первый план у пишущего блогера выходит стремление к самореализации через записи в своем блоге и достаточно часто именно такая запись – пост (или, иногда, постинг) – становится самоцелью.

В своем посте блогер стремится прежде всего выразить собственное мнение, свои впечатления и эмоции, поэтому достаточно часто общение в блогах состоит из последовательных монологических высказываний личного характера и значимости, в которых блогер рефлексит и одновременно реализует свой креативный импульс. При этом блогеры обычно имеют возможность высказать мысль целиком, в том объеме, в каком они хотят это сделать, т. е. у них нет опасения, что их, как это может случиться в реальном общении, перебьют, дискредитируют или сменят тему до того, как они закончат свое высказывание. Это дает им больше пространства для маневра при формулировании сообщений. Кроме того, поскольку такое общение опосредовано компьютером, т. е. не происходит в реальном времени, у блогеров есть время при желании отредактировать свои спонтанные записи или даже тщательно продумать их заранее, что, как правило, не происходит в случае чатов, и достаточно редко наблюдается на форумах, где приоритет отдается именно скорости обмена информацией.

Нельзя отрицать, что делая записи, блогеры, скорее всего, ориентируются на некоего «идеального читателя» и, вероятно, ожидают реакцию на свою запись со стороны других пользователей, а иногда даже со стороны деятелей поп-культуры, но при создании записей вступление в диалог не всегда является их приоритетом. Сам пост обычно обладает для блогеров значимостью, так как рассматривается ими как равноценный ответ деятелям поп-культуры, авторам книг,

сериалов и т. п., а также простым пользователям интернета; поэтому, когда блогеры создают свои записи, они, придавая высокую значимость своему посту и его содержанию, одновременно обращаются к своим потенциальным и «идеальным читателям», заочно полемизируя с ними (их более ранними высказываниями) или убеждая их в собственной правоте.

Таким образом, блогеры выражают свое мнение о современной поп-культуре в рамках англоязычного интернет-дискурса (в том числе, на таких площадках, как «Тумблер» (<https://www.tumblr.com/>), Живой Журнал (*LiveJournal*, <http://www.livejournal.com>), «Твиттер» (<https://www.twitter.com>) и т. п.), полемизируют с потенциальными читателями и в процессе коммуникации интерпретируют явления массовой культуры, вовлекаясь в сотворчество и порождая свои собственные тексты – записи в блогах, посты.

С этой точки зрения запись в блоге / пост может рассматриваться в качестве одного из примеров события как явления когнитивно-коммуникативного свойства в интернет-дискурсе.

В контексте постмодернизма текст – в семиотическом понимании – вступает в диалог со зрителем (читателем), и блоггеры, находящиеся в многослойном медиа-пространстве начинают порождать не только новые языковые единицы или смыслы, но также и когнитивные элементы и концептуальные структуры, объективирующиеся в языковых выражениях, т. е. блоггеры создают свою концептуальную картину мира, одновременно занимаясь сотворчеством в рамках массовой культуры. Всё это делает пост в блоге небезынтесным событием в коммуникации и когниции.

Обычно запись в блоге / пост выступает как реакция на «внешний раздражитель» (событие поп-культуры и т. п.) и может служить для читателей и зрителей стимулом к продолжению коммуникации, т. е. будучи событием, порождает цепочку событий (ответных реакций) в интернет-дискурсе. Вслед за Умберто Эко, мы полагаем, что «читатель как активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения текста» [3, с. 14]. Так рождается интертекстуальная цепочка семиотических текстов. Здесь, как полагают некоторые исследователи интертекстуальности и когнитивной теории текста, в частности Л. А. Шестак, «интертекстуальность можно трактовать как когнитивный механизм, как средство, выполняющее референциальную

функцию, поскольку отсылка к иному тексту влечет за собой активизацию той информации, которая содержится в претексте» [4, с. 137].

Следует также принимать во внимание, что блогеру, пишущему о поп-культуре, недостаточно, например, смотреть один сериал или прочитать одну книгу, если он хочет стать полноправным участником блогосферы и рассчитывает на обратную связь, а также, если он хочет читать и понимать блоги таких же, как он, пользователей Интернета. Современный блогер должен хорошо ориентироваться в медиапространстве и обладать достаточно широким кругозором в сфере современного массового искусства, иными словами, референтные сущности, которыми он оперирует, являются транскультурными, отсылают нас, по словам семиотика и литературоведа Ролана Барта, «к тысячам культурных источников» [1].

Многие современные исследователи дискурса, рассматривающие эту проблему, в том числе с постмодернистских и постструктуралистских позиций, отмечают, что в настоящее время мы можем наблюдать поворот от индивидуального творчества к коллективному, т. е. блогеры, будучи зрителями и читателями, все сильнее начинают вовлекаться в процесс порождения явлений поп-культуры.

В современном интернет-дискурсе блогосферы интерактивная природа интернета неразрывно связана с креативным импульсом блогеров как со-авторов семиотических текстов. Подобная интерактивность неотделима от интертекстуальности, которая, в свою очередь, в современном пост-модернистском мире позволяет рассматривать окружающую действительность как семиотическую совокупность текстов, а записи в блогах – как некие мета- или интертексты.

Одновременно с возрастающей ролью читателя / зрителя, «роль автора», как отмечают многие исследователи, в частности О. К. Ириханова, «уменьшается и способность ... к созданию нового как бы переходит к возникающему интертексту <...> Создание новых значений в (интер)тексте не является плодом исключительно индивидуального творчества автора» [2, с. 19].

Поскольку при помощи интерактивных медийных средств блогеры в современном мире влияют, иногда достаточно существенно, на авторов произведений массовой культуры, т. е. вовлекаются в процесс сотворчества, тем самым порождая тексты и трактовки как часть интертекстов, то это приводит, в частности, к тому, что студии,

продюсеры, режиссеры, сценаристы и т. п., имеющие отношение к созданию произведений поп-культуры (фильмов, сериалов), очень чутко реагируют на результаты, в частности таких премий, как «Выбор народа» (англ. People's Choice Awards)¹.

Помимо подобных премий, в Интернете на различных площадках проводятся голосования, например, за любимого героя или любимую пару, но на самом деле победы в подобных голосованиях или получение премий было бы проблематичным, если бы зрители, участвующие в этих голосованиях не разделяли определенных убеждений, которые они стремились бы выразить и таким образом донести до авторов сериалов и т. п. А эти убеждения по большей части формируются тоже в недрах Интернета, в частности в блогах, авторы которых в своих постах «перерабатывают» огромные пласты информации, формулируют свое отношение к героям и событиям, обосновывают теории, отстаивают свои точки зрения, занимаются творчеством, что представляет собой трактовку изначального произведения и часть интертекста.

Порожденные таким образом трактовки повторяются много раз в интернете, корректируются, кристаллизуются и, в конечном итоге, доходят до авторов сериала, книги и т. п. Авторы в подобных случаях часто не могут позволить себе игнорировать коллективное мнение блогеров и либо дают комментарии по поводу таких трактовок или, что тоже случается, используют эти идеи в своих произведениях, иногда даже открыто объявляя, что это «дань уважения» преданным зрителям.

Иными словами, современное массовое искусство интерактивно по своей сути, т. е. создатели телевизионных сериалов, фильмов, авторы книг и т. п. активно используют интернет-пространство для общения со своими зрителями (читателями), поощряя последних предоставлять обратную реакцию на свои произведения, так называемый фидбэк. И во многих случаях создатели произведений создают у зрителей (читателей) иллюзию или даже уверенность, что эта реакция способна повлиять на развитие сюжета и на происходящие в рамках

---

¹ «Это популярная американская премия, которая присуждается деятелям поп-культуры по итогам зрительского голосования. Вручается ежегодно, начиная с 1975 г. До 2005 г. победителя в каждой из номинаций определяли с помощью социологического опроса, а затем было организовано голосование в Интернете» [5].

художественной действительности произведения события, что мотивирует зрителей (читателей) активно высказывать свое мнение в блогах и т. п., дискутировать и доказывать свою точку зрения в отношении тех или иных аспектов произведения, так или иначе опять же интерпретировать исходный текст.

Таким образом, вследствие подобной интерактивности, поощрения блогеров авторами произведений поп-культуры в целях получения обратной связи, возникает ситуация, когда, во-первых, очень сложно отделить исходный текст (т. е. текст самого поп-произведения) от его интерпретаций, а, во-вторых, очень непросто определить, где заканчивается сам исходный текст. Например, следует ли относить к исходному тексту запись автора текста в «Твиттере» или информацию, не вошедшую в само произведение, но выложенную в публичный доступ на сайте автора или произведения.

В этом случае мы можем говорить о том, что сам автор продолжает интерпретировать собственные тексты после, а иногда и до их создания, как в интервью, так и на прочих общественных площадках, в том числе в Интернете. Исследователям, видимо, еще предстоит ответить на вопрос, куда относить подобную авторскую интерпретацию, учитывая, что под влиянием все возрастающей интерактивности к авторской интерпретации присоединяются интерпретации зрителей / читателей, особенно когда речь идет о незаконченных еще произведениях (сериалах, сериях книг и т. п.).

Здесь уместно вспомнить об оппозиции «открытые – закрытые» тексты. В семиотическом понимании «открытый текст» – это текст, который позволяет многократную интерпретацию читателями или зрителями. А «закрытый» текст, напротив, подводит читателя к одной намеченной, обычно авторской, интерпретации. Следует отметить, что в рамках интернет-дискурса, в том числе англоязычного дискурса блогосферы, на сегодняшний день, вероятно, практически не осталось закрытых текстов – блогеры интерпретируют всё и увязывают все явления между собой совершенно неожиданными связями, порождая цепочку семиотических текстов, интертекст.

Проблематика «открытых – закрытых» текстов поднималась учеными и раньше, и в своем исследовании мы опираемся, в частности, на работы Умберто Эко, который часто обращался к вопросам открытых и закрытых текстов, при этом понимая первые – как «синтактико-

семантико-прагматические устройства» [3, с.11–12], куда изначально заложена широчайшая возможность их интерпретации, в отличие от закрытых текстов, которые, по мнению Эко, стремятся навязать читателю / зрителю «свой строй мыслей» [3, с. 447].

К проблеме открытых, закрытых текстов и роли автора и читателей / зрителей также обращался, например, Ролан Барт, который в своем эссе «Смерть Автора» писал, что тексты, над которыми довлеет автор, являются «застопоренными», каковыми они не должны быть, поскольку тексты, по его мнению, это «многомерные пространства», «сотканые из цитат» и фокусируются они в «точке ... которой является читатель» [1].

Также, например, обращает на себя внимание сравнение Юлии Кристевой, в котором она «говорит о традиционном “закрытом” тексте как о “сценическом кубе” – как об итальянской сцене» [цит. по: 3, с. 76]. На этом фоне неудивительно, что сегодня мы наблюдаем всё больше и больше примеров так называемого «обрушения четвертой стены», когда авторы признают существование зрителей, вступают с ними в диалог, а зрители оказывают непосредственное влияние на произведение массовой культуры. Весь этот процесс в подобном объеме стал возможен благодаря Интернету и реализуется, в том числе, через блоги.

Однако следует отметить, что ранее проблематика интерпретации текстов и оппозиция «открытые – закрытые» тексты не связывались напрямую с развитием интернет-дискурса, и выходом на новый уровень как интерактивности, так и интертекстуальности.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сказать, что пост в блоге будучи, возможно, вторичным текстом (реакцией) по отношению к тем текстам (в семиотическом понимании), которые вызвали его написание, как правило, является исходным текстом (претекстом) для комментариев к нему. Не следует забывать, что комментарий к посту в блоге (являясь блоговой записью, и, следовательно, подчиняясь тем же законам и обладая теми же характеристиками, что и первичный пост) порождается именно в ответ на первичную блоговую запись и с этой точки зрения не является полностью самостоятельным, а представляется неким «вторичным постом». Таким образом, можно представить себе следующую цепочку семиотических текстов: (1) внешнее событие / явление (совокупность

внешних событий / явлений) поп-культуры, породившее пост как реакцию и событие коммуникации; (2) пост в блоге; (3) комментарии к посту, т. е. «вторичные посты», содержащие реакцию на (1) и (2). Более того, эта цепочка, во многих случаях закольцовывается, т. е. внешнее событие порождает пост, а тот, в свою очередь, не только порождает комментарии, но и оказывает влияние на внешнее событие поп-культуры, т. е. на исходный текст, интерпретируя и трактуя его. И вся эта сложная конструкция представляет собой некий интертекст, создаваемый при активном участии читателей и зрителей, т. е. блогеров, оперирующих при всем при этом своим собственным особым подъязыком, набором единиц – графических значков, слов, фраз, выражений и даже концептуальных метафор, т. е. своим семиотическим кодом, при помощи которого происходит общение, создается концептуальная картина мира. Схема описанной конструкции, в которой блоги представляются звеном в сложной семиотической цепи текстов и частью интертекста, представлена на рисунке 1.

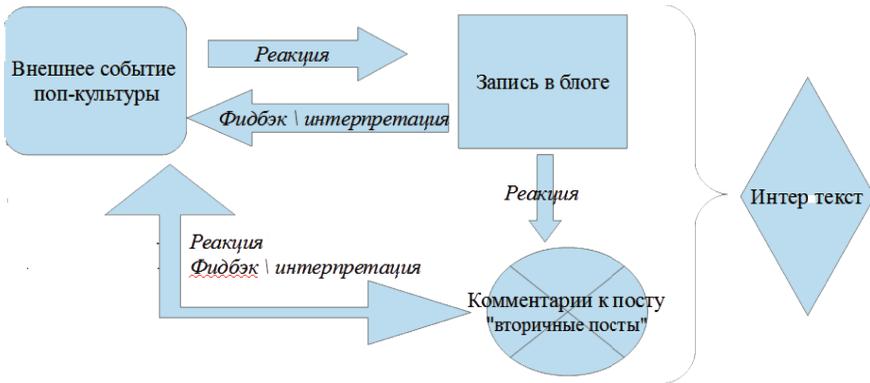

Рис. 1

Таким образом, блоги, являясь частью интертекста и звеном в семиотической цепи текстов, написанных особым семиотическим кодом, а также будучи частью интернет-дискурса, порождаемого блоггером, т. е. активными участниками пространства, посвященного современной поп-культуре (сериалам, фильмам, книгам, светской хронике и т. п.), выражающими свое мнение о ней, а также о значимых

событиях и актуальных проблемах общественной жизни, так или иначе связанных с культурной средой, на данном этапе развития лингвистической мысли представляют интерес для исследователей, в частности по той причине, что интернет-дискурс и его элементы ввиду своей особенной природы постоянно развиваются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 384–391 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.artcritic.guru/roland-barthes/>
2. *Ирисханова О. К.* О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. – М. : Изд-во ВТИИ, 2004. – 352 с.
3. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб. : Симпозиум, 2007. – 502 с.
4. *Шестак Л. А.* Интертекстуальность и когнитивная теория текста // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов : кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – С. 125–147.
5. Сайт Википедии : свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/>

УДК 81'373'48

А. В. Солопенко

аспирант каф. лингвистической семантики
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: sladkoanya@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИКИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ КАК СОБЫТИЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

В статье анализируется коммуникативная ситуация бытования слоганов. Выявлены основные языковые средства, при помощи которых в них конструируются понятия «мужественность» и «женственность». Зафиксирован вектор трансформации гендерных стереотипов и гендерных ролей как показатель изменчивости культурной репрезентации пола, что можно считать значимым событием в коммуникации и когниции.

Ключевые слова: слоган; мужской слоган; женский слоган; стереотипы; гендерные стереотипы; гендерные роли; коммуникация; рекламная коммуникация.

A. V. Solopenko

Postgraduate Student, Chair of Linguistic Semantics,
Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: sladkoanya@mail.ru

CHANGING SEMANTICS OF GENDER STEREOTYPES IN PRINT ADVERTISING COMMUNICATIONS

The communicative situation of ad slogans' functioning is analyzed in the paper. The basic linguistic instruments are identified that are used for constructing notions of "masculinity" and "femininity". The author fixes the vector of gender roles and stereotypes' transformation as an indicator of the variability in cultural representation of a sex, which may be regarded as a significant event in communication and cognition.

Key words: slogan; male slogan; female slogan; stereotypes; gender stereotypes; gender roles; communication; advertising communication.

Коммуникативистика – широкое исследовательское поле, дифференцируемое тремя основными подходами к его пониманию: процессно-информационным, социологическим и семиотическим.

---

¹ Статья публикуется в рамках реализации проекта РНФ № 14-48-00067 «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках».

Дискурсивное поле в рамках первого направления представлено такими учеными, как Х. Лассуэелл, К. Шэннон и У. Уивер Т. Ньюкомб, Дж. Гербнер, Б. Вестли, М. Маклин и др. Представители второго подхода, в том числе: Ч.Х. Кули, Н. Луман, Ю. Хабермас, изучали проблемы связей и отношений различных социальных субъектов. Ф. де Соссюр, Ч. Пирс, Г. Фреге, Ч. Моррис работали в рамках третьего направления и акцентировали внимание на знаках и знаковых системах.

Коммуникация – предельно широкое понятие, включающее в себя как минимум: 1) средства связи любых объектов материального и духовного мира; 2) общение, передачу информации от человека к человеку; 3) передачу и массовый обмен информацией в обществе с целью воздействия на него [4, с. 14]. При изучении первой из перечисленных сфер основное внимание уделяется проблемам дифференциации и систематизации коммуникативных средств, которые различны по своей природе, структуре, функции и эффективности; при рассмотрении второй – процессам межличностной коммуникации; в рамках третьей – проблемам групповой, массовой и межкультурной коммуникации [цит. по: 4, с. 14].

Поскольку журнальная реклама, являющаяся основным объектом нашего исследования, – это одна из форм современной коммуникации, то представляется целесообразным кратко описать коммуникативную ситуацию бытования рекламного слогана. А характеристики данной ситуации во многом предопределены сущностью рекламной коммуникации – процессом передачи рекламного обращения от источника информации (коммуникатора) к получателю (реципиенту) [1, с. 8]. Она обладает всеми свойствами, присущими массовой коммуникации, под которой, как известно, понимают процесс передачи информации с помощью технических средств (печать, радио, кинематограф, телевидение, Интернет) численно большим, рассредоточенным аудиториям. Именно в массовой коммуникации наиболее ярко выражена интересующая нас акцентуация гендерных стереотипов, а также их динамика [6, с. 47]. Учет гендерных факторов делает возможным нацеливание современных рекламных текстов на массового реципиента с учетом его социокультурных характеристик.

В статье рассматривается слоган как такой элемент рекламной коммуникации, в котором может содержаться, помимо всего

прочего, информация о гендерных ролях, для поддержания и воспроизведения которых предназначены гендерные стереотипы. Само понятие «стереотип» носит междисциплинарный характер, что не позволяет привести универсальное определение данного феномена. В самом общем виде, «стереотип – это прочно сложившийся, постоянный образец чего-нибудь, стандарт» [10, с. 766]. В современных словарях чаще встречается «шаблон» или «схематический образ» [7, с. 756]. У. Липпман, А. В. Меренков, Т. Е. Васильев, С. А. Райс, Д. Кац, К. Брейли, М. Шериф, В. В. Красных и др. основываются на социально-психологическом понимании стереотипа как базового элемента упрощенного мира, расчлененного на категории, которым присвоены ярлыки [8; 9]. Ученые-лингвисты (Э. Гюлих, Ш. Шапира, Е. Бартмицкий, Т. М. Николаева, Е. А. Некрасова и др.) переносят данное понятие на языковые явления [3; 14]. Стереотипы не существуют без вербального выражения, имеют проявления в текстах и языковом поведении людей.

Гендерный стереотип являются частным случаем стереотипа и обнаруживают все его свойства. Это культурно и социально обусловленные мнения (убеждения) о качествах, атрибутах, и нормах поведения мужчины и женщины и их отражение в языке [11, с. 66]. Они закреплены в общественном сознании и тесно связаны с выражением оценки. Стереотипы влияют на формирование ожиданий представителей разного пола. Данный термин стоит отличать от понятия гендерной роли, обозначающего один из видов социальных ролей. Это набор ожидаемых образцов поведения (норма) для мужчин и женщин.

В настоящее время не существует единой теории социальных ролей. Согласно теории Хофстеда гендерные роли формируются культурой. Однако И. С. Кон отметил, что данные роли и связанные с ними стереотипы, обусловлены не просто культурой, но и исторической эпохой [цит. по: 11, с. 62].

Цель статьи – на основе семантического анализа рекламных текстов проследить изменение вектора гендерных ролей и гендерных стереотипов в слоганах, представленных на страницах мужских и женских глянцевого журналов (*Maxim, Cosmopolitan*) в 2010–2015 гг. В целом такое изменение, при рассмотрении его в среднесрочной ретроспективе, можно считать значимым событием как для маркетинговой коммуникации, так и для динамики общественного сознания.

Главная задача статьи заключается в определении языковых средств, с помощью которых позиционируются на современном этапе маскулинность и феминность в журнальной коммерческой рекламе.

Анализ материала прессы данного периода показывает тенденцию, в соответствии с которой осуществляется, с одной стороны, поддержание традиционных представлений о маскулинности и феминности, а с другой – распространение новых предписаний мужественности и женственности как исторически изменчивых концептов.

Типичными мужскими предписаниями (гендерными стереотипами) являются следующие:

- 1) сильный («Для самых сильных». *Nivea*);
- 2) мужественный («Аромат абсолютной мужественности». *Loewe*);
- 3) надежный («Надежность в любых условиях». *Skoda Octavia Tour*);
- 4) умный, имеет собственную позицию, точку зрения (*Ego Sum Lex* – «Для тех, кто создает свой мир, в котором Я – закон»);
- 5) властный («Всегда по-рыцарски». *Chivas*);
- 6) лидер («Уверенность в победе». *Acura*);
- 7) компетентный («Лучшие решения для новых возможностей». *Ford*);
- 8) активный («Бросая вызов городской стихии». *Nissan Qashqai*);
- 9) решительный («Действует и побеждает». *L'oreal Paris men expert*);
- 10) спортивный («Спортивный гений». *Sedan Infiniti G*).

В данных стереотипах раскрываются следующие гендерные роли: «деловой мужчина», «семьянин», «спортивный мужчина».

Традиционными женскими характеристиками (гендерными стереотипами) выступают их оппозиции, такие как:

- 1) слабая (*Herbal Essences*. «Хрупкой может быть девушка, но не ее волосы!»);
- 2) женственная («Почувствуй красоту своего тела». *Avon / Skin so soft*);
- 3) нуждающаяся в защите («Подобна орхидее...» *Lucia*);
- 4) умная, не имеет своей позиции;
- 5) подчиняющаяся;
- 6) ведомая;
- 7) ответственная;

- 8) неактивная;
- 9) не рискует;
- 10) неспортивная.

Это предписания таких гендерных ролей, как «жена / мать», «леди», «домохозяйка».

Условно нами определены следующие темы, широко представленные в анализируемых печатных изданиях¹. Так в мужских глянцевах журналах мы видим слоганы рекламы банковских услуг, автомобилей, мужской косметики, алкогольной и табачной продукции. В женских глянцевах приоритетной являются реклама женской косметики, колготок, бытовой техники, алкогольной и табачной продукции. В меньшем процентном соотношении встречается реклама банковских услуг и автомобилей. Поэтому рекламные слоганы данных групп ориентированы, прежде всего, на мужчину.

Действенность рекламного обращения активно повышают оценочные клише – так называемые ключевые слова, вызывающие у человека эмоции и способствующие формированию положительных установок по отношению к объекту рекламы. Частое употребление в слоганах существительных *выбор* и *решение* льстит мужскому самолюбию, подчеркивая, что решение принимает он сам. Ум, стремление к успеху, собственная позиция – типичные составляющие атрибуты мужчины. Поэтому от его выбора, решения напрямую зависит *будущее*, которым он *управляет*. Например: «Потребительский кредит ОТП Банка – Ваш правильный выбор!». Существительные *выбор*, *решение*, *будущее*, *управление* составляют первую тематическую группу лексики, воздействующей на сознание мужчины. На основе сложившего стереотипа «мужчина – сильное плечо» выделены во вторую группу существительные *надежность*, *эффективность*, *результативность*. Таким образом, ключевые слова, отмеченные в рекламе банковских услуг, способствуют созданию образа их потенциального клиента – лидера, победителя, «настоящего мужчины».

---

¹В статье не учитывается краткосрочная динамика рекламного рынка, обусловленная частыми изменениями законодательных положений, регулирующих рекламную деятельность, а также неравномерным развитием его сегментов: рынок печатной рекламы продолжает сокращаться, что 30 августа 2016 г. констатировали эксперты Ассоциации коммуникативных агентств России (АКАР), см.: <http://www.teletrade.ru /analytics/news/3486582>.

В рекламном слогане активно используются многочисленные образно-выразительные средства языка, в частности метафоры и сравнения. В основе сравнения – характерные черты мужского характера – лидерство, стремление к власти, к победе, и слоган приобретает гендерную направленность: «Стратегия победителя – Пиоглобал» (*это передача денежных средств в паевой инвестиционный фонд*). С целью максимальной фиксации внимания мужчины, который значительно меньше подвержен влиянию рекламы, создаются неологизмы. Они увеличивают эффективность банковского рекламного слогана (например: «Гигантская кредитоподъемность!»).

Важной составляющей статуса мужчины принято считать автомобиль. Оставаясь средством передвижения, он становится отражением стиля, характера, образа жизни, ценностных ориентиров своего владельца, свидетельством его успеха. Вся необходимая информация может заключаться в 2-4 словах. Например:

«Уверенность в победе» (*Acura*);

«Надежность в любых условиях» (*Škoda Octavia Tour*).

В слоганах автомобилей акцент может быть сделан на технических характеристиках. Существительные *мощность, скорость, динамика, экономичность* образуют первую тематическую группу маскулинно ориентированной лексики. Например:

«Сверхспособности. Сверхвозможности» (*Nissan X-TRAIL*);

«Контроль над мощностью» (*Пирелли*);

«Гибридный привод *Lexus*. Был первым. Не знает равных».

Не менее значимыми являются внешние качества автомобиля: *стиль, дизайн, экспрессивность*. Они по-своему также свидетельствуют о статусе и положении в обществе мужчины:

«Ярче стиль. Круче нрав» (*Nissan Qashqai*). «Бросая вызов городской стихии».

Указанные ключевые слова представлены преимущественно отвлеченными существительными, раскрывающими свойства и качества автомобиля или подчеркивающими его достоинства в глазах потребителя.

В рекламных слоганах автомобилей многократно встретилось слово *игра*, что обусловлено склонностью многих мужчин к приключениям,

романтике. Данное существительное многозначное, поэтому в одних текстах оно подчеркивает азарт игрока, желание выиграть в жизни:

«Игра на победу» (*Land Rover*);

«Яркая игра» (*Mazda*);

«Игры для взрослых. Тебя влечет к яркой и стильной? Ты готов укротить ее дерзкий характер и ощутить завистливые взгляды? Спортивная и неудержимая, она подарит тебе чувство бескомпромиссной самоуверенности и полной свободы» (*Kia Cerato Coup*).

В других – игра понимается как забава, что-то несерьезное, несовместимое с автомобилем. Например, в рекламе автомобиля *Peugeot* «Игры кончились».

Для большей выразительности в слоганах этой группы используется метафорический перенос (например: «Свободный полет», «Выстрел»). Метафоры имеют ярко выраженную гендерную направленность: в их основе характерные мужские черты – активность, риск, лидерство. Олицетворение качеств автомобиля и ее владельца также дает начало для метафоризации слоганов:

«Хозяин трассы!» (*Peugeot 308*);

«Повелитель тьмы» (*Hummer H3*);

«Главный герой» (*Ford Focus*).

Количество неологизмов в автомобильной рекламе значительно выше, чем в банковской. «Технократ» от компании *Rinspeed* – *техническое чудо, оснащенное электромотором, – ответ экологическим проблемам и глобализации*.

В рекламе алкогольной продукции, опубликованной на страницах мужских глянцевого журналов, ключевыми словами являются *крепость, выдержка*. Данные существительные описывают вкусовые качества крепкого напитка. Существительные *благородство, величие, престиж, качество* создают эффект положительной оценки товара и формируют образ потребителя. Рекламодатели, играя на потребности мужчины диктовать свои условия, правила игры, часто включают в рекламные лозунги слово *закон*, что отвечает таким качествам, как самостоятельность, независимость, лидерство. Например:

«Для тех, кто создает свой мир, в котором Я – закон». *Ego Sum Lex*.

Долгое время сигареты были предназначены преимущественно для мужчин. Появление специальной женской линии сигарет – результат

глобальных изменений XX в. Реклама данного товара формирует новые приоритеты и ценности. Ключевые слова рекламных слоганов мужских и женских сигарет имеют разную семантику. Действенность рекламного обращения к слабому полу призваны усилить существительные:

- 1) мода, стиль;
- 2) наслаждение, удовольствие, блаженство;
- 3) роскошь, сияние, волшебство, совершенство, перевоплощение.

Для рекламы мужских сигарет выбирают слова:

- 1) вкус, выбор;
- 2) терпкость, крепость.

С целью привлечения внимания используются гендерно ориентированные метафоры: для женщины – мода («Модные перемены». *Kiss*); а для мужчины – качество («Стиль определяет качество». *Русский стиль*).

Реклама косметической продукции также обладает своими особенностями, поскольку лексика слоганов, адресованных мужской и женской аудитории, и в этом случае гендерно ориентирована. Для рекламы женской косметики характерны следующие существительные:

- 1) лицо (губы, щеки, глаза, веки), тело;
- 2) красота, очарование, обаяние, молодость (*критерии внешности*);
- 3) нежность, ласка, наслаждение, удовольствие, блаженство (*ощущения*);
- 4) роскошь, великолепие, совершенство (*результат применения средства*).

Существительные групп 2–4 содержат ярко выраженные коннотативные семы.

В рекламе мужской косметики выделены следующие ключевые слова:

- 1) качество, престиж, авторитетность (*значение выбора определенного средства*);
- 2) бодрость, свежесть, комфорт, интенсивность (*ощущения*);
- 3) энергия, соблазн, страсть, надежность, смелость (*черты характера потребителя*).

В этих слоганах рекламодатели редко прибегают к метафоре. В качестве оценочных клише чаще всего употребляются прилагательные *новый, надежный, эффективный, универсальный* и др.

Предполагается, что на женское сознание, наоборот, воздействуют различные образные средства языка – метафоры, сравнения, например: «Неувядающая красота розы» от *Avon* – подразумевает молодость кожи; «Арифметика красоты» – есть сумма всех слагаемых привлекательности (*Avon*), «Кожа как шелк» (*Nivea*), «Губы подобные лепестку» (*Avon*).

В рекламных текстах активно используются многочисленные образно-выразительные средства, которые характерны для языка вообще. Они призваны не только подчеркнуть достоинства рекламируемого товара, но и сформировать в сознании читателя определенные образы этого товара и его потребителя. К таким средствам языка, кроме уже названных, относится и многозначность. В этом случае обыгрываются различные значения одного и того же слова: «Выбирай банк по расчету» (*Москоммерцбанк*). Слово *расчет* можно осмыслить в двух значениях: 1) учет данных; 2) выгода.

Если слово имеет несколько значений, выразительные возможности его увеличиваются и многозначность служит источником яркой эмоциональности, даже без использования метафор, что мы видим в рекламе косметики: «Власть над временем» – *Oriflame* (время – 1) одна из форм существования материи, 2) старение (контекстуальное).

Отступления от нормы, заданной стереотипом, связаны с предписанием феминных характеристик – мужскому типу:

- 1) нежный, чуткий: «Время не властно над Волей и Нежностью» (*Faberlic*);
- 2) романтический, чувственный: «Современный романтик» (*Avon / Persil*);
- 3) несовершенный: «Он умен. Он привлекателен. Но и ему присущи недостатки» (*Clarins men*);
- 4) красивый, ухоженный: «Задай свой стиль», «Где косметика, там жизнь». Мужчине свойственны новые гендерные роли, такие как: «авантюрист», «инфантильный мужчина».

Женщине присущи мужские черты:

- 1) дерзкая, сильная / сексуальная, страстная. Например: «Твой цвет – твои правила» (*Wella*);
- 2) активная, рискующая. Например: «Выбери свой*. Начни игру! *Играй нежно. Играй сексуально. Играй дерзко» (*Play Boy*);
- 3) лидер, а не ведомая: «Мой образ – мое высказывание» (*MaX-factor*);

- 4) непостоянная, свободная;
- 5) гламурная, звездная: «Помада для главной роли» (от *Estee Lauder*); «Каждый день в роли звезды!» (*Starlette infini*).

Женщине присущи следующие гендерные роли: «деловая женщина», «беззаботная девушка», «соблазнительница».

Таким образом, можно заметить, что реклама воздействует на мужское и женское сознание, прибегая к разным экспрессивным средствам языка. Иначе осуществляется воздействие на подрастающее поколение. Для целевой молодежной аудитории на первый план выходит возраст, а не гендерная характеристика, поэтому возникло понятие «унисекс». В рекламе товаров, ориентированных на молодежь, в первую очередь безалкогольных напитков, сладостей, снеков, активно используется молодежный жаргон: «Заморозь *заморочки*»; «*Зацени* творожок, который можно жевать»; «*Понты* – понятие нам не близкое. Мы – за общение...» и др.

Следует справедливо отметить, что в целом жанр журнальной рекламы, способствует формированию социальной идентичности: сохраняя культурное своеобразие в социумах, с одной стороны, и формируя новый культурный стандарт, с другой [5, с. 276]. Стереотипы, в том числе и гендерные, имеют свойство меняться во времени, отражать политические интересы, государственный заказ, а также представления обыденного сознания, свойственные эпохе [12, с. 86]. В этом отношении интересны работы М. В. Томской, связанные с изучением социального рекламного дискурса [12; 13]. В них отмечено, что «социальная реклама на русском языке находится лишь в стадии развития и пока не обнаруживает целенаправленного использования гендерных стереотипов» [12, с. 86; 13, с. 299]. Проведенное нами спустя десятилетие исследование коммерческих журнальных текстов выявляет активное применение гендерных стереотипов и формирование новых образцов поведения, несвойственных мужчинам и женщинам ранее, тем самым подтверждая мнение М.В. Томской о попытке их преодоления, невзирая на то, что полоролевые стереотипы достаточно прочно закреплены в общественном сознании.

Реклама воспроизводит социальные реалии: в XXI в. «Она» – карьеристка и беззаботная; «Он» – романтичный и сентиментальный. Для «Нее» в свое время была создана отдельная линия женского пива, водки, сигарет; для «Него» – серия косметических средств. Таким

образом, мы наблюдаем внедрение в массовое сознание новых стереотипов социального поведения, новой системы ценностей, что является примером значимого события в коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аниськина Н. В., Кольшикина Т. Б.* Рекламный текст: теория и практика анализа. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 178 с.
2. *Барменский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике : пер. с польск. – М. : Индри, 2005. – 527 с.
3. *Борисе С. В.* Социология коммуникации : учеб. пособие для вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 270 с.
4. *Гнатюк О. Л.* Основы теории коммуникации. – М. : КНОРУС, 2010. – 256 с.
5. *Гусейнова И. А.* Жанровая организация маркетингового дискурса. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – 364 с.
6. *Кирилина А. В.* Гендерные аспекты массовой коммуникации / Гендер как интрига познания. – М. : Родамина, 2000. – С. 47–80.
7. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов. – М. : Эксмо-Пресс, 2000. – 1308 с.
8. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
9. *Литтман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуковой. – М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
10. *Назарчук А. В.* Теория коммуникации в современной философии. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
11. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
12. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. – М. : Информация – XXI век, 2002. – 256 с.
13. *Томская М. В.* Гендерные компоненты социального рекламного дискурса / Гендер как интрига познания. – М. : Рудомино, 2002. – С. 81–87.
14. *Томская М. В.* Гендерная характеристика социальной рекламы / Гендер: язык, культура, коммуникация. – М. : Рудомино, 2002. – С. 294–300.
15. *Трынков Д. С.* Семантические механизмы стереотипизации образов солнца и луны в немецкой языковой картине мира : дис... канд. филол. наук. – М., 2011. – 158 с.
16. *Baxter L. A.* (2004). Relationships as dialogues // *Personal Relationships*. – 2004. – # 11. – P. 1–22.
17. *Sillars A. L. & Vangelisti A. L.* Communication: Basic properties and their relevance to relationship research // *A. L. Vangelisti & D. Perlman (Eds.). The Cambridge Handbook of Personal Relationships*. – New York : Cambridge University Press, 2006. – P. 331–351.

УДК 81'25

В. И. Фролов

преподаватель каф. переводоведения и практики перевода
английского языка переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: pretransfallacy@gmail.com

АВТОПЕРЕВОД РОМАНА В. В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА»

В статье анализируется авторский перевод романа В. В. Набокова «Лолита». Автор начинает с обзора имеющихся определений и описаний авторского перевода (автоперевода). Проводится различие между такими понятиями, как «авторский перевод», «автоперевод», «авторизированный перевод» и «двуязычный текст». Затем, возвращаясь к базовому для переводоведения разделению на «перевод как процесс» и «перевод как результат», автор рассматривает сам статус явления автоперевода и принципиальный вопрос его принадлежности к области межъязыкового перевода. Определив необходимые термины и понятия, автор переходит к сопоставительному анализу романа «Лолита», написанного на английском языке, и его перевода на русский, выполненного самим Набоковым. Переводческие решения разбираются не только в свете современных представлений об эквивалентности и коммуникативной равноценности, но и с точки зрения принципов, заявленных самим Набоковым.

Ключевые слова: автоперевод; Набоков; художественный перевод; «Лолита»; модели перевода; билингвизм.

V. I. Frolov

Lecturer, the Department of Translation Studies and Translation
and Interpreting (the English Language),
the Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: pretransfallacy@gmail.com

SELF-TRANSLATION OF V. NABOKOV'S "LOLITA"

The article analyzes self-translation of V. Nabokov's novel *Lolita*. The author starts with a review of existing definitions and descriptions of self-translation, differentiating such notions as *author's translation*, *self-translation*, *authorized translation* and *bilingual text*. Then, recalling the basic distinction between 'translation as a process' and 'translation as a result', the author questions the status of self-translation and the possibility of including it to the realm of translation proper. After the basic terms having been defined, the article presents a comparative analysis of *Lolita* and its translation into Russian, made by Nabokov himself. All translator's solutions are analyzed in the context of modern theories of communicative equivalence, as well as from the point of view of author's / translator's own theoretical principles.

Key words: self-translation; Nabokov; literary translation; *Lolita*; translation models; bilingualism.

Феномен автоперевода

Явление автоперевода (или авторского перевода) является одним из самых неоднозначных и малоизученных. Специализированная справочная литература предлагает несколько вариантов определения автоперевода:

Авторский перевод – особый вид перевода. С абстрактной точки зрения – это идеальный путь воссоздания оригинала на другом языке, ибо лучше автора никто оригинал не знает. В то же время в автопереводе возможны значительные трансформации исходного текста, недопустимые при переводе подлинника другим переводчиком. Поэтому критерии точности и вольности в приложении к авторскому переводу также видоизменяются [12, с. 12].

AUTO-TRANSLATION / SELF-TRANSLATION (авторский перевод) – перевод автором своего собственного произведения (текста)... В случае авторского перевода писатель-переводчик принимает для себя ряд важных решений, связанных с проблемой адаптации своего текста к принимающей культуре ... С другой стороны, в случае авторского перевода, видимо, корректнее говорить не об оригинале и переводе и их различиях, а о двух «версиях» («вариантах») произведения, имеющих равный статус [13, с. 16–17].

В обоих определениях подчеркивается особый статус автоперевода, отличия от традиционного двуязычного перевода в критериях описания и оценки.

Итак, как мы видим, проблема автоперевода действительно оказывается крайне специфической, однако во всем уже немало корпусе переводоведческой литературы работ о феномене автоперевода существует совсем немного – чаще всего это небольшие статьи или параграфы в учебных пособиях. Исключением является недавно изданная монография «Двуязычный текст: история и теория художественного автоперевода» [21]. Авторы этой работы традиционному понятию автоперевода (self-translation) предпочитают термин «двуязычный текст» (bilingual text), т. е. есть текст как бы существующий «в двух ипостасях» (ср. второе словарное определение выше). В начале этой научной работы справедливо отмечается, что «современные теории перевода либо избегают проблемы автоперевода, либо попросту не способны за нее взяться» [там же, с. 9]. Авторы находят два вида причин, по которым явление автоперевода оказалось за рамками

специальных исследований: *внешние* (геополитические процессы образования национальных государств с их жесткой языковой политикой) и *внутренние* (неспособность литературоведения и теории текста адекватно описать двуязычный текст) [там же, с. 1–2]. Далее в работе отмечается необходимость анализировать автопереводы на более глубоком уровне, чем собственно переводы – ссылаясь на переводоведа Э. Пима, авторы работы утверждают, что переводчик существует не в некоем абстрактном зазоре между языками и культурами, а в особом межкультурном пространстве [там же].

Из работ отечественных авторов необходимо отметить статью А. М. Финкеля «Об автопереводе», которая является чуть ли не единственной в отечественном переводоведении попыткой осмыслить феномен автоперевода с теоретических позиций. Финкель начинает с того, что отмечает возможность значительных преобразований оригинала при автопереводе: «...изменения, которые автор-переводчик вносит в перевод, могут привести к значительным расхождениям его с оригиналом» [16, с. 105]. В статье ставится под вопрос распространенное убеждение, согласно которому переводчик должен создать такой текст, какой бы создал сам автор на данном языке: «Вильгельм Гумбольдт был, очевидно, прав, считая ошибочным и даже бессмысленным требование, чтобы переводчик писал так, как писал бы сам автор на языке перевода» [там же, с. 125]. Размышляя о статусе автоперевода, автор сравнивает значительные преобразования автором собственного текста с принципами перевода эпохи классицизма: «В авторском переводе границы между переводом и переделкой размываются <...> Возрождается в своеобразной форме давно отринутая переводческая поэтика классицизма <...> Но не выходит ли это за границы перевода?» [там же]. Таким образом, автор справедливо отмечает, что само понимание границ между переводом и переложением (переделкой) – понятие историческое. В монографии «Двуязычный текст...» также ставится под вопрос отнесение автопереводов к переводам вообще – ведь к ним неприменимы такие традиционные понятия переводоведения, как эквивалентность, текст оригинала / текст перевода, одомашнивание и экзотизация [21, с. 3].

Обзор немногочисленных исследований вопроса подводит нас к выводу о том, что в первую очередь «необходимо ответить на вопрос, в каком отношении автопереводы как *тексты* состоят с “нормальными”

переводами» [22, с. 258], а также понять, какими критериями должен пользоваться исследователь, сравнивая традиционные переводы и автопереводы.

Перевод как процесс и перевод как результат

Очевидно, что ответ на вопрос, относить ли нам автопереводы к переводам вообще, зависит от определения и трактовки самого понятия перевода. Определений существует великое множество, и «примеривать» их все к нашей проблеме не представляется возможным. Необходимо, на наш взгляд, взять наиболее глубинное концептуальное разделение, а именно – разделение перевода на *процесс* и *результат*. Это разграничение отмечалось теоретиками с самого зарождения науки о переводе. О нем, в частности, пишет Л. С. Бархударов в работе «Язык и перевод»:

...даже когда слово «перевод» употребляется в смысле «перевод с одного языка на другой», оно и в этом случае имеет два разных значения: 1. Перевод как *результат* определенного процесса, т. е. обозначение самого переведенного текста... 2. Перевод как сам *процесс*, т. е. как действие от глагола *переводить*, в результате которого появляется текст перевода... [1, с. 5].

А. В. Фёдоров также отмечает разделение на процесс и результат: слово *перевод*... обозначает: 1) процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном – исходном – языке (ИЯ), пересоздается на другом – переводящем – языке (ПЯ); 2) результат этого процесса, т. е. новое речевое произведение (текст или устное высказывание) на ПЯ [15, с. 9].

Во многих западных учебных пособиях по переводу теория также подразделяется на *text-oriented* и *process-oriented translation studies*.

В направлении изучения перевода-результата, т. е. самих текстов, пошла лингвистическая теория перевода. Для изучения, сопоставления и критики переводов ученым в качестве методологической предпосылки сначала требовалось сформулировать четкое определение перевода. Одним из основателей лингвистической теории перевода Дж. Кэтфордом перевод определяется как «языковая операция, при которой происходит замена текста на одном языке текстом на другом» [20, с. 1], а уже упомянутый Бархударов – один из зачинателей

отечественной лингвистической теории перевода – определял перевод как «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [1, с. 11]. Первые определения были очень схематичными и абстрактными, однако лингвистическая теория перевода развивалась, и в итоге В. Н. Комиссаровым было предложено определение, которое можно считать одним из результатов всего полувекового развития лингвистического подхода. Оно звучит следующим образом: «...перевод можно определить как вид языкового посредничества, при котором ... создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу», когда перевод «во всем заменяет оригинал, является его полноценным представителем» [4, с. 45].

Не так давно свое определение перевода сформулировал Д. М. Бузаджи, опираясь на теорию релевантности переводоведа Э.-А. Гутта. Переводом Д. М. Бузаджи предлагает считать «текст на переводящем языке, призванный воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации, содержащейся в тексте на исходном языке, с учетом ее относительной коммуникативной ценности» [2, с. 52]. Не анализируя здесь различия всех вышеперечисленных определений, хотелось бы отметить их общую черту: в лингвистически ориентированных определениях перевод в первую очередь трактуется как *результат* некоего процесса, т. е. как текст. В этом случае автоперевод можно считать частным случаем межъязыкового перевода, так как сам автор в конечном итоге создает текст, который должен отвечать тем или иным критериям.

Если же говорить о переводе как о процессе, то для его описания ученые использовали метод моделирования. Было предложено достаточное количество моделей, мы же здесь рассмотрим две из них, авторы которых принципиально выходят за границы узко лингвистического понимания перевода. Немецкий переводовед О. Каде предложил трехфазную модель, опираясь на теорию коммуникации, в свете которой понятие перевода «должно быть очерчено несколько шире», чем в «микролингвистическом смысле» [3, с. 69]. О. Каде выделяет следующие три фазы двуязычной коммуникации:

1. Коммуникация между автором текста оригинала и переводчиком.
2. «Мена кода» двух языков (этой фазой, по мнению О. Каде, ограничивается узко лингвистическое понимание перевода).

3. Коммуникация между переводчиком и получателями перевода (читателями, слушателями и т. п.). [там же, с. 74].

Данная модель подчеркивает многофункциональность деятельности переводчика. В первой фазе он выступает как получатель, во второй – как «перекодирующее звено» и, наконец, в третьей как отправитель текста. Очевидно, что в случае автоперевода первая фаза отсутствует. Введенное Ю. М. Лотманом понятие автокоммуникации (когда отправитель совпадает с получателем) обладает объяснительной силой в более широком культурологическом контексте. Сам Ю. М. Лотман отмечал, что модель была заимствована им из теории коммуникации и перенесена в сферу культуры [6, с. 159].

Вторая модель, которую нам хотелось бы рассмотреть, это так называемая герменевтическая модель, предложенная филологом и литературоведом Дж. Стайнером [23]. Он описывает перевод как четырехчастную процедуру, названную им «герменевтическим шагом» (*hermeneutic motion*). Дж. Стайнер выделяет следующие четыре этапа:

1. Изначальное доверие.
2. Присваивание.
3. Включение (слияние).
4. Компенсация (возмещение).

Под *изначальным доверием* Дж. Стайнер понимает допущение наличия смысла в тексте, – начиная работать с текстом, переводчик априорно допускает, что в нем «есть что переводить». *Присваивание* – это агрессивный захват смысла. Здесь Дж. Стайнер вспоминает метафору Иеронима Стридонского, который сравнивает смысл с пленником, а переводчика – с захватчиком. Третий этап *включения* обозначает интеграцию извлеченного смысла в пространство нового языка принимающей культуры. Последний этап *возмещения* как бы восстанавливает баланс, уравнивает изначальный уклон в сторону оригинального текста. Неоднократно упоминая в работе набоковский перевод «Евгения Онегина», Дж. Стайнер в том числе экстраполирует на него свою герменевтическую модель и отмечает сверхкомпенсацию на последнем этапе.

Очевидно, что в случае автоперевода два первых этапа отпадают. Действительно, необходимость изначального доверия в данном случае представляется абсурдной. Этап же присваивания кажется лишним, поскольку подразумевает освоение смыслов, созданных другим человеком.

Таким образом, модели перевода, в рамках которых перевод трактуется в первую очередь как процесс и анализируется в широком контексте, выходящем за рамки лингвистического понимания, не позволяют считать автоперевод частным случаем межъязыкового перевода.

Тем не менее в данной статье мы ограничимся сопоставительным анализом текстов. Это означает, что наш подход будет сугубо лингвистическим. Следовательно, далее мы будем исходить из допущения о том, что автоперевод можно считать частным случаем перевода, а, значит, оценивать его мы будем по аналогичным критериям.

«Лолита» как двуязычный текст

Роман «Лолита» был написан в 1953 г., а первое издание вышло в 1955 г. Русский перевод, за который Набоков взялся после неудачной попытки его родственников, вышел двенадцать лет спустя в 1967 г. Этот автоперевод, по мнению ряда ученых, «выполнен в великолепной русской традиции. Набоков здесь пренебрег собственными правилами точного перевода» [17, с. 20]. Исследовательница творчества Набокова П. Мейер даже называет набоковские переводы «Евгения Онегина» и «Лолиты» двумя полюсами на шкале вольности / буквализмичности, а также проводит множество интертекстуальных параллелей между двумя произведениями:

...по меньшей мере четыре года Набоков усиленно трудился одновременно над «Лолитой» и «Онегиным»... Набоков – переводчик «Онегина» ради строжайшей буквальности жертвует рифмой и размером; в «Лолите» доводится до логического предела парафрастический перевод. «Лолита» – это осуществленное через пространство и время переложение памятника русской литературы 1820-х годов на язык американской культуры 1950-х, пародирующее идею адаптации оригинала к языковой специфике потребителя. Воссоздавая в своем английском переводе максимально русского «Онегина», Набоков одновременно сочинял в «Лолите» его предельно американизированный парафраз, обращаясь, таким образом, к обоим методам, находящимся в распоряжении переводчика, который стремится преодолеть культурный разрыв между производителем (Пушкин) и потребителем (американские читатели 1950-х годов) [7, с. 17–18].

Все исследователи романа «Лолита» отмечают многоуровневую сложность текста. Отдельные работы посвящены разбору огромного числа литературных и культурологических аллюзий, другие – особенности специфичного идиостиля. Однако, взявшись переводить свой

собственный роман, Набоков столкнулся в первую очередь не с экстралингвистическими, а с языковыми трудностями – в послесловии к русскому изданию он пишет о проблеме «взаимной переводимости двух языков»:

Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, всё нежно-человеческое (как ни странно!), а также всё мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговорённости, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов – всё это, а также всё относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям – становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма. Эта неувязка отражает основную разницу в историческом плане между зелёным русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским: между гениальным, но ещё недостаточно образованным, а иногда довольно безвкусным юношей, и маститым гением, соединяющим в себе запасы пёстрого знания с полной свободой духа [11, с. 386–387].

Отметим, что Набоков уделяет особое внимание разнице языков на фонетическом и лексическом уровнях.

* * *

Сопоставительный анализ англоязычного и русскоязычного текстов «Лолиты» выявляет ряд закономерностей:

She was Lo, plain Lo, in the morning, standing **four feet ten** in one sock. She was Lola in slacks. She was Dolly at school. She was Dolores on the dotted line. But in my arms she was always Lolita.

Она была Ло, просто Ло, по утрам, ростом в **пять футов (без двух вершков** и в одном носке). Она была Лола в длинных штанах. Она была Долли в школе. Она была Долорес на пунктире бланков. Но в моих объятьях она была всегда Лолита.

В этом отрывке хотелось бы остановиться на нескольких моментах: 1) используются разнородные единиц измерения длины (футы, вершки); 2) Набоков отказывается от передачи аллитерации; 3) сохраняется оригинальный порядок слов, нарушающий правила актуально-го членения русского предложения.

In a principedom by the sea.

В некотором княжестве у моря
(почти как у По).

Аллюзия, отсылающая к начальным строкам стихотворения Эдгара По «Аннабель Ли», в переводе эксплицируется.

Ladies and gentlemen of the
jury

Уважаемые присяжные женско-
го и мужского пола!

Нейтральное обращение, использованное в оригинале, при переводе заменяется на непривычный (оказиональный) вариант – в Национальном корпусе русского языка такое сочетание встречается только в романе «Лолита».

She had entered my world,
umber and black *Humberland*

Она вошла в мою страну, в ли-
ловую и черную Гумбрию

Аллитерация не передается, к тому же имеет место необоснованная замена (темно-коричневая [umber] – лиловая).

Never did she vibrate under
my touch, and a strident “what
d’you think you are doing?” was
all I got for my pains.

Никогда не вибрировала она под
моими перстами, и визгливый окрик
(«что ты, собственно говоря, дела-
ешь?») был мне единственной награ-
дой за все старания ее растормошить.

Фраза, которую Лолита выкрикивает в английском тексте, типична для использования в подобной ситуации, в то время как русская фраза представляет собой оказиональное сочетание слов (в Национальном корпусе русского языка встречается только в романе «Лолита»). Слово *pains* передается словосочетанием «старания ее растормошить», что можно трактовать как смысловое развитие и экспликацию свернутого смысла.

Woof, commented the dog
perfunctorily. I pressed the bell
button, it vibrated through my
whole system. Personne. Je
resonne. Repersonne. From what
depth this re-nonsense? Woof,
said the dog. A **rush** and a **shuffle**,
and **woosh-woosh** went the door.

«Гуф», – почел нужным проком-
ментировать пес. Я нажал на кнопку
звонка; его вибрация прошла по все-
му моему составу. Personne: никого.
Je resonne, repersonne: звоню вновь,
и вновь. Откуда, из каких глубин
этот вздор-повтор? «Гуф», – встави-
ла собака. Порывистое приближе-
ние, шарканье и шум (гуф) распах-
нувшейся двери.

Типичное оноματοпоэтическое «woof» передано необычным «гуф», хотя аналогом является междометие «гав». Французские слова «Personne. Je resonance. Repersonne» в оригинале обыгрываются напрямую, в то время как в переводе передается их значение. Аллитерация в последнем предложении передана (причем с помощью того же звука [ш]). Слово «woosh», обозначающее звук рассекаемого воздуха передано так же, как лай собаки («гуф»).

...and perhaps an actual visit from him, with trouble on my part to rationalize him as not being a ghost. Thomas had something.

...может быть, моим визитом к нему с целью перевести его воочию в реальность телесности из положения призрака. Апостол Фома был не так глуп.

Стилистически нейтральное выражение *rationalize him as not being a ghost* передано громоздким и неясным (и поэтому привлекающим внимание) «перевести его воочию в реальность телесности из положения призрака». Намек на «неверующего» апостола Фому при переводе эксплицируется.

But while the blood still throbs through my writing hand, you are still as much part of **blessed matter** as I am, and I can still talk to you from **here** to Alaska.

Но пока у меня кровь играет еще в пишущей руке, ты остаешься столь же неотъемлемой, как я, частью *благословенной материи мира*, и я в состоянии сноситься с тобой, хотя я в *Нью-Йорке*, а ты в Аляске.

Дважды в этом предложении снова имеет место определенного рода экспликация. Набоков-переводчик как бы разъясняет и уточняет мысли Набокова-писателя.

На передаче аллитерации хотелось бы остановиться отдельно. Действительно, в выбранных нами примерах аллитерация за одним исключением не передается. Однако в одном исследовании [18] разобрано достаточное количество примеров из автоперевода «Лолиты», в которых Набоков передает аллитерацию. Тем не менее, как в свое время справедливо отметил В. К. Ланчиков [5], степень осознанности, а значит, и действенности, стилистического приема аллитерации в русском и английском языке различны. Набоковед Дж. Розенгрант указывает на случаи компенсации приема аллитерации в других

местах текста, а также отмечает, что «хотя Набоков и пользуется аллитерацией в русском тексте, ее эффект в целом менее заметен, чем в английском» [14, с. 954].

Итак, анализ вышеприведенных примеров подводит нас к ряду выводов:

1. В автопереводе многие изначально «скрытые» смыслы эксплицируются. Однако, если учитывать тот факт, что во всех своих теоретических работах, посвященных вопросам перевода, Набоков отрицает и критикует какую-либо «ориентацию на читателя» [8; 9; 10], то подобные случаи можно объяснить универсальной тенденцией к «разъяснению» (*explicitation*) – одной из переводческих универсалий, выделенных М. Бейкер [19, с. 180–181].

2. Стилистические приемы фонетического уровня (в частности, аллитерация) передаются ситуативно (в одних случаях передаются, в других – не передаются, в третьих – компенсируются).

3. Стертые и узуальные языковые средства оригинального текста зачастую передаются стилистически маркированными (окказиональными или экспрессивными). В некоторых случаях это происходит из-за их буквальной передачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Бузаджи Д. М. К вопросу об определении понятия «перевод» // Мосты № 2 (30) – 2014. – С. 44–55.
3. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 69–90.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
5. Ланчиков В. К. К вопросу об аллитерации в английской прозе // Тетради переводчика. – 2005. – Вып. 25. – С. 111–122.
6. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. – СПб. : Искусство, 2000. – С. 159–165.
7. Мейер П. Найдите, что спрятал матрос: «Бледный огонь» Владимира Набокова. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 312 с.
8. Набоков В. В. Искусство перевода // Лекции по русской литературе. – М. : Независимая газета, 1996. – С. 389–397.

9. *Набоков В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». – СПб. : Искусство-СПб, Набоковский фонд, 1998. – 928 с.
10. *Набоков В. В.* Предисловие к «Герою нашего времени» // Собрание сочинений американского. – Т. 1. – СПб. : Симпозиум, 2004. – С. 525–537.
11. *Набоков В. В.* Собрание сочинений американского периода. – Т. 2. – СПб. : Симпозиум, 2008. – 672 с.
12. *Нелюбин Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь. – М. : Флинта ; Наука, 2009. – 320 с.
13. Основные понятия англоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – 261 с.
14. *Розенгрант Дж.* Владимир Набоков и этика воображения. Двухязычная практика / В. В. Набоков: pro et contra. – Т. 2. – СПб. : Изд-во Российского христианского гуманитарного института, 2002. – С. 929–955.
15. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода. – М. : Высшая школа, 1983. – 304 с.
16. *Финкель А. М.* Об автопереводе // Теория и критика перевода. – Л. : Издательство ЛГУ, 1962. – С. 104–125.
17. *Хованская Е. С.* Фразеологические единицы в произведениях В. В. Набокова и способы передачи на другой язык : дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 179 с.
18. *Шаталов С. Ю.* Некоторые особенности стиля В. В. Набокова в аспекте автоперевода (на материале «Лолиты») // Перевод и стилистические ресурсы языка. – М. : МГЛУ, 2004. – С. 31–48. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 488. Сер. Лингвистика).
19. *Baker M.* Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead // Terminology, LSP and Translation / ed. by H. Sommers. – Amsterdam and Philadelphia : Benjamins, 1996. – P. 175–186.
20. *Catford J. C.* A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics. – Oxford University Press, 1965. – 103 p.
21. *Hokenson J. W., Munson M.* The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation. – Routledge, 2007. – 236 p.
22. Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. by M. Baker, G. Saldanha. – Routledge, 2008. – 704 p.
23. *Steiner G.* After Babel. – Oxford University Press, 1998. – 560 p.

УДК 37.012

А. И. Горожанов

кандидат филологических наук, доцент,
доцент каф. грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка МГЛУ; e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

ПРИМЕР РАЗРАБОТКИ ДИСТАНЦИОННОГО КУРСА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК УЗЛА ОБУЧАЮЩЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье рассматривается пример разработки дистанционного курса иностранного языка как узла обучающей виртуальной среды для изучения иностранного языка средствами LMS Moodle 3.0; доказывается соответствие содержания курса основным принципам сознательно-сопоставительного метода обучения иностранным языкам; указывается на отличие электронных учебных материалов – узлов ОВС от электронных копий традиционных учебников; делается вывод о непротиворечии основных принципов сознательно-сопоставительного метода и основных положений концепции ОВС.

Ключевые слова: обучающая виртуальная среда; сознательно-сопоставительный метод; дистанционных курс иностранного языка; LMS Moodle 3.0.

A. I. Gorozhanov

Ph.D., Ass. Prof., Department of German Language
Grammar and History, MSLU; e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

AN EXAMPLE OF DEVELOPING A DISTANT LEARNING COURSE AS A VIRTUAL LEARNING ENVIRONMENT NODE

The article touches upon an example of developing a distant learning course as a node of a virtual learning environment for learning foreign languages. The author proves that the course corresponds to the main principals of the cognitive-comparative method for learning foreign languages and points out that digital learning materials as VLE nodes differ from the digital copies of the traditional textbooks. In the conclusion it is highlighted that the main principals of the cognitive-comparative method do not contradict the ones of the VLE.

Key words: virtual learning environment; cognitive-comparative method; distant foreign language course; LMS Moodle 3.0.

Обучающая виртуальная среда (далее – ОВС), которую мы определяем как «населенное организованное и организующееся динамичное профессиональное информационное пространство, которое служит цели приращения положительного знания, состоит из связанных узлов, размещенных в Интернете и доступных через авторизованную учетную запись с распределением ролей, предусматривает саморазвитие, улучшает свое качество при увеличении количества пользователей и остается индивидуализированным инструментом повышения профессионализма на протяжении всей жизни пользователя» [2, с. 23], предусматривает наличие только электронных учебных материалов, которые являются в ней единственно возможной реальностью.

Исходя из того, что узлы ОВС должны в своей совокупности отвечать предъявляемым к ОВС требованиям, «не нарушая общей целостности системы» [4, с. 225], мы можем рассматривать дистанционный курс LMS Moodle в качестве такого узла, поскольку система предусматривает авторизованную учетную запись и распределение ролей, а улучшение качества зависит от количества пользователей в том смысле, что автор курса может улучшать его, принимая во внимание результаты обучения и отзывы пользователей.

Дистанционный курс немецкого языка для обучающихся, не изучавших его ранее, был создан в Центре дистанционного обучения Московского государственного лингвистического университета [1, с. 47]. Курс предназначен для большой группы обучающихся, желающих получить базовые навыки владения немецким языком (уровень А1 с элементами А2 в части формирования грамматической компетенции).

В ходе реализации курса предусмотрены два вида работы: самостоятельная работа обучающегося (далее – СР) и индивидуальные занятия тьютора с обучающимся в режиме видеоконференции (ИЗВ). Общий объем дисциплины составляет 83 часа, включая 75 часов СР и 8 часов ИЗВ.

Курс включает следующие темы:

Тема 1

Фонетический раздел. Долгота и краткость гласных звуков. Долгий открытый гласный [a:] и краткий открытый гласный [a], долгий закрытый [i:] и краткий открытый гласный [ɪ], долгий закрытый гласный [u:] и краткий открытый гласный [ʊ]. Твердый приступ гласных в начале

слова или морфемы. Смычно-взрывные согласные [b]/[p], [d]/[t], [g]/[k]. Щелевые согласные [v]/[f], [z]/[s]. Сонорный [n]. Отсутствие озвончения и придыхания немецких согласных звуков. Ассимиляция согласных по глухости. Геминация. Интонация простого нераспространенного предложения. Интонация в фразах-приветствиях.

Грамматический раздел. Спряжение глагола *sein* (*быть*) в 3-м лице единственного и множественного числа. Простое нераспространенное повествовательное предложение.

Лексический раздел. Приветствие и представление. Знакомство».

Тема 2

Фонетический раздел. Редуцированный звук [ə]. Долгий закрытый гласный [e:], краткий открытый гласный [ɛ], долгий открытый [e:]. Специфические немецкие согласные звуки [ç], [x], [h], [j]. Звуки [ts], [ʃ]. Интонация простого распространенного повествовательного предложения. Интонация вопросительного предложения без вопросительного слова. Интонация вопросительного предложения с вопросительным словом.

Грамматический раздел. Спряжение глагола *sein*, некоторых слабых и сильных глаголов в настоящем времени. Порядок слов в простом распространенном повествовательном предложении. Порядок слов в вопросительном предложении без вопросительного слова. Порядок слов в вопросительном предложении с вопросительным словом.

Лексический раздел. Общение.

Тема 3

Фонетический раздел. Сонорный звук [ŋ]. Согласный [l]. Дифтонг [ai]. Ударение в существительных с суффиксами *-ung*, *-ling*, *-lein*.

Грамматический раздел. Склонение и употребление определенного и неопределенного артикля в именительном (Nominativ) и винительном падеже (Akkusativ). Спряжение глаголов типа *heißen* (*называться*), *leben* (*жить*), *zeichnen* (*рисовать*).

Лексический раздел. Досуг.

Тема 4

Фонетический раздел. Звуки [R] и [ʁ]. Долгий закрытый [o:] и краткий открытый [ɔ]. Ударение в двухкомпонентных сложных словах.

Грамматический раздел. Эквиваленты предложений *Ja*, *Nein*. Отрицание *nicht*. Спряжение глагола *wissen*, *kennen*. Безличное местоимение *es*. «Рамочная конструкция».

Лексический раздел. Город и его жители.

Тема 5

Фонетический раздел. Дифтонг [aʊ]. Правила правописания и произношения *s, ss, ß*.

Грамматический раздел. Удостоверительный вопрос. *Doch* как выражение возражения на вопрос, содержащий отрицание. Отрицание *kein* в именительном и винительном падежах. Случаи употребления нулевого артикля.

Лексический раздел. Путешествие.

Тема 6

Фонетический раздел. Звуки [y:] и [ʏ]. Сверхкраткие [i̯] и [ʊ̯]. Аффриката [tʃ]. Звуки [ɕʒ], [ʒ], [tʃ-], [ç-], [k-], [ʃ] в заимствованных словах.

Грамматический раздел. Склонение личных местоимений в именительном и винительном падежах. Предлоги, требующие аккузатива (винительного падежа). Склонение указательных местоимений *dieser (этот), diese (эта, эти), dieses (это), jener (тот), jene (та, те), jenes (то)*; неопределенных местоимений *jeder (каждый), jede (каждая), jedes (каждое)*, местоимений *alle (все) и alles (всё)* в именительном и винительном падежах. Предлог *von* в значении принадлежности.

Лексический раздел. Учеба.

Тема 7

Фонетический раздел. Звуки [ø:] и [œ]. Дифтонг [ɔø]. Интонационная структура предложения с однородными членами. Интонация альтернативного вопроса с *oder*. Интонационная структура сложносочиненного предложения с союзами *aber, oder, und, denn*.

Грамматический раздел. Склонение притяжательных местоимений в именительном и винительном падежах. Спряжение модального глагола *wollen (хотеть, желать)* в настоящем времени. Спряжение модального глагола *mögen – möchten (хотел бы)* в настоящем времени. Однородные члены предложения и союзы *und, oder, aber*. Сложносочиненные предложения с союзами *aber, oder, und, denn*. Спряжение глагола *werden (становиться, стать)* в настоящем времени. Словообразование: производные существительные со словообразовательными суффиксами *-er* и *-in*. Особенности употребления *noch, schon, alle, alles, viele, viel, zu Hause, nach Hause*.

Лексический раздел. Взрослые, дети.

Тема 8

Фонетический раздел. Интонация в предложениях, содержащих прямую речь. Ударение в глаголах с неотделяемыми приставками *er-, ent-, ge-, über-*.

Грамматический раздел. Склонение личных местоимений в дативе. Склонение определенного и неопределенного артикля в дательном падеже. Склонение существительных в дательном падеже множественного числа. Порядок слов в предложениях с дополнениями в дативе и аккузативе. Склонение указательных и неопределенных местоимений в дательном падеже в единственном числе. Склонение указательных и неопределенных местоимений в дательном падеже во множественном числе. Предлоги, требующие датива. Императив. Порядок слов в предложениях, содержащих прямую речь. Слабое склонение существительных. Словообразование: Сложные существительные и прилагательные.

Лексический раздел. Друзья. Свободное время.

Тема 9

Фонетический раздел. Интонация предложений со словами *also, nun, ja, sicher*.

Грамматический раздел. Неопределенно-личное местоимение *man*. Спряжение и употребление претерито-презентных (модальных) глаголов *müssen* и *sollen, können* и *dürfen* в презенсе. Глаголы с отделяемыми и неотделяемыми приставками (префиксами). Спряжение глаголов с отделяемыми приставками (префиксами) в настоящем времени. Спряжение сильных глаголов с гласной *a* в основе в настоящем времени. Формулы обозначения времени. Словообразование: производные наречия с суффиксом *-s*. Количественные числительные.

Лексический раздел. Свободное время и поездки.

Фонд оценочных средств курса включает более 1700 тестовых заданий, предусматривающих следующее: немедленную автоматическую проверку; автоматизированную проверку по ключам; проверку заданий тьютором в ручном режиме.

Весь материал курса выстроен в строгой последовательности, не допускающей выполнения последующих заданий без получения максимального балла (100 баллов) в предыдущих заданиях (так называемый линейный алгоритм Скиннера) [6, с. 306–307].

Курс можно рассматривать как достаточно интенсивный. Исходя из общего расчета часов, в рамках курса необходимо уделять изучению иностранного языка не менее 60 минут в день 6–7 дней в неделю.

Каждая тема курса содержит два или три урока. В начале первого урока каждой темы происходит ознакомление с ее содержанием. В свою очередь, каждый урок состоит из модулей, которые выполняются в порядке следования. Существует несколько типов модулей:

а. *Заметьте! / Merken Sie sich!* – теоретический модуль, вводит новый материал (правила, тексты, вокабуляр и т. д.). Содержание модуля необходимо прослушать / прочитать несколько раз, повторяя языковой материал вслух за диктором.

б. *Задание / Aufgabe* – практический модуль, в котором размещаются упражнения. Содержание модуля также необходимо прослушать / прочитать несколько раз, повторяя языковой материал вслух за диктором. Некоторые модули такого вида предусматривают выполнение перевода или какого-либо другого задания открытого типа. Такие модули могут содержать ключи для самостоятельной проверки или поле для ввода текста с его последующей проверкой тьютором вручную. В последнем случае проверенный вариант ответа отправляется обратно обучающемуся с письменным комментарием тьютора для ознакомления, исправления и повторной отправки проверяющему (при наличии ошибок).

в. *Проверьте Ваши знания / Prüfen Sie Ihre Kenntnisse* – диагностический модуль, содержащий тестовые задания с автоматической проверкой. Все тесты курса можно проходить неограниченное количество раз, добиваясь максимального балла (100 баллов);

г. *Активный вокабуляр темы* – модуль карточек активного вокабуляра, встречающийся начиная с Темы 2. Карточки предлагаются в виде файлов RTF и PDF.

Курс снабжен глоссарием, содержание которого несколько расширяет материал уроков курса. Тексты внутри модулей автоматически связаны со статьями глоссария гиперссылками.

Содержание курса, структурированное по темам (включая консультации и итоговый экзамен) с указанием количества часов и / или количества недель, отведенных для их освоения (проведения консультации, подготовки и сдачи итогового экзамена) выглядит следующим образом (см. табл. 1).

После окончания курса обучающийся сдает итоговый экзамен в режиме видеоконференции. Экзамен принимают два преподавателя, одним из которых может быть тьютор обучающегося.

Курс создавался в русле сознательно-сопоставительного метода, опирающегося на следующие шесть принципов:

1. Осознание языковых явлений в период их усвоения и способов их использования.

2. Связь содержания с языковой формой.
3. Сопоставительное изучение языковых явлений.
4. Одновременное развитие всех видов речевой деятельности.
5. Разграничение активного и пассивного языкового материала.
6. Использование отрицательного языкового материала [5, с. 285].

Таблица 1

**Содержание курса
с указанием отведенных на ее усвоение часов**

№ п/п	Наименование темы / консультации / экзамена	Вид работы	Время на освоение темы (в часах)	Кол-во недель для освоения
1.	Установочная консультация с тьютором	ИЗВ	1	–
2.	Тема 1	СР	4	1
3.	Тема 2	СР	6	1
4.	Консультация с тьютором по темам 1–2	ИЗВ	1	–
5.	Тема 3	СР	4	1
6.	Тема 4	СР	5	1
7.	Консультация с тьютором по темам 3–4	ИЗВ	1	–
8.	Тема 5	СР	4	1
9.	Тема 6	СР	7	2
10.	Консультация с тьютором по темам 5–6	ИЗВ	1	–
11.	Тема 7	СР	12	2
12.	Консультация с тьютором по теме 7	ИЗВ	1	–
13.	Тема 8	СР	17	3
14.	Консультация с тьютором по теме 8	ИЗВ	1	–
15.	Тема 9	СР	16	3
16.	Консультация с тьютором по теме 9	ИЗВ	1	–
17.	Итоговый экзамен	ИЗВ	1	2
18.	Итого	-	83	17

Для реализации *принципа сознательности* в ходе обучения на курсе происходит обращение к имеющемуся у обучающегося языковому опыту. В курсе присутствует теоретический материал, содержащий базовую терминологию (наименования частей речи – «существительное», «глагол»; наименование грамматических явлений – «порядок слов в предложении», «временная форма глагола» и пр.). Исходя из предположения, что различные обучающиеся имеют различный языковой опыт, в курс включен терминологический глоссарий, автоматически связанный с содержанием всех веб-страниц гиперссылками. Указанный принцип также находит свое отражение и в формулировках некоторых правил произношения, например:

Звук [ç], обозначаемый на письме как *ch*, является глухим звуком (попробуйте произнести русское *й* шепотом протяжно).

(Тема 2. Урок 2)

Принцип связи содержания с языковой формой реализуется благодаря наличию в курсе связанных текстов, согласующихся с тематическим наполнением уроков. На этих текстах иллюстрируются фонетические и грамматические явления. Тексты могут представлять собой как рассказы длиной в несколько абзацев, так и диалоги из нескольких реплик или даже отдельные предложения (микротексты). Но и в последнем случае они являются тематически обусловленными. Лексические единицы, входящие в текст и относящиеся к активному вокабуляру курса, анализируются, переводятся на русский язык и дополняются примерами употребления сразу после текста и в карточках вокабуляра, составленных с помощью еще одного узла ОВС – веб-приложения «ИТВ(и)» [3, с. 45].

При этом единицей активного вокабуляра считается не слово или словосочетание, а скорее, конкретное контекстное употребление этого слова или словосочетания, так как важным средством семантизации каждой такой единицы, наряду с переводом на русский язык, является пример контекстного употребления, связанный с изучаемой в уроке темой. Например, для предлога *bei* перевод «у» подкреплён следующим микротекстом-диалогом:

- Wo ist Monika?
- Sie ist bei Uwe zu Besuch.

Принцип сопоставительного изучения языковых явлений проявляется в сравнении явлений русского и немецкого языков, особенно при

работе над произношением. При этом указываются как сходства, так и различия. Например:

Немецкие гласные произносятся более четко и напряженно, чем русские. Немецкие глухие согласные произносятся напряженнее, чем русские и с придыханием (аспирацией). Так же, как и в русском языке, немецкие звонкие согласные оглушаются в конце слова (*Тема 1. Урок 1*).

Языковые явления сравниваются также и в рамках только немецкого языка. Так, на контрастных примерах объясняется разница между долгим [a:] и кратким [a]:

Kahn (чёлн), kann (может), Bahn (дорога), Band (лента) и т. д. (*Тема 1. Урок 1. Задание 1.1.4*).

Принцип одновременного развития всех видов речевой деятельности снимает, в общем случае, проблему выбора первичных или вторичных по очередности развития видов речевой деятельности, где типичными двумя вариантами могут быть следующие:

- 1) сначала обучать говорению и аудированию, а затем чтению и письму;
- 2) сначала обучать чтению и письму, а затем только говорению и аудированию.

Согласно указанному принципу, работать над всеми четырьмя видами речевой деятельности следует одновременно или только с незначительным отставанием во времени одного от другого. В рассматриваемом курсе говорение, аудирование и чтение вводятся одновременно, в рамках Темы 1, а первое задание на самостоятельное составление письменного текста появляется уже в Теме 3 (*Задание 3.2.7*), что в целом не противоречит принципу одновременного развития.

Более того, благодаря электронному формату, несколько видов речевой деятельности могут развиваться одновременно даже в пределах одного задания. Большое количество заданий первых уроков предусматривает прослушивание образцов одновременно с чтением с экрана (или с листа бумаги) и повторением вслух за диктором. Некоторые письменные задания содержат проверочные ключи в виде аудиозаписи, которую можно прослушать до чтения тех же ключей в виде текста. Такой подход вполне согласуется с предложениями самих авторов сознательно-сопоставительного метода: «Одновременное развитие двух-трех навыков при незначительном опережении (на

самой начальной стадии обучения) чтения и письма устным изучением материала будет способствовать лучшему его запоминанию, так как даст возможность включить разные анализаторы: слуховые, зрительные и кинестетические» [5, с. 290].

Собственно говорение как деятельность по свободному продуцированию устного текста – самый проблемный вид речевой деятельности для дистанционного обучения – развивается в ходе консультаций в режиме видеоконференции с тьютором (преподавателем).

Принцип разграничения активного и пассивного языкового материала соблюдается в рассматриваемом курсе в отношении организации его лексического наполнения. Как мы уже отмечали выше, в курс включены карточки активного вокабуляра, содержащие около 350 лексических единиц, тогда как внутри курса обучающийся может найти гораздо большее количество слов и выражений, особенно в фонетических упражнениях. Необходимость заучивать только лексический минимум, а не все без исключения лексические единицы, встречающиеся в курсе, разъясняется обучающемуся заранее. Таким образом, обучающийся может работать с богатым языковым материалом, не опасаясь обилия новых лексических единиц. Тем не менее для общей справки слова из фонетических упражнений снабжены русским переводом для удовлетворения любопытства ангажированных обучающихся.

Принцип использования отрицательного языкового материала понимается нами в широком смысле как средство актуализации опыта разработчиков учебных материалов. Другими словами, отрицательный языковой материал, который можно рассматривать как сумму ошибок, сделанных обучающимся в процессе изучения иностранного языка, становится известным преподавателям, наблюдающим эти ошибки; при составлении учебников эти знания анализируются, в результате чего выделяются типичные трудности, присущие носителям определенного языка при изучении данного иностранного языка. Изложение правил, упражнения, примеры употребления и другие компоненты учебных материалов составляются таким образом, чтобы максимально снять эти трудности. Например, в ходе разработки рассматриваемого курса были учтены такие типичные трудности при изучении немецкого языка носителями русского языка, как несовпадение объемов значений модальных глаголов, принадлежность существительных с одним

и тем же значением к различному грамматическому роду, отсутствие в русском языке артикля как самостоятельной части речи, наличие в немецком языке рамочной конструкции, долгота и краткость немецких гласных как смыслоразличительный признак и т. п. Принцип использования отрицательного языкового материала также согласуется с положением из определения ОВС об увеличении качества узлов при увеличении количества пользователей, так как, накапливая отрицательный языковой материал обучающихся, преподаватель может учесть еще больше типовых трудностей и модифицировать отдельные модули курса соответствующим образом, тем более, что электронный формат позволяет сделать это даже непосредственно в процессе обучения. Таким образом, знание отрицательного языкового материала обучающихся помогает улучшить авторам качество учебников и учебных пособий по иностранному языку.

Рассмотрев положения сознательно-сопоставительного метода, заметим, что было бы ошибочно предположить, будто бы описываемый курс разработан исключительно на принципах одного этого метода. Последний, безусловно, является определяющим, но при этом, например, линейный алгоритм заимствован из программируемого обучения, а большое количество фонетических упражнений, требующих имитации произносимых диктором образцов, скорее свойственно прямым методам. Итак, более строго мы заключим, что в основе курса лежит «смешанный» метод с сознательно-сопоставительной доминантой.

На наш взгляд, следует различать электронные учебные материалы – узлы ОВС и электронные учебные материалы – электронные копии традиционных (бумажных) учебников и учебных пособий, даже если последние содержат элементы интерактивности. Одно из главных отличий заключается в том, что первые уже изначально предусматривают гибкость наполнения и возможность модификации «на ходу», не нарушая при этом целостности и стройности учебного процесса (принцип саморазвития ОВС), тогда как вторые пишутся с расчетом оставаться как можно дольше актуальными при неизменном наполнении, тем самым пытаясь не только учесть уже имеющийся, но и предугадать будущий отрицательный языковой материал обучающихся, что является весьма трудной задачей.

В качестве одного из примеров гибкости модификации узла ОВС можно привести банк вопросов, в который можно уже в ходе

обучения на курсе включать дополнительные тестовые задания на типичные ошибки, формируя тесты, которые будут или обязательны для всех обучающихся, или предназначаться только для определенного пользователя или группы (такое ограничение возможно в LMS Moodle версии 3.0 и выше).

Суммируем кратко сказанное выше.

1. Рассматриваемый дистанционный курс немецкого языка является узлом ОВС МГЛУ и выполнен в русле сознательно-сопоставительного метода с привлечением не противоречащих его основным принципам приемов из других методов.

2. Курс как узел ОВС неправильно было бы отождествлять с переведенным в цифровой формат традиционным учебником, но следует понимать как некое информационное пространство, существующее только в условиях ОВС. Заметим, что основные положения сознательно-сопоставительного метода хорошо согласуются с основными положениями концепции ОВС, в частности, принцип использования отрицательного языкового материала – с принципом саморазвития.

3. Инструментарий для разработки узла ОВС для изучения иностранного языка может предоставить LMS Moodle версии 3.0 и выше, которая позволяет достаточно эффективно реализовать основные положения концепции ОВС и сознательно-сопоставительного метода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волина С. А., Горожанов А. И., Зайцева А. А.* Курс немецкого языка (начальный уровень) // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов Наука и образование. – М. : Ин-т управления образованием РАО, 2016. – № 6 (85). – С. 47–59.
2. *Горожанов А. И.* Обучающая виртуальная среда для изучения иностранного языка: проблемы разработки и развития : монография. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – 110 с.
3. *Горожанов А. И.* Веб-приложение учебного назначения «ИТВ(и)» // Наука и образование : Хроники Объединенного фонда электронных ресурсов. – М. : Ин-т управления образованием РАО, 2015. – № 11(78). – С. 45.
4. *Горожанов А. И.* Пример разработки узла обучающей виртуальной среды для формирования лингвистической компетенции // Современные языки в межкультурной коммуникации. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – С. 224–233. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та»; вып. 5 (744). Сер. Языкознание).

5. *Рахманов И. В., Гез Н. И., Зимняя И. А.* Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX–XX вв. / Рахманов И. В., Гез Н. И., Зимняя И. А., Фоломкина С. К., Шайкевич А. Я. – М. : Педагогика, 1972. – 320 с.
6. *Stern H. H.* Fundamental Concepts of Language Teaching. – Oxford : Oxford University Press, 1983. – 582 с.

УДК 37.012.2

М. А. Лямзин, В. Ю. Капустина

Лямзин М. А., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии МГЛУ; e-mail: lma-0907@mail.ru

Капустина В. Ю., аспирант кафедры психологии и педагогической антропологии МГЛУ; e-mail: 14057796@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается актуальность историографического педагогического исследования, анализируются его особенности, определяются методы, исследовательское поле, этапы. В качестве примера используется историография идей педагогической антропологии в творчестве К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: историография; историографическое педагогическое исследование; методы историографического педагогического исследования; этапы историографического педагогического исследования; К. Д. Ушинский; идеи педагогической антропологии.

M. A. Lyamzin, V. Y. Kapustina

Lyamzin M. A., Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Psychology and Pedagogical Anthropology, MSLU; e-mail: lma-0907@mail.ru

Kapustina V. Y., Post-graduate Student, Chair of Psychology and Pedagogical Anthropology, MSLU; e-mail: 14057796@mail.ru

FEATURES OF HISTORIOGRAPHIC PEDAGOGICAL RESEARCH

The article discusses the relevance of historiographic pedagogical research, analyzes its features, determines its methods, research fields and stages. As an example the research uses the historiography of the pedagogical anthropology ideas in K. D. Ushinskiy's work.

Key words: historiography; historiographic pedagogical research; methods of historiographic pedagogical research; steps of historiographic pedagogical research; K. D. Ushinskiy; the ideas of pedagogical anthropology.

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что в настоящее время все больше и больше педагогов-исследователей обращаются к историографическому изучению мирового и отечественного образования. Они стремятся узнать, как возникали современные научные теории и концепции, рассматривались в литературе и каковы

их истоки, направления развития педагогической науки. Поэтому историографические педагогические исследования приобретают всё более важное как теоретическое, так и практическое значение, формируя педагогическую историографию как относительно самостоятельную область научного историко-педагогического знания. Их теоретическая значимость состоит в том, что результаты подобного рода исследований активно влияют на развитие педагогики. Они позволяют специалистам подтверждать, опровергать или корректировать исторически сложившиеся взгляды и подходы, делать новые умозаключения, тем самым обогащая педагогическую теорию.

Прикладное значение историографических педагогических исследований заключается в том, что полученные данные направлены на совершенствование практики функционирования системы образования в российском обществе в целом, в различных его образовательных системах (общего образования, профессионального образования и т. п.), на повышение качества педагогического процесса в образовательных организациях. Историографические изыскания способствуют тому, чтобы в процессе модернизации образования в настоящее время не забыт опыт прошлого, чтобы воспитание и обучение осуществлялись на основе традиционных национальных подходов с учетом всего прогрессивного, что накоплено в мире. Тем самым результаты такого рода исследований способствуют приоритетному развитию отечественной педагогики и школьного дела.

Современные российские ученые – М. В. Богуславский, В. Г. Безрогов, Е. А. Князев и др. – считают, что изучение историографии отечественного образования и анализ источниковедения истории образования в настоящее время являются наиболее перспективными направлениями историко-педагогических научных исследований [1, с. 13]. Сегодня в России актуальные проблемы историографии изучают несколько историко-педагогических школ (генераций). К ним, в частности, относятся исследователи С. В. Куликова и М. В. Савин (г. Волгоград). Эти ученые и их ученики разрабатывают проблемы методологии и историографии истории педагогики, истории всемирной и отечественной педагогики, а также истории российского национального образования. По мнению члена-корреспондента Российской академии образования М. В. Богуславского, сегодня сформировалась Волгоградская научная историко-педагогическая школа.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что практически каждый педагог-исследователь, теоретик и практик рано или поздно осознает необходимость историографического поиска, сбора, систематизации и анализа источниковой базы для своих исследований. Поэтому проблема историографии педагогического исследования актуальна для каждого.

Под термином «историография» (от *греч.* *historia* – «рассказ о прошлом», *graphō* – «пишу») понимается «история исторической науки в целом, а также совокупность исследований, посвященных определенной теме или исторической эпохе ... или совокупность исторических работ, обладающих внутренним единством в социально-классовом или национальном отношении (например, марксистская историография, французская историография)» [2, с. 550–557]. С начала XX в. историография стала определяться и как «научная дисциплина, изучающая историю исторической науки» [там же, с. 550]. Историография представляет собой особый тип исторического исследования, основанный на изучении, анализе, систематизации, классификации, периодизации исторических источников. Результатом такого изучения является знание о знании или об упущениях в имеющемся знании. Если подобное историческое исследование проводится на материале педагогической теории и практики, то оно становится историографическим педагогическим исследованием, имеющим свои особенности. Цель данной статьи заключается в том, чтобы представить специфику историографического педагогического исследования.

Е. Ю. Илалтдинова в своей докторской диссертации проанализировала суть историографического педагогического исследования и представила его специфику через следующие критерии оценки: цель исследования, характеристика результата, прогноз развития. Ученый приводит понимание данного вида педагогического исследования М. В. Богуславским и Г. Б. Корнетовым в форме «рефлексии генезиса и развития педагогического знания и познания, исторически развивающаяся педагогическая реальность, порождающая и порождаемая контекстами общественной жизни» [3, с. 37].

Изучение нескольких историографических педагогических исследований позволяет сформулировать некоторые основные их особенности. Прежде всего в них анализируются свершившиеся факты и события. Данные исследования имеют теоретический характер, вносят

непосредственный вклад в развитие истории, методологии, теории педагогики. Опосредованно, путем обогащения истории – методологии – теории, они оказывают влияние на совершенствование существующей педагогической (образовательной) практики, а также на выработку перспективных направлений ее дальнейшего позитивного развития. В этом отношении историографическое исследование позволяет реализовать прогностическую функцию педагогической науки.

Эта черта историографических педагогических исследований, имеющих, на первый взгляд, теоретическое значение, но на деле вносящих определенный вклад не только в существующую практику образования, но и в перспективы его позитивного изменения, должна быть хорошо осмыслена исследователями и получить свое дальнейшее развитие.

Другая особенность заключается в том, что при проведении подобных исследований применяется комплекс взаимосвязанных методов познания, к которым относятся следующие основные группы методов:

- общетеоретические (анализ, синтез, обобщение, классификация, типизация, идеализация, абстрагирование, индукция, дедукция и др.);
- исторические (ретроспективный, периодизации, статистический анализ, сравнительный, историко-логический и др.);
- историко-педагогические (историко-структурный, историко-генетический, историко-сравнительный, интерпретация и смысловая реконструкция историко-педагогических источников и др.).

Необходимо отметить, что в историографическом исследовании имеют место математические и статистические методы. Например, для определения степени научного интереса к той или иной проблеме исследования, целесообразно провести статистический анализ количества изданных работ, посвященных ее рассмотрению, в том числе, в различные годы, на разных уровнях познания (научные статьи, монографии, кандидатские, докторские диссертации) и т. п. Сравнение полученных результатов дает картину не только степени изученности проблемы, но и ее актуальности в те или иные периоды истории, проявленного научного интереса и разработанности.

Данная специфика историографических педагогических работ нацеливает исследователей на овладение всем комплексом методов познания и адекватным применением его в процессе познания.

Еще одна из особенностей историографических педагогических исследований состоит в том, что, как правило, они представляют собой специфический процесс познания исторического педагогического опыта на основе изучения любых источников (документов), содержащих педагогическую информацию. Это может быть собственно историческая и педагогическая литература, а также философская, психологическая, социологическая и иная база, относящаяся к изучаемой эпохе.

Наша позиция в этом аспекте совпадает с утверждением специалистов о том, что источниками историографических исследований можно назвать «всякий источник познания исторических явлений, фактов», «любой исторический источник» [4, с. 40]. Учитывая это обстоятельство, исследователю важно уметь определять круг таких источников, обращать внимание на факты и явления, которые могут и должны стать основанием для теоретических выводов и практических рекомендаций. Только на достаточном (репрезентативном) массиве изучаемых фактов и явлений можно сделать соответствующие умозаключения.

Специфика историографических педагогических исследований связана с их обширным предметным содержанием. Поле научных исследований может включать:

- эпохи, периоды, этапы развития различных обществ;
- педагогические взгляды, теории, образовательные организации;
- описание жизнедеятельности и творчества представителей общественно-политических движений и педагогической общности;
- научные работы в области общей педагогики и других разделов педагогической науки (дидактики, теории воспитания и пр.).

Поэтому большую значимость в историографическом педагогическом исследовании приобретает умение исследователя определять границы, исторические хронологические рамки, пределы своего научного познания [4].

Так, при исследовании историографии идей педагогической антропологии в трудах К. Д. Ушинского (1824–1870) предполагается изучение не только его опубликованных статей и работ, но и дневников – «Журнала» К. Д. Ушинского, переписки, документов о работе в качестве главного редактора в журнале Министерства просвещения России (1860–1861), отчетов о поездке по Европе (1862–1867), а также

трудов его предшественников, изучая которые К. Д. Ушинский пришел к идее создания педагогической антропологии и ее воплощению в практике образования. При этом нельзя обойти вниманием общественно-политические, философские, психологические и педагогические воззрения, научные труды предшественников К. Д. Ушинского (И. Ф. В. Гегеля, И. Канта, И. Гербарта, Ф. А. В. Дистервега) и его современников (В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н.И. Пирогова, Н. Г. Чернышевского и др.).

Отметим также и то, что в целом этапы процесса историографического педагогического исследования (подготовительный, основной и заключительный) похожи на этапы традиционного педагогического исследования, но они имеют содержательную специфику.

На *подготовительном этапе* происходит определение научной проблемы для последующего изучения и формулировка темы, объекта, предмета, цели и задач исследования. Гипотеза исследования, как правило, в работах подобного рода не ставится. Исследователь определяет хронологические рамки своей работы и источниковую базу. Изучает литературу по теме исследования, выявляет степень разработанности проблемы, создает общий концептуальный подход (замысел) историографического педагогического исследования.

На *основном этапе* процесса исследования осуществляет сбор, обработку, систематизацию и концептуализацию полученных данных (например, по историческим периодам, стадиям или этапам развития предмета исследования).

На *заключительном этапе* историографического педагогического исследования формулирует теоретические обобщения, делает выводы и дает практические рекомендации для совершенствования сложившейся практики или проектирования чего-то нового, исходя из изученного историко-педагогического опыта. Проводит апробацию результатов исследования в научных статьях, докладах на конференциях и в других формах.

Научная обоснованность результатов историографического педагогического исследования обеспечивается реализацией принципа историзма, опорой на современную методологию исторического, педагогического, историко-педагогического исследования, применением комплекса исходных методологических положений и исследовательских методов. Важное значение имеет хронологическая

упорядоченность теоретических положений и конкретных исторических фактов.

Наибольшая достоверность результатов исследования достигается при умелом учете всего спектра существующих источников по теме, в том числе, противоречивых по содержащимся в них материалах, при выявлении и введении в научный оборот новых (неопубликованных, не известных широкому кругу читателей, мало известных специалистам) архивных источников, восполнении «пробелов» в историко-педагогическом знании.

Важно подчеркнуть, что процесс и результаты историографического педагогического исследования в значительной мере обусловлены квалификацией исследователя, его опытом творческой и профессиональной научно-педагогической деятельности, которые обеспечивают глубину и всесторонность анализа явлений и научных источников.

Таким образом, историографическое педагогическое исследование – интегративный вид научного исследования, в котором применяются методология и методы изучения истории, педагогики и истории педагогики. Это теоретический вид исследования, связанный с изучением разнообразной источниковой базы в определенных хронологических рамках.

Содержание и выводы историографического педагогического исследования направлены на обогащение методологии не только истории педагогики, но и самой педагогической науки. Они служат укреплению основ научного фундамента педагогики на современном этапе развития теории и практики воспитания и обучения, в целом образования.

Результаты историографического педагогического исследования должны быть социально-ориентированными, направленными на совершенствование системы образования и повышение эффективности деятельности образовательных организаций. Они предназначены для внедрения в массовой практике школ и других социальных институтах, реализующих образовательные функции, а также для повышения педагогической культуры кадров системы образования и общественности.

Одной из актуальных проблем педагогической историографии является изучение источников, которые легли в основу педагогической антропологии К. Д. Ушинского. Это позволит лучше понять взгляды

отечественных и зарубежных предшественников «учителя русских учителей», увидеть богатство и разнообразие педагогической мысли конца XVII – начала XVIII вв., ее гуманистическую направленность. Исследование историографии К. Д. Ушинского направлено на еще большее осознание значимости идей педагогической антропологии для современной отечественной педагогической теории и практики, совершенствования системы образования в России на основе прогрессивных национальных идей и учета передового педагогического опыта воспитания подрастающего поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богуславский М. В.* История педагогики: методология, теория, персоналии : монография. – М.: ФГНУ ИТИП РАО ; ИЦ АНОО ИЭТ, 2012. – 434 с.
2. *Данилов А. И., Дмитриева Г. и др.* Историография // Большая Советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – Т. 10. – 592 с.
3. *Илалудинова Е. Ю.* Отечественная историография педагогического наследия А. С. Макаренко (1939–2013 гг.) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Калининград, 2015. – 49 с.
4. *Маловичко С. И.* Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 2. – С. 36–44. (История.)

УДК 81'34

Т. И. Шевченко

доктор филологических наук, профессор,
профессор каф. фонетики английского языка
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ФОНЕТИКИ И ФОНОЛОГИИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Разобщение фонетики и фонологии в XX в., начатое структурализмом, уходит. На основе современных технологий в лингвистических исследованиях происходит интеграция фонетики и фонологии. Фонологические, фонетические и психолингвистические работы по изучению речи имеют много общего. Такие фундаментальные проблемы фонологии, как развитие языка, модели восприятия речи, овладение фонологией родного и иностранного языков решаются методами экспериментальной фонетики. Практическое применение полученного знания важно для обучения пониманию устной речи, вниманию к звуковым формам речи, их вариативности.

Ключевые слова: фонетика; фонология; экспериментальные методы; восприятие речи; овладение фонологией; обучение иностранному языку.

T. I. Shevchenko

Dr., Prof., Professor of the Department
of English Phonetics, English Faculty, MSLU;
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

COGNITIVE INEGRATION OF PHONETICS AND PHONOLOGY: IMPLICATIONS FOR L2 TEACHING

The history of phonetics-phonology divorce in the XX c., initiated by structuralism, is now over. Based on modern technology in linguistic research, integration of phonetics and phonology is on the way. There is substantial overlap between phonological, phonetic and psychological studies of speech. Fundamental issues in phonology, including language change, speech perception models, language acquisition and second language learning are being solved by methods of experimental phonetics. Practical application of knowledge thus obtained is relevant for teaching speech comprehension focused on sound forms and their variability.

Key words: phonetics; phonology; experimental methods; speech perception model, acquisition of phonology; L2 teaching.

1. Введение

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы привлечь внимание к существенному переосмыслению соотношения понятий «фонетика» и «фонология» на современном этапе изучения звуковой стороны речи. Это состояние науки уже нашло отражение в практике преподавания фонетики и фонологии английского языка на базе учебных пособий автора и опыта коллег по кафедре фонетики английского языка МГЛУ [2; 3; 4; 6; 7].

В сущности основное содержание понятий изменилось незначительно, по крайней мере для фонетики, которая по-прежнему ассоциируется с артикуляцией, акустикой и восприятием речи. Значительно расширилась сфера интересов фонологии, которая, преодолев период каталогизации системы фонем и их дифференциальных признаков в конкретном языке, обратилась к таким общелингвистическим проблемам, как развитие языка, включая развитие его фонологической системы, овладение родным языком и создание фонологической системы второго языка. Последние из названных областей научного поиска потребовали внимания к личности говорящего и слушающего, к изучению его когнитивной деятельности, включая социокультурный фон его речевой активности. Важным условием оказалось создание и применение новейших технологий. Привлечение методов экспериментальной фонетики и психолингвистики, математической статистики и математического моделирования позволило фонологии установить связи между формированием фонологической системы конкретной индивидуальности и психофизиологическими возможностями восприятия человеческой речи, законами аэродинамики в речепроизводстве и путями развития языка. Не менее плодотворными для фонологии оказались этологическая теория языка, объясняющая общность интонационных категорий человеческой речи с сигналами других биологических видов, а также социофонетические данные о региональной и социальной вариативности речи. Фонология, таким образом, благодаря междисциплинарным связям обогатилась новыми знаниями и обнаружила свою общность с фонетикой, прежде всего на когнитивном уровне, где связь звука со смыслом никогда не прерывалась.

Наряду с расширением междисциплинарных связей фонология обрела более детально разработанную систему категорий, которые сегодня называют фонологическими, имеющими свою ментальную

репрезентацию. К ним относятся: дифференциальные (дистинктивные) признаки, фонемы, слоги, слова, стопы, синтагмы (интонационный группы), интонационные фразы, высказывание. В отношении психологической реальности этих единиц, однако, ученые-фонологи не проявляют единства мнений, в связи с чем продолжаются эксперименты, создающие и верифицирующие различные модели порождения и восприятия речи.

Мы постараемся показать, что на данном этапе понимания сущности фонетики и фонологии их разделение весьма условно, ибо эти два аспекта в процессе создания и понимания человеческой речи переплетаются на самом глубинном когнитивном уровне.

Немного истории. Джон Охала, американский ученый, теоретик и экспериментатор, собрал в Европе богатый материал по истории фонетики, доказывающий, что, начиная с XVII–XVIII вв., европейская фонетика была единой наукой, которая объединяла первые опыты по созданию аналогов речевого аппарата для измерения гласных с рассмотрением их смысловозначительных функций, т. е. того, что составляло суть как собственно фонетики, так и функций фонологии [14]. Та же мысль о единстве этих двух аспектов европейской фонетической науки присутствует в статье российского ученого В. М. Алпатова, который, кроме того, отмечает связь фонетических изменений с развитием языка, оценивая достижения компаративистов, которые опирались на звуковые соответствия, применяя сравнительно-исторический метод [1].

Фонология выделилась из фонетики в самостоятельный, исключительно языковой, противопоставленный речевому уровню анализа, в XX в. благодаря идеям структурализма. И российский, и американский ученые сходятся во мнении, что разделение фонетики и фонологии было предопределено структуралистами, которые приняли дихотомию языка и речи, согласно которой фонетика принадлежит речи, а фонология – языку. При этом Дж. Охала винит еще и Бодуэна де Куртене за разделение психического и физического и особенно Н. С. Трубецкого как основателя пражской фонологической школы [14, с. 659]. Идея дифференциальных признаков, которую Роман Якобсон первоначально обсуждал с Н. С. Трубецким, осуществилась уже в Америке при участии как фонологов, Р. Якобсона и Г. Халле, так и акустика, Г. Фанта, при этом каждому дифференциальному

признаку подбирался акустический коррелят. Фонология, таким образом, нуждалась в фонетических (артикуляционных и акустических) признаках для описания своих основных единиц – фонем [1, с. 14].

Насколько успешна была попытка описать универсальные признаки, применимые ко всем языкам мира, показало время. Международный фонетический (а по сути – фонологический) алфавит существует уже 100 лет, но все дифференциальные признаки он не отражает (такие, например, как три степени долготы в эстонском языке или две степени аспирации в хинди). Только современные исследования доказали когнитивную реальность различительных признаков, которые значительно потеснили фонему в фонологических описаниях [10].

В дальнейшем методы фонологии переносились на другие аспекты языка, например на семантику (семный анализ, компонентный анализ), а сама фонология, сосредоточившись на создании «простых», «красивых», «элегантных» систем и классификаций, полностью отмежевавшись от фонетики как естественной науки, получила еще одно обидное определение – «бумажная фонология», не нуждаясь, очевидно, в каких-либо доказательствах, кроме логических [1]. Фонетика, между тем, развивалась как естественно-научная дисциплина, совершенствуя методы анализа и накапливая новые данные [14].

История фонологии после этих знаменательных событий и вех отмечена появлением генеративной фонологии Н. Хомского и Г. Халле в США, в которой фонология была подчинена грамматике, но уже участвовала в динамической модели порождения речи; затем появилась «естественная фонология», «теория оптимальности» и ряд других переименований, в которых, однако, правила и «ограничения» не могли объяснить функционирования целого ряда фонетических явлений, в частности, связи вариативности речи и развития языка.

2. Фонетика, фонология и когнитивная лингвистика

Современные технологии способствовали сбору большого массива данных по территориальной и социальной вариативности фонетических форм речи, их измерения и статистической обработки на основе корпусного анализа. Так, например, звуковые изменения благодаря проекту массового обследования вокалической вариативности на территории Северной Америки в Лаборатории Пенсильванского университета под руководством У. Лабова стали проявлением развития

языка [13]. Еще одно направление, «теория экземпляра», использовала данные частотности и дисперсии вариантов для объяснения фонологического развития индивидуальности и речевого сообщества в целом (диффузия в социуме и трансмиссия от поколения к поколению) [8; 16]. Существенным оказалось привлечение данных по теории человеческой памяти: она обогатила представление о той подробной фонетической информации ситуативного и личностного характера, которая хранится вместе с лексиконом или, по крайней мере, сопутствует извлечению слов из памяти. Таким образом, обращение к речи реальных носителей языков и диалектов, равно как и внимание к личности говорящего, его фонологическому развитию, чему способствовало развитие современных технологий, дало много важной информации о фонологии, полученной путем применения именно фонетических измерений.

В современной науке фонетика, фонология, психология, психолингвистика трудно разделимы по тому, какие задачи ставятся исследователями и какими методами они получены. Так, например, при изучении детской речи с целью выявления механизма формирования фонологической системы родного языка на основе дисперсии акустически измеряемых вариантов устанавливают, какие элементы фонологической системы и с какой вероятностью могут быть сформированы в мозгу ребенка [17]. При изучении восприятия лексического ударения «акустические ключи», заданные методом манипулирования различными параметрами спектра либо просодических параметров, дают возможность установить, какие из них слушающий-носитель языка избирает для идентификации слов или для выявления намерения говорящего. Таким образом появляется возможность узнать, какие из них проецируются на ментальные репрезентации слов [9]. При изучении когнитивных процессов восприятия речи верифицируются современные модели восприятия и распознавания речи. При этом благодаря учету фактора вариативности устанавливается необходимость нормализации воспринимаемых признаков, перекодирования их в абстрактные языковые единицы (дифференциальные признаки, фонемы или слоги), предшествующие лексическому декодированию речи [5; 11].

3. Проблемы и практики обучения L2 фонологии

Особое место в ряду психолингвистических и чисто фонетико-фонологических исследований принадлежит сопоставительному

рассмотрению восприятия фонологических категорий носителями и так называемыми не-носителями языка, монолингвами и билингвами. Самым интригующим вопросом остается характер формирования второй фонологической системы (внутри первой или как ее измененная копия, отдельно или с частичным наложением, по крайней мере, на определенном этапе неравноправного существования двух систем) [12; 15].

Характерной особенностью современного понимания фонологических единиц является включение в их реестр ритмических и интонационных единиц, также подлежащих усвоению при формировании фонологической системы второго языка. Вторым важным моментом является особая роль восприятия в обучении, когда учитывается перцептивная близость изучаемых моделей родного и иностранного языков, которая отнюдь не всегда способствует достижению желаемого результата. Именно такие задачи мы ставили в ходе выполнения своих проектов, посвященных когнитивному и социокультурному основаниям обучения фонетике и фонологии английского языка [6; 7; 3].

Основные принципы преподавания фонетики и фонологии, которые базируются на понимании когнитивных процессов, способствующих формированию фонологической системы второго языка, состоят в следующем:

1. Опора на восприятие: контрастивное предъявление фонологических единиц родного и иностранного языков, в том числе противопоставление дифференциальных признаков английских гласных и русских согласных, выявление их смысловозначительной функции [2; 4].

2. Учет фактора частотности употребления определенных фонологических моделей, например, большее внимание гласным переднего ряда, имеющим высокую частотность в английском языке, в сочетании с переднеязычными согласными [там же].

3. Контрастивное предъявление ритмических и интонационных моделей родного и иностранного языков в сочетании с комментариями коннотативного и социокультурного характера, тренировка их дискриминации, идентификации, воспроизведения путем имитации [2].

4. Использование возможностей усвоения не только декларативной информации, основанной на знании в виде фактов и утверждений, но и процедурной информации в виде набора процедур и правил, более характерных для юного возраста [там же].

5. Создание позитивного эмоционального фона, обращения к образному типу мышления в сочетании с сильной мотивацией для освоения выявленных фонологических моделей.

6. Расширение адаптивных способностей обучающихся в мультикультурной среде при общении на английском языке путем аудирования образцов звучащей речи, демонстрирующих различные территориальные и социальные варианты английского произношения.

7. Включение в курс теоретической фонетики раздела о когнитивном подходе в фонологии и о становлении фонологической системы родного языка в детстве в отличие от обучения фонетике и фонологии второго языка в более зрелом возрасте [3; 6].

8. Выполнение проектов, курсовых работ и выпускных квалификационных работ, развивающих перцептивные, аналитические и прогностические способности обучающихся (самостоятельный поиск корпусов исследования, овладение аудитивным и акустическим методами анализа, описание и обобщение обнаруженных тенденций, устная презентация итогов), знакомство с историко-культурными и лингвистическими, включая фонетико-фонологические, особенностями различных диалектов и национальных вариантов английского языка.

4. Заключение

Предложенная автором тема основана на истории развития европейской науки и анализе современных достижений, объединяющих фонетику, фонологию и психолингвистику. Когнитивное единство фонетики и фонологии, несмотря на перераспределение фокуса исследования относительно предшествующей эпохи, доказано и уже используется в практике обучения английскому языку как иностранному. Вместе с тем, наметившиеся тенденции нуждаются в более глубоком осмыслении, обобщении и развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтатов В. М. Место фонетики и фонологии в мировой науке // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики : сб. ст. к юбилею О. Ф. Кривновой / под ред. А. В. Архипова, И. М. Кобозевой (отв. ред.), Кс. П. Семенов. – М. : ООО «Буки-Веди», 2013. – С. 11–18.
2. Бурая Е. А., Галочкина И. Е. Английская речевая интонация. Функциональный и социокультурный аспекты : учеб. пособие для студ. II курса факультета ГПН. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – 142 с.

3. Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Изд. центр «Академия», 2014. – 288 с.
4. Галочкина И. Е., Бурая Е. А. Английское произношение без акцента. – М. : Слайдинг, 1999. – 104 с.
5. Люблинская В. В. Об одной модели восприятия речи человеком. Человек говорящий: исследования XXI века : колл. монография / под ред. Л. А. Вербицкой, Н. К. Ивановой. – Иваново : Иван. гос. хим.-технол. ун-т, 2012. – С. 196–200.
6. Шевченко Т. И. Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. – Дубна : Феникс+, 2011. – 256 с.
7. Шевченко Т. И., Садовникова Н. А., Сибилева Л. Н. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика // Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – С. 175–187.
8. Bybee J. Language, Usage, and Cognition. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 252 p.
9. Cutler A. Lexical Stress in English Pronunciation // The Handbook of English Pronunciation / ed. by M. Reed and J. M. Levis. – Oxford : Wiley Blackwell, 2015. – P. 106–124.
10. Durand J., Laks B. (eds.). Phonetics, Phonology and Cognition. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 338 p.
11. McQueen J. M., Cutler A. Cognitive Processes in Speech Perception // The Handbook of Phonetic Sciences / ed. by W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. – Second edition. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2013. – P. 489–520.
12. Nathan G. S. Phonology. A Cognitive Grammar Introduction. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2008.
13. Labov W. Principles of Linguistic Change : in 3 vol. – Vol. 2. Social Factors. – Oxford : Blackwell Publishers Ltd, 2006. – 572 p.
14. Ohala J. The Relation between Phonetics and Phonology // The Handbook of Phonetic Sciences / ed. by W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. – Second edition. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2013. – P. 653–677.
15. Pennington M. E. Phonology in Context. – New York : Palgrave Macmillan, 2007. – 317 + xii p.
16. Pierrehumbert J. Phonetic diversity, statistical learning and acquisition of phonology // Language and Speech 46. – P. 115–154.
17. Vihman M. M. Acquisition of the English Sound System // The Handbook of English Pronunciation / ed. by M. Reed and J. M. Levis. – Oxford : Wiley Blackwell, 2015. – P. 333–352.

УДК 82.0

А. П. Бондарев

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой литературы МГЛУ;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

ИСТОРИЗАЦИЯ МИФА И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ

В статье на примере анализа произведений разных национальных литератур эксплицируется диалектика взаимодействия исторического и мифологического типов мышления. Выявленный художественным сознанием смысл исторического события мифологизирует его – возводит ко вневременному архетипу. Установленный смысл мифологического события, осовременивая его, интегрирует в релевантность исторического континуума.

Ключевые слова: историзация мифа; мифологизация истории; архетип; историческое событие; мифологическое сознание; историческое сознание; аллегория; метафора; символ.

A. P. Bondarev

Ph. D. (2nd d.), Prof., Head of the Department of Literature, MSLU;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

HISTORICIZING OF MYTH AND MYTHICIZING OF HISTORY

The article, referring to the works of different national literatures, explicates the dialectical interaction of historical and mythological types of thinking. The artistic consciousness, revealing the meaning of historical event, transforms it into myth and remounts it thereby to eternal archetype. The revealed sense of mythological event modernizes it and introduces the conceived meaning of mythological archetype into the relevancy of historical continuity.

Key words: historicizing of myth; mythicizing of history; archetype; historical event; mythological consciousness; historical consciousness; allegory; metaphor; symbol.

Введение

Миф и история – фундаментальные понятия мировой культуры, характеризующейся разнонаправленными когнитивными усилиями: историзацией мифа и мифологизацией истории.

Автор художественного произведения занимает промежуточное положение между мифологическим архетипом и историческим фактом. Историзация мифа, возможная благодаря избытку исторического видения, дифференцирует и релятивизирует архетип, интегрируя его в релевантный причинно-следственный литературный ряд.

Мифологизация истории, возможная в результате выявления ядра архетипа исторического события, преодолевает замутняющую картину мира релятивизацию. Мифологизация позволяет «характерам и обстоятельствам» осознать свое место и значение в мировом культурном процессе.

Мифологическое сознание

Начало изучения структуры сознания архаического человека было положено школой Эмиля Дюркгейма, французского социолога-позитивиста, сформулировавшего в работе «Элементарные формы религиозной жизни» (1912) эпистемологические характеристики «коллективного сознания».

Люсьен Леви-Брюль ввел понятие дологического мышления, в согласии с которым первобытный человек не анализировал структуру актуального события, а накладывал на нее архаическую модель своего сознания.

Для Эрнста Кассирера первобытное мышление – антипод исторического. Оно характеризуется нерасчлененностью категорий причинности, времени и пространства. Выступая как идентичные, они обеспечивают неразличимость причины и следствия, части и целого, единичного и всеобщего, вещи и ее свойства, понятий «раньше» и «позже» [2].

Клод Леви-Стросс установил: «В мифе все может быть. Кажется, что последовательность событий в нем не подчинена правилам логики и нарушает закон причинности. Любой субъект может иметь здесь любой предикат, любые мыслимые связи возможны» [5, с. 215]. Мифологическое мышление, ориентируясь на «священно знакомый праобраз» (Т. Манн), уподобляет настоящее прошлому. Историческое мышление, основывающееся на наблюдении, опыте и анализе их разуподобляет.

Чтобы увидеть себя со стороны, мифологическому сознанию недостает трансгredientной исторической позиции. Пробуждению исторического сознания препятствует консерватизм мифологического

мышления, проявляющийся в страхе и даже «ужасе» архаического человека перед историей, чреватой отпадением от некогда установленного, божественного, миропорядка: «Что значит “жить” для человека, принадлежащего к традиционным культурам? – задается вопросом Мирча Элиаде. – Прежде всего, это жить по внечеловеческим моделям, жить согласно архетипам. И, следовательно, жить в сердцевине реальности, ибо ... подлинно реальны только архетипы. Жить согласно архетипам означает соблюдать “закон”, поскольку закон есть не что иное, как изначальная иерофания, откровение во время оно норм бытия, явленное Богом или мифическим существом» [7, с. 93].

Постигать смысл беспрецедентного исторического события архаического человека понуждает изгоняющая его из мифологии необходимость труда адаптации к динамично меняющимся историческим условиям. Литература периода Нового времени предстает социальной робинзонадой, описывающей усилия героя одиночки придать своему случайному существованию статус аподиктичности: культурной, как в случае с Робинзоном Д. Дефо, или онтологической, как в случае с Робинзоном М. Турнье.

Историческое сознание

Какие модификации претерпевает мифологическая когнитивная преднамеренность при встрече с историческим событием? Привычно накладывая этиологическую матрицу мифа на беспрецедентный исторический опыт, мифологическое сознание вынуждено констатировать, что его гносеологическая модель не столько обеспечивает обретение достоверного знания, сколько тенденциозно сводит неизвестное к известному. Эпистемологический разрыв проблематизирует, а затем релятивизирует – расширяет мифологическое сознание до способности усваивать смысл конкретно-исторического события.

Средневековые и ренессансные новеллистические сборники наглядно иллюстрируют попытки мифологического сознания отрешиться от собственной предвзятости и проникнуть в автономное содержание явлений, вовлеченных в необратимый временной поток.

Сюжет XXXVII новеллы французского сборника «Сто новых новелл»¹ написанного в подражание итальянскому «Новеллино»,

---

¹ О сборнике известно, что он был создан при дворе бургундского герцога Филиппа Доброго (1396–1467) в Жемаине (близ Брюсселя) между 1456

эксплицирует момент проблематизации традиционалистского мышления, не способного прогнозировать вероятный ход порождаемых историей беспрецедентных событий. В ней повествуется о некоем престарелом ревнивце, который, дабы не допустить возможную измену жены, запасся чем-то вроде реестра уловок, имеющихся в арсенале находчивых любовников. Однако все хлопоты ревнивца оказались напрасными. Некий «веселый молодец» нашел способ обмануть бдительного супруга. Опрокинув на проходящую по улице даму ведро с сажей, он отослал сопровождавшую ее дуэнью за чистым платьем, а сам остался наедине со своей милой. Когда старуха поведала мужу о случившемся, тот понял, что его одурачили: «Мать Божья! Этой уловки нет в моем сборнике!». Восклицание ревнивца сопровождается ироническим комментарием предвзятого отношения к виртуальному историческому событию: «И не спасла его ни книга, ни реестр, куда немало проделок было записано. И, надо думать, эту последнюю так хорошо он запомнил, что никогда не исчезла она из его памяти, и не было ему никакой нужды на сей предмет ее записывать, так свежо было о ней воспоминание во все последующие дни недолгой его жизни».

Четвертая новелла второго дня «Декамерона» (1350–1353) Д. Боккаччо о Ландольфо Руффоло являет собой пример анализа расхождения априорных проектов с апостериорными результатами. Познавательный интерес Лауретты, рассказчицы, направлен на уяснение логики взаимодействия намерений и результатов.

«Богатейший человек» Руффоло из города Равелло, решив удвоить свое состояние, «едва не погубил вместе с ним и самого себя». Загрузив купленное большое судно «разным товаром», Руффоло прибыл на Кипр, где нашел несколько кораблей, «пришедших с товаром того же качества», и ему пришлось «чуть не бросить все даром».

После потерь, нанесенных ему непредвиденным стечением обстоятельств, Руффоло поменял планы и стал корсаром, чтобы морским разбоем возместить понесенный ущерб. На первых порах судьба благоприятствовала ему, и он в весьма короткий срок «более чем

и 1467 гг. в ту пору, когда там гостил поссорившийся с отцом французский дофин, будущий король Людовик XI (1423–1483). Авторство приписывалось Людовику XI и Антуану де ла Салю. Первое издание датируется 1486 г. Единственная рукопись хранится в библиотеке Глазго.

удвоил свое состояние», т. е. иным способом достиг поставленной цели. Вразумленный горьким опытом первой неудачи, он почел за благо умерить свои притязания и поскорее возвратиться домой с награбленным товаром. Однако на обратном пути поднялся буйный сирокко, вынудивший его искать убежища в небольшом заливе. Там же, укрываясь от непогоды, пришвартовались две генуэзские барки, матросы которых позарились на добро Руффоло, перестреляли всю его команду, а самого хозяина забрали в плен, оставив на его плечах лишь «одну жалкую куртку».

На следующий день разразился шторм, и барка, на которой матросы перевозили плененного Руффоло, разбилась на отмели. Руффоло удалось ухватиться за доску и какое-то время оставаться на плаву. В борьбе за жизнь, он упорно отталкивал от себя взлетающий на высоких волнах ящик, который все время норовил разmozжить ему голову.

Упустив доску, Руффоло поневоле ухватился за ящик, который на следующий день вынес его полуживого на берег острова Корфу, где некая бедная женщина с дочерью мыла песком посуду. Она с усилием оторвала от ящика сведенные судорогой пальцы Руффоло, препоручила ящик дочери, а сама приволокла тело потерпевшего в свой дом, где согрела его в горячей ванне и подкрепила вином с печеньем.

Придя в себя, Руффоло вскрыл злополучный ящик и к несказанному удивлению обнаружил в нем «множество драгоценных камней». Он пересыпал драгоценности в мешок, поблагодарил сердобольную женщину и пешком отправился по направлению к дому. В Равелло, «почувствовав себя в безопасности и возблагодарив Господа, он развязал мешок и, рассмотрев все с большею внимательностью, чем прежде, нашел, что у него столько камней и такого достоинства, что, если продать их за подходящую и даже меньшую цену, он станет вдвое богаче, чем при отъезде».

Какой вывод можно сделать из анализа перипетий этой невероятной и в то же время типичной для эпохи первоначального накопления истории? Намерение нажиться на торговле обернулось потерей товаров, что побудило Руффоло заняться морским разбоем, который сторицей возместил понесенные убытки. Последовавшие затем ограбление и пленение поставили под сомнение эффективность разбойного способа обогащения. Победа в единоборстве с ящиком грозила лишить потерпевшего плывущих ему в руки сокровищ, а неожиданное обогащение стало результатом борьбы за выживание.

Ничто из задуманного Руффоло не осуществилось в соответствии с его планами. Но нельзя утверждать и того, что все его намерения последовательно отвергались тенденциозной злонамеренностью обстоятельств. Ведь Руффоло все же добился желаемого, хотя и не теми средствами, на которые рассчитывал. Авантюрные обстоятельства, опровергая планы Руффоло, в конце концов, привели к их осуществлению.

Какова логика смысловых отношений нового исторического человека с изменчивым миром? И существует ли она? Не управляет ли индивидом слепой случай, поворачивающийся к своей жертве то улыбчивым, то грозным ликом? Эти вопросы до поры остаются без ответа, и даже обсуждения рассказчиков не вносят в них ясность. Однако проблема взаимосвязи мифологической закономерности и исторической случайности осознана и сформулирована в «Декамероне». Интерес, продиктованный потребностью разобраться в условиях борьбы за существование, ориентирует рассказчиков и слушателей новелл на постижение управляющих жизнью законов. Развивающиеся аналитические способности новеллистов подводят их к выводу, что историческая случайность выступает генератором куда более сложно опосредованной взаимосвязи причин и следствий, чем простое этиологическое объяснение и предписание мифа.

Мифология нуждается в исторических событиях не меньше, чем история – в мифологических архетипах: «Миф – не фикция, – констатирует К. Г. Юнг – он состоит из беспрерывно повторяющихся фактов, и эти факты можно наблюдать все снова и снова. Миф сбывается в человеке, и все люди обладают мифической судьбой не меньше, чем греческие герои» [10, с. 164].

Затеянная в эпоху Просвещения наивная демифологизация истории [1], равно как и предпринятая XX в. ее мифологизация рождают коррелятивную пару – единство аналогии и противопоставления мифологической и исторической моделей сознания. Творчески продуктивный диалог между мифологией и историей, взаимообусловленность которых проявляется в том, что историческое сознание дает жизнь мифологическому, а мифологическое – историческому, приходит в конце XVIII в. и оформляется в эпоху романтизма. Статья Ф. Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии» вносит вклад в периодизацию западноевропейского искусства Нового времени.

В диалоге между Сциллой исторической конкретизации и Харибдой мифологического обобщения рождается символ как синтез аллегории и метафоры: какой аллегорическое иносказание отсылает к мифу, а метафорическая аналитика – к истории. Благословенные для искусства эпохи равновесной взаимообусловленности чувственного и рационального, сопровождающиеся восстановлением законосообразности сознания и бытия, ознаменовываются символизацией, обеспечивающей действительное функционирование коррелятивной пары миф / история как единства аналогии и противопоставления.

«Нарцисс и Гольдмунд» Г. Гессе

Роман Германа Гессе «Нарцисс и Гольдмунд»(1930) – яркий пример символизации фабулы немецкой народной легенды о Фаусте.

Судьба этого чернокнижника подвергалась многочисленным толкованиям. Среди наиболее значительных – книга Шписа, балаганные кукольные спектакли, трагедия Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фауста», драма Лессинга «Доктор Фауст», прославленная трагедия Гете, «Сцена из Фауста» А. С. Пушкина, одноименная опера Ш. Гуно, роман Т. Манна «Доктор Фаустус».

Гессе обратился к архетипу фаустовской легенды для прояснения судьбы художника XX в., заложника вечного конфликта души и тела, конфликта, трагически обостренного катастрофой Первой мировой войны. Для воплощения своего замысла Гессе привлекзаложенную Новалисом («Генрих фон Офтердинген») и Л. Тиком («Странствия Франца Штернбальда») традицию романа о художнике.

Рационализм XVII–XVIII вв. полагал, что задача сознания заключается в эмансипации от предрассудков – консервативных мифологических моделей, препятствующих постижению закономерностей исторического развития. Модернизм XX в., которому Гессе принадлежал как по времени рождения, так и по духовному складу, напротив, призывал отказаться от всех моделей истории и покаянно возвратиться в покинутую его самонадеянным разумом внеисторическую онтологию.

Разлад между сознанием и бытием гипостазирован Гессе в двух героях, Нарциссе и Гольдмунде, сошедшихся волею случая в монастыре Мариабронн. Две мистически прожитые гетевским Фаустом жизни разделяются Гессе на две самостоятельные судьбы: интроверта

Нарцисса и экстраверта Гольдмунда. Сравнение ценностных итогов прожитых ими жизней призвано было показать, что *личностный рост* возможен лишь в творчески продуктивном диалоге правды тела и правды духа, этих неотменяемых ипостасей человеческого существования.

Писатель инвертирует традиционные сюжетные функции Ореста и Эдипа. Его Нарцисс – человек деятельного духа и творческой мысли – выступает интровертом, потому что в условиях XX в. наука и искусство требуют от своих адептов героической жертвенности, сосредоточенного мужества и нравственного аскетизма. Интровертная природа Нарцисса парадоксально актуализирует анимус – мужское начало женской психики, предохраняющее его от опасной «взволнованности бессознательного».

Антиподом ему выступает Гольдмунд, человек стихийного выбора и порывистого поступка. Он самовольно покидает святую обитель, чтобы на просторах большого мира отдаться радостям чувственного бытия. Стремление к «прекрасному и яростному миру» Гольдмунд унаследовал от своей беспутной матери, которая оставила мужа, дом и семью ради свободы «бродячей жизни». Экстравертная натура Гольдмунда парадоксально актуализирует аниму – женское начало мужской психики: «Он знал не на словах и в сознании, но более глубоким знанием крови, что его путь ведет к *матери*, к сладострастию и смерти. Отцовская сторона жизни, дух, воля не были его стихией. То была область Нарцисса. И только теперь Гольдмунд вполне понял слова друга и увидел в нем свою противоположность...».

Инверсия архетипических функций Ореста и Эдипа была навязана Гессе радикально изменившимися социально-экономическими условиями. Отцовский дух Ореста опорочил себя созданием техники и производства, а к началу XX в. выродился в «волю к власти», спровоцировавшую Первую мировую войну.

Метаморфоза Ореста, культурного мифологического героя, побуждаемого Аполлоном и Афиной к утверждению отцовского права, отразилась в предыдущем романе Гессе «Степной волк» (1927). В душе главного героя, интеллектуала Гарри Галлера, сосуществовали и периодически конфликтовали две функции его психики: «человеческая» и «волчья». Драматический процесс экстерииоризации этого диссонанса был описан Р. Л. Стивенсоном в романе «Странная

история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886). В нем доктор Джекил поставил рискованный эксперимент, в результате которого его обособившаяся животная природа вышла на волю в образе обезьяноподобного существа под именем мистера Хайда.

В романе «Степной волк» аналогичный конфликт не приводит к раздвоению личности. Однако, даже оставаясь в границах сознания, он достигает такой степени напряженности, которая грозит разрушением человеческой самости: «Если Гарри-человека ... осеняла прекрасная мысль, то волк в нем сразу же скалил зубы. <...> Когда Гарри чувствовал себя волком, показывал зубы другим, когда испытывал ненависть и смертельную неприязнь ко всем людям, тогда ... человек следил за волком и омрачал ему всякую радость от его простой, здоровой и дикой волчьей повадки». Психологический конфликт, в котором волк настроен на решительную победу, приближает сознание Гарри к выводам, инвертирующим аксиому европейского гуманизма о преимуществе духа над телом: «Дьявол – это дух, и мы его несчастные дети. Мы выпали из природы и висим в пустоте».

Но если XX в. трансформировал Ореста в дьявола, психологическим контрапунктом дьяволизации духа должна была выступить анима, явившаяся Гольдмунду в образе экстравертного Эдипа. Игнорируя догматические требования чувственного самоограничения, стихийная природа эдипизированного Ореста обещает апофатический прорыв к подлинности. К. Г. Юнг на собственном опыте пережил расширяющую сознание иррациональность экстравертных побуждений: «В психической субстанции есть вещи, не порождаемые мной, но порождающие сами себя и живущие собственной жизнью. <...> Я понял, что во мне есть нечто, способное говорить вещи, которых я не знаю, и которые даже могут быть направлены против меня» [9, с. 189]. Согласно выводам Юнга, бессознательное цивилизованного человека «формирует внутри себя какую-то особую личность, которая, не будучи мною, всячески настаивает на том, чтобы выразить себя» [9, с. 191].

В романе «Волшебная гора» (1924) Томас Манн, рефлектируя над полисемией слова «беспутство», констатирует момент торжества бессознательного импульса, провоцирующего Ганса Касторпа на то, чтобы «потерять ориентировку», безоглядно ввериться иррациональному порыву, совпадающему с объективным ходом истории или, как

это и произошло в судьбе героя Т. Манна, даже служащей ее субъективным выражением: «Перед ним не расстилалась дорога, его связывавшая, позади не пролегал путь, который привел его сюда и должен был отсюда увести».

Душа красавца Гольдмунда откликается на призыв большого мира, персонифицировавшегося для него в молодой цыганке Лизе. Он покидает монастырь, чтобы броситься в пучину многоцветной жизни, где его поджидают нравственные падения и духовные озарения. В поисках своего творческого назначения, он идет в ученики к мастеру Никлаусу: созданная скульптором деревянная фигура Божьей Матери потрясла Гольдмунда и надолго привязала его к творчеству. В итоге многолетнего самоотверженного труда Гольдмунд вырезал деревянную скульптуру Иоанна, напоминающего своими чертами его монастырского друга Нарцисса. Фигура была высоко оценена учителем, и Гольдмунд задумался о том, чтобы переломить свою судьбу. Размышления вылились в полемику между двумя способами освоения мира: чувственно-эстетическим и интеллектуально-нравственным. Родившийся в Гольдмунде скульптор уже склонялся отдать предпочтение первому: «В искусстве и в бытии художника виделась Гольдмунду возможность некоего примирения своих глубочайших противоположностей или, по крайней мере, замечательного, всегда нового подобия двойственной своей натуры».

Однако, как и всякое ответственное служение, искусство требует полной самоотдачи. Вид изнуренного творческими муками Никлауса отвратил Гольдмунда от разрушающей тело профессии скульптора и вернул на дорогу беспутных странствий.

Гессе оценивает это решение Гольдмунда как своего рода подвиг безоглядного приятия «всежизни». Герою предстоит чудом пережить повальную эпидемию чумы, завоевать любовь Агнес, любовницы графа-управителя. Застав влюбленных в гардеробной, граф заточил Гольдмунда в темницу. За ночь, проведенную в «пограничной ситуации» в ожидании казни, осужденный освободился от последних моральных ограничений и приготовился убить табуретом исповедника. Однако явившимся утром священником неожиданно оказался Нарцисс, ставший к тому времени настоятелем монастыря Мариабронн. Настоятель выхлопотал у графа помилование, и друзья возвратились в монастырь, где Гольдмунд создал несколько скульптурных

шедевров, а затем вновь исчез на долгие годы, чтобы вернуться в святую обитель старым, больным и умирающим.

Перед смертью очарованный странник, но теперь уже по совести, а не по христианскому долгу, исповедуется перед Нарциссом-Иоанном: «Я имел также счастье пережить возможность одухотворения чувственности. Из этого возникает искусство».

Но вот пробил час смерти Гольдмунда, его возвращения в материнское лоно бытия: «Я верю, что смерть – это большое счастье, да, счастье, такое же огромное, как счастье первой любви. Я не могу отделаться от мысли, что вместо смерти с косой придет моя мать, которая возьмет меня к себе и вернет в невинность небытия».

Эти слова парадоксального экстраверта Гольдмунда позволили Нарциссу понять, сколь многим он обязан другу, который взял на себя бремя жизни со всеми ее искушениями, испытаниями, опасностями, борьбой и преступлениями и от которых Нарцисс «благоразумно» отрекся ради духа.

Иносказательный ответ Гессе на вопрос о достойном выборе между духом и телом облекся в диалектическую формулу вечного становления: человеческая раздвоенность не подлежит «снятию» посредством ее концептуального разрешения. Она перманентна и задана проблемой человека, порождающей продуктивный конфликт, который запускает автономный процесс самоидентификации и самоактуализации: «Отдаваясь жизни, сгниваешь как гриб. Или же, пытаясь защититься, закрываешься в мастерской, желая воздвигнуть памятник быстротекущей жизни, – тогда вынужден отказаться от жизни, становясь только инструментом, хотя и стоишь на службе вечного, но иссыхаешь и теряешь свободу, полноту и радость жизни. Так случилось с мастером Никлаусом».

Конфликт между отцовским и материнским началами психики рождает душевное напряжение, которое человек обречен претерпевать на протяжении всей жизни. Но в мгновение смерти материнское начало побеждает отцовское. Таков окончательный итог вынесенного Гольдмундом опыта: «А как же ты будешь умирать, Нарцисс, если у тебя нет матери? Без матери нельзя любить. Без матери нельзя умереть. <...> Два последних дня Нарцисс просидел у его постели, день и ночь, и видел, как он угасал. Последние слова Гольдмунда горели в его сердце как пламя».

Дон Кихот Грэма Грина

Роман английского писателя Грэма Грина «Монсеньор Кихот» (1982) возрождает архетипическое ядро романа Сервантеса в целях его историзации – разъяснения причин трагически обострившейся после Второй мировой войны проблемы человека. С точки зрения Г. Грина, спустя почти 380 лет после выхода романа Сервантеса, жизнь не стала лучше. Изменились ее внешние формы, но не сущностное содержание, по-прежнему воздвигающее внутренние (психологические) и внешние (социально-исторические) препятствия на пути альтруистического стремления облагородить условия человеческого существования.

Монсеньор Кихот в своей второй инкарнации – не идальго, а католический священник небольшого селения Эль-Тобосо. Он довольствуется бытом, сходным по своей непритязательности с аскетической жизнью епископа Мириэля из романа В. Гюго «Отверженные».

Отец Кихот начитан в теологии и часто цитирует Герберта Йоне, Франсиска Сальского, Хуана де ла Круса и других религиозных мыслителей. Однако, в отличие от своего далекого предка, не сомневавшегося в фабульной достоверности рыцарских романов, исторически мыслящий отец Кихот находит в теологических трактатах «немало нелепиц». И в странствие на стареньком «Сеате-600» он отправляется не для проповеди догматов богословия, а для их верификации.

И Санчо Г. Грина не крестьянин, а бывший мэр-коммунист Эль-Тобосо, взявший с собой в дорогу «Коммунистический манифест» К. Маркса. Со своей стороны, отец Кихот, прихватил трактат Герберта Йоне «Теология морали»: «Если, к примеру, мэр начнет цитировать ему Маркса, отец Герберт Йоне может, пожалуй, пригодиться для ответа».

Герои Грина, сталкиваясь в спорах богословские и атеистические аргументы, «реанимируют» антиномии идеального и материального на новой исторической основе:

«Был же у вас Иуда», – провоцирует собеседника Санчо.

«А у вас Сталин», – парирует отец Кихот.

В словесных перепалках сама собой выстраивается парадигма культурно-исторических реалий новейшей истории:

Христос / Сталин.

Александр VI Борджиа / Троцкий.

Распятые / серп и молот.

Инквизиция Торквемады / ГПУ и НКВД Берии: «Трапписты – это ведь церковные сталинисты», – заявляет Санчо.

Неформальный диалог католицизма с коммунизмом позволяет спорщикам объективировать как достоинства, так и недостатки исповедуемых ими доктрин. Перечитывая Маркса, Санчо находит некоторые положения своего кумира устаревшими. Столь же критичен по отношению к богословским трактатам Отец Кихот. Открытые навстречу истине, умные и образованные, ищущие и сомневающиеся люди завязывают дискуссии о догмате Святой Троицы, аде и рае, Божьем и человеческом, романтизме и реализме, загробной жизни и возможности построения на земле справедливого бесклассового общества.

Герои Грина задаются «последними» вопросами гносеологии: что есть знание, что достовернее – представления или реальность, данная человеку в ощущениях. В импровизированной мессе отца Кихота не было ни вина, ни гостии, однако они реально присутствовали в его воображении.

Как и в романе Сервантеса, борьба физически немощного отца Кихота за человеческое достоинство обернулась поражением: торгаш священник и разъяренная толпа прихожан изгнали праведника, который не перенес выпавших на его долю испытаний. В финале Санчо, покидая Осерский монастырь, которому суждено было стать последним приютом отца Кихота, испытывает крепнущую *любовь* к покойному: «Почему ненависть к человеку, – задается вопросом марксист, – даже такому человеку как Франко, – умирает вместе с его смертью, а любовь, любовь, которую он начал испытывать к отцу Кихоту, казалось, продолжала жить и разрасталась, хотя они простились навеки и между ними навеки воцарилось молчание».

Любовь к отцу Кихоту возносит душу бывшего мэра коммуниста над антиномиями религии и атеизма.

«Антигона» Ж. Ануя

В пьесе «Антигона» (1942) Жан Ануй подвергает экзистенциальной историзации древнегреческий миф об Эдипе, получивший драматургическое воплощение в одноименной трагедии Софокла. Отцеубийство и инцест оправдываются Ж. Ануем как сознательный бунт против власти государственного закона, враждебного целям личного становления.

Согласно фабуле мифа, разработанной в поэме «Фиваида», Этеокл, старший сын обремененного грехами Эдипа, не пожелал уступить трон брату Полинику, нарушив тем самым взаимную договоренность править поочередно. Найдя прибежище у царя Аргоса Адраста, Полиник женился на его дочери и убедил тестя предпринять завоевательный поход против Фив. Вероломный Этеокл и отстаивавший свои наследственные права Полиник погибли в поединке. Вступивший на фиванский престол брат Иокасты Креонт с почестями похоронил защищавшего Фивы Этеокла, а напавшему на родной город Полинику отказал в погребении. Антигона, дочь Эдипа и Иокасты, в нарушение запрета осмелилась символически похоронить брата, присыпав его тело горстью земли. В драме Ж. Ануя неповиновение Антигоны мотивируется не верностью матриархальному закону, а бунтарским неприятием государственной тирании.

Драма делится на три иерархических эпизода. Сменяя друг друга, они обнажают уровни экзистенциального сознания XX в., эволюционирующего от буржуазного конформизма к онтологическому радикализму.

В первом эпизоде прославляется достоинство хрупкой девушки, нашедшей в себе мужество сказать «нет» всему укладу жизни, формирующему обыденное сознание. На вопрос Креонта, влюблена ли она в его сына Гемона, Антигона отвечает, что ценит Гемона как порывистого, страстного, самоотверженного, отзывчивого, но, прежде всего, независимого юношу: «Если, женившись на мне, он превратится в “мосье Гемона”, если будет обращаться ко всем “чего изволите”, нет, такого Гемона я не полюблю!»

Политизированное сознание Креонта не желает вникать в подлинные мотивы своеволия Антигоны. Упрямая невосприимчивость царя – следствие укоренившейся в нем привычки быть чиновником. Антигону же выгодно отличает юношеский максимализм: она предала брата земле не ради доступной пониманию Креонта корыстной цели, а «для себя». Принципиальность такого объяснения не позволяет Креонту оставить его без ответа: ведь Антигона возвышает голос в защиту *человека*, а не сговорчивой черни, солидаризирующейся с мнением «молчаливого большинства».

Поэтому во втором эпизоде Креонту приходится напомнить Антигоне о неучтенном ею втором «члене оппозиции» – консолидирующем

гражданское общество «порядке», для поддержания которого и существует воплощаемая им власть. Креонт впадает в откровенность, когда признается, что, проснувшись однажды утром царем Фив, нашел в себе мужество сказать «да» возложенной на него огромной ответственности.

Противодействующая государственному принципу Антигона отказывается признать верховенство юридического закона над родовым. Убедившись в неуступчивости девушки, находчивый Креонт меняет тактику, развенчивая идеализируемого Антигоной Полиника. В пространном монологе он выставляет племянника бездушным, праздным и безответственным прожигателем жизни. Но самое оскорбительное для персонализма Антигоны состоит в том, что, по рассказу Креонта, и удостоившийся почетного погребения Этеокл был при жизни не многим лучше Полиника: и он посягал на жизнь отца, и он готов был продать Фивы тому, кто больше даст. Лишь случай, опередивший Этеокла в лице Полиника, распорядился так, что имя Этеокла было прославлено, а имя Полиника предано анафеме. Более того, и сам Креонт не может с уверенностью сказать, чье тело удостоилось погребения: оба трупа были обезображены промчавшейся над ними конницей. Поэтому Креонт приказал, не глядя, выдать за Этеокла тот, который был менее изувечен.

Похоже, эти факты поколебали мужество Антигоны. Она уже готова отступить и, уединившись в спальне, предаться своему горю, когда утративший бдительность политик неожиданно совершает психологический промах. Доказав, что лишь государственная власть способна эффективно противостоять преступлению, он вдруг признается в своей «слабости» – любви к жизни. Именно она приходит на смену юношескому максимализму, способному из всех цветов красочного мира вычленять лишь два – белый и черный. А между тем скрывающаяся за узорным покровом повседневности привычка жить стóит того, чтобы сказать ей «да». На этом неосмотрительно вырвавшемся у Креонта признании и ловит его Антигона.

В иступленном монологе, обнажающем третий смысловой пласт пьесы, она клеймит оплаченное «пониманием» примирение с жизнью: «Как вы все мне противны с вашим счастьем! С вашей жизнью, которую надо любить, какой бы она ни была. Вы, словно собаки, облизываете все, что найдете. Вот оно, жалкое, будничное счастье, надо

только не быть слишком требовательным! А я хочу всего, и сразу, и пусть мое счастье будет полным, иначе мне не надо его совсем!».

Так аргументирует Антигона XX в. свое «возвращение билета» тому, кто, ссылаясь на законы возрастной психологии, отнимает у нее надежду на неразменную, «как в детстве», полноту бытия. Если детство характеризуется нерасчлененностью сознания, то взрослая жизнь заявляет о себе в момент осознания человеком проблемности своего существования. Однако такая зрелость решительно отвергается юной максималисткой. Ее отрицание социальной действительности во имя онтологического идеала реабилитирует Эдипа и освящаемую его поступком регрессию в прошлое. Согласно Антигоне, Эдип убил Лаию и женился на матери не по неведению и не вследствие рокового стечения обстоятельств, а вполне сознательно бросая вызов всей аполлонической культуре. Антигона называет Эдипа «папой», потому что он отважился на радикальный разрыв с нормативной этикой, поступившейся исконными правами человека.

Креонт проникся «последним смыслом» этого аргумента и отдал приказ казнить Антигону, однако тайная справедливость распорядилась так, что ему пришлось расплатиться за ее смерть самоубийствами сына и жены.

Расправившийся с Антигоной фиванский закон уничтожил трансцендентальную тоску человечества по универсальности. Финальная сцена, изображающая перебрасывающихся в карты тюремщиков, означает, что с гибелью Антигоны мир покинула *ответственность*, оставив после себя царство ничем не нарушаемого филистерского благополучия. Стражи порядка играют в карты, чтобы «убить время», которого у них будет отныне более чем достаточно.

Иосиф в Библии и в тетралогии Т. Манна

Если архетип аналогичен архисеме – корню, неизменяемой части слова, то дифференциальные семы привносятся в него историческим сознанием, эксплицирующим свернутую в мифе причинно-следственную связь между событиями. Выявление каузальности социально-онтологических процессов – прерогатива исторического, рефлексивного мышления.

Композиционно миф воспроизводит хроникальную последовательность событий, к которой не примешиваются авторские комментарии,

разъясняющие логику происходящего. На взгляд историка, мифу недостает причинно-следственной экспликации. Не является исключением и библейский миф об Иосифе Прекрасном, который Томас Манн подверг фабульной дифференциации и сюжетной релятивизации в тетралогии «Иосиф и его братья» (1926–1943).

«Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей». Так обращается Иосиф к своим когда-то едва не погубившим его братьям, спустя много лет пришедшим поклониться ему как высшему должностному лицу могущественного египетского государства. (Быт. Гл. 50, 20). В этих скупых словах – содержание всего грандиозного замысла Бога, как его интерпретирует Иосиф, замысла, скрытого до поры даже от тех, кого Он избрал для осуществления своих целей.

Под пером Томаса Манна, присутствующего в романских событиях на правах социально-психологического аналитика, библейскому мифу предстояло историзироваться в экспликации логических связей, имплицированных во временном потоке явлений. Вживаясь в их сакральную логику, писатель поднял на поверхность и обнажил недостающие сюжетные звенья. Историческая рефлексия по поводу «скупой, как репортаж, легенды» о божественном претворении зла в добро была, прежде всего, поставлена в заслугу автору его простодушной мюнхенской машинисткой: «Ну вот, теперь хоть знаешь, как все это было на самом деле! – сказала она. Это была трогательная фраза, – ведь на самом деле ничего этого не было» [4, с. 173] – лукаво заметил Томас Манн. Лукаво, потому что экспликация логической структуры стала личным художественным открытием и гражданским подвигом писателя-гуманиста.

В духовном противоборстве с фашистской идеологией, мифологизировавшей современность в тщетной надежде наделить ее высоким миметическим модусом, Т. Манн акцентировал гуманистическое содержание библейской легенды. Он развенчал попытки контрабандного оправдания преступного авантюризма идеологов третьего рейха, которые брали на вооружение «малые», тотемные мифы о низших божествах фольклорного пантеона¹.

---

¹ Таковым, в частности, предстал в романе Т. Манна вероломный убийца Осириса египетский бог пустыни Сет.

Аналитическое сознание Т. Манна выявило в сказании об Иосифе эволюционную направленность истории. Изменчивость таится в средоточии мифа, который изолирует и увековечивает смысл исторического события, возвышая его до архетипа. Согласно М. Эдиаде, «сами архетипы составляют некую “историю” в той мере, в какой они состоят из жестов, действий и предписаний, которые, хотя и считается, что были явлены *во время оно*, все же были *явлены*, т. е. рождены *во времени*, “явились” в том же смысле, как и любое другое историческое событие» [7, с. 137–138].

Ростки эволюционизма усматриваются Т. Манном в революционных по отношению к нормативной традиции инициативах тех героев легенды, которые трудились над установлением взаимопонимания с Творцом. Принятие смелых решений было по силам лишь их восприимчивости, чутко реагирующей на неразличимые за рябью жизни океанические течения мировой истории. Носителей такого сознания Т. Манн поэтизирует как творцов будущего.

К ним принадлежит и законопослушный Ицхак, который, чтя букву сакрального закона, навязчиво убеждал себя, что лишь перворожденный достоин благословения перед Господом. Верный традиции, он силился предпочесть гладкому Иакову, «маменькиному сынку», красного и косматого Исава. Подавляя ростки неприязни к старшему, отец заученно повторял: «Красный – мой. Он – первенец, я люблю его». И это вопреки тому факту, что физиологически рано созревший и по животному плодовитый Исав «был равнодушен к высокому Аврамову наследию» и «открыто поклонялся громовержцу Куцаху».

Т. Манн интерпретирует традиционалистские усилия Ицхака как отвергаемые историей попытки консервации «маленького мифа внутри куда более могучего и великого», которому предстояло развиваться и окрепнуть благодаря созидательным усилиям благословенных наследников Авраама.

Адепт консервативной традиции Ицхак стремился следовать указаниям «маленького мифа» о формальном праве первородства, которое «было существенным доводом в пользу Исава». Но ему предстояло «обмануть» традицию, уклониться от требований ее мертвеющего догматизма ради становящегося будущего. Осознав, что во исполнение Божьей воли ему суждено создать нравственный прецедент, Ицхак решил «ослепнуть». Не выходя из роли аналитического

повествователя, Т. Манн задается риторическим вопросом: «Может ли человек ослепнуть или настолько приблизиться к слепоте, насколько Ицхак действительно приблизился к ней в старости, оттого что ему не хочется видеть, оттого что зрение для него – источник мук, оттого что он лучше чувствует себя в темноте, где могут произойти некие вещи, которые произойти должны?».

В контексте этой мифолого-исторической коллизии маленький миф уподобляется малому историческому времени, сдерживающему экспансию мировоззренческого кругозора. Несмотря на то, что в недрах локального времени неуклонно вызревают и обращают на себя внимание силы, побуждающие к созданию «более могучего и великого мифа» о вечном становлении.

Вытеснение маленького мифа большим описывается Т. Манном как зарождение в недрах циклического времени линейной истории, размыкающей круг природных процессов. В преодолении мифа о вечном возвращении Т. Манн видит рождение исторического мифа о вечном становлении.

Ицхак и Ревекка, руководствуясь присущей им исторической интуицией, решили благословить младшего Иакова. И вот, вместо Исава, благословения предусмотрительно «ослепшего» отца удостоился Иаков. Это дальновидное решение позволило Богу Авраама остаться в живых, не разделив участь многих тотемов, умерших вследствие распада живой связи между собою и людьми.

История с «обманом» «вырастает» в большой назидательный для потомков миф. Глава об «обмане» Исава шутивно названа автором «Великая потеха», и открывающая ее фраза травестирует компромисс в назревшее требование: «По правде сказать, обманут не был никто, не исключая Исава». Ибо все понимали, что найденное историческое решение было остроумно мотивировано «ничего, в сущности, не решающей» разницей в возрасте близнецов.

Благословление, как его понимает Т. Манн, есть способность к восприятию и осмыслению вызовов времени. Его был лишен Лаван, дядя Иакова по материнской линии, причина хозяйственных неудач которого заключалась в недостатке исторической восприимчивости. «Персть земная», обитатель «преисподней», он, чей разум ограничивался «кругом угрюмо-земных мыслей собственника», закоснел в слепом почитании традиции. Несмотря на принесенного в жертву

первенца, хозяйственные дела у этого «беса преисподней», шли из рук вон плохо: «Позднее Иаков узнал, что в начальную пору брака у этой четы был самый настоящий сынок, но его, по случаю постройки дома, они принесли в жертву, т. е. живьем, в глиняном кувшине, в придачу к светильникам и чашкам, похоронили в подстенье, чтобы снизить дому и хозяйству удачу и процветанье. Мало того, однако, что жертва эта не принесла особой удачи, Адина (жена Лавана. – А. Б.) с тех пор была не в состоянии произвести на свет мальчика». Отворачивающееся от будущего время вырождается в безвременье и уходит в небытие.

Но вот, вскоре после появления благословенного Иакова, в делах Лавана наметился ощутимый перелом: сын Ицхака и Ревекки обнаружил источник между усадьбой и полем, который позволил не только приступить к орошению полей, но и выкопать пруд, а затем разбить сад. Бездетный Лаван, – пишет Т. Манн, – «в течение первых семи лет службы у него Иакова стал снова отцом, причем отцом нескольких сыновей. Богатевшему этому человеку была возмещена его неудачная и явно отвергнутая некогда жертва, младенец в кувшине, и возмещена не просто, а в тройном размере».

Наследуемое достойными представителями рода благословение осеняет и любимого сына Иакова – Иосифа. Его судьба иллюстрирует блистательный результат труда по овладению искусством жизнестроительства. Умение вдумываться в смысл пережитого опыта и извлекать из него необходимые уроки позволило ему, проданному братьями в рабство, возвыситься сначала до управляющего домом Потифара, а затем, уклоняясь от губительных искушений, дорасти до должности хозяйственного правителя Египта – стать правой рукой фараона Аменхотепа IV.

В третьей книге «Иосиф в Египте» Т. Манн со страстной заинтересованностью исследует дар Иосифа извлекать выгоду из непредсказуемого стечения обстоятельств, вступать в доверительный контакт с людьми, устанавливать гармоничные отношения с миром. Этот благословенный дар позволяет ему преодолеть ограничения жестко стратифицированного общества и изменить свое положение подчиняющегося и исполняющего на положение распоряжающегося и требующего исполнения.

В главе «Иосиф говорит перед Потифаром» Т. Манн показывает, как образованность и возросшие аналитические способности Иосифа

позволили ему, избегая грубой лести, остроумно претворить в духовное достоинство телесную ущербность Потифара. Польщенный Потифар, безвинная жертва суеверных предписаний, по достоинству оценил диалектический ум слуги и приблизил его к себе на правах утешителя.

Описание аналитических способностей Иосифа потребовало от автора использование приемов социально-исторического анализа, недостаток которого обнаруживало мифологическое сознание библейского сказителя. Ключевая для объяснения причин начального возвышения Иосифа глава была от начала до конца вымышлена Т. Манном: «И вот мы подходим к той первой и решающей беседе Иосифа с Потифаром в плодовом саду, которой нет и в помине ни в каких изложениях этой истории, ни в восточных, ни в западных, ни в прозаических, ни в стихотворных, – как нет в них и многих других подробностей, мелочей и убедительных объяснений, которыми вправе гордиться наша повесть, ибо именно она обнаружила их и сделала достоянием изящных искусств».

Социально-психологическая историзация «скупых строк» об Иосифе претворяется Т. Манном в психологическую рефлексию о безотчетных поступках героев библейской легенды. Роман «вырастает» в историзацию мифа и мифологизацию истории: люди, судьбы которых романизирует писатель, «не всегда вполне точно знали, кто они такие». Для расширения смыслового пространства своей жизни они нуждались в исторической самоидентификации, а для обобщения импульсивных мотивировок принимаемых ими решений – в мифологическом архетипе.

Заключение

Архетип мифа способен раскрыться в своей универсальности лишь историческому сознанию. Смысл преходящего исторического события доступен только вневременному мифологическому сознанию. В докладе «Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству», прочитанному в мае 1922 г. на собрании цюрихского Общества немецкого языка и литературы, К. Г. Юнг отметил: «Творческий процесс, насколько мы вообще в состоянии проследить его, складывается из бессознательного одухотворения архетипа, из его развертывания и пластического оформления вплоть до завершенности произведения искусства. Художественное

развертывание праобраза есть в определенном смысле его перевод на язык современности, после чего каждый получает возможность, так сказать, снова обрести доступ к глубочайшим источникам жизни, которые иначе остались бы для него за семью замками» [8, с. 230].

Диалектика литературной эволюции меняет местами и функциями миф и историю. Исповедуемое литературным направлением мировоззрение способно низвести архетип до случайного исторического события, которое в свою очередь может быть вознесено до архетипического сверхсмысла. Такое чередование главного и второстепенного выявил Ю. Н. Тынянов на материале русской литературы XVIII–XIX вв.: «В эпоху разложения какого-нибудь жанра – он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин wpłyвает в центр новое явление» [7, с. 257–258].

Историзация мифа – процесс экспликации свернутой в архетипе логической структуры. Мифологизация истории – процесс импликации в преходящее событие одухотворяющего его архетипа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – Л. : Наука, 1978. – 312 с.
2. *Кассирер Э.* Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 440–710.
3. *Локк Д.* Опыт о человеческом разумении // Соч. : в 3 т. – М. : Мысль, 1985. – Т. 1. – С. 78–582.
4. *Манн Т.* Иосиф и его братья. Доклад // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Художественная литература, 1960. – Т. 9. – С. 172–191.
5. *Стросс К. Л.* Структурная антропология. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
6. *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – С. 255–270.
7. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении (Архетипы и повторение) // Космос и история. – М. : Прогресс, 1987. – С. 27–251.
8. *Юнг К. Г.* Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 214–231.
9. *Юнг К. Г.* Воспоминания, сны, размышления // К. Г. Юнг. Дух и жизнь. – М. : Практика, 1996. – 554 с.
10. *Юнг К. Г.* Ответ Иову // Ответ Иову. – М. : Канон, 1995. – С. 109–234.

УДК 80/81+001+1(470) (091)

Е. Ю. Перова

кандидат культурологии, доцент каф. мировой культуры
ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: eperova71@list.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ В ПОЭЗИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Статья посвящена выявлению и анализу философских идей славянофилов в их литературно-поэтическом творчестве. Спустя столетия столь же актуальны обозначенные в поэзии и статьях этих мыслителей проблемы, определяющие пути духовного возрождения на современном этапе.

Ключевые слова: поэтическое творчество; славянофилы; религиозное мировосприятие; русская культура.

E. U. Perova

Associate Professor, Candidate of Culture Studies,
Culture Studies Department, MSLU;
e-mail: eperova71@list.ru

PHILOSOPHICAL IDEAS IN POETRY SLAVOPHILES

The article is devoted to the identification and analysis of philosophical ideas of the Slavophiles in their literary and poetic creativity. A century later, equally relevant issues that determine in poetry and articles of these thinkers the problem, defining the spiritual rebirth of the way at the present stage.

Key words: poetry; Slavophiles; religious perception of the world; Russian culture.

Расцвет славянофильства приходится на 40-е гг. XIX столетия и следующее десятилетие.

В основе взглядов славянофилов лежит идея о том, что вся Европа разделена на два мира – Запад и Восток; вся культура Европы – на две культуры: западноевропейскую и греко-славянскую.

Многие исследователи славянофильства сходятся в том, что старшие представители этого течения – яркие личности, каждый пришел к философии особым путем. Это во многом связано с биографией. А. С. Хомяков воспитывался в глубоких и строгих православных традициях, не проходил через сомнения и сохранил нетронутой изначальную верность Православной Церкви; молодые годы И. В. Киреевского прошли в обстановке интереса к немецкой философии. К вере и в церковь он пришел после вступления в брак, под влиянием жены.

Киреевский читал ей Шеллинга, и когда их останавливали светлые мысли, жена отвечала, что они ей известны из творений Святых Отцов.

Систематиком славянофильского учения считают А. С. Хомякова, понимая слово «система» не в прямом значении и помня, что славянофильство – союз ярких индивидуальностей. Именно о Хомякове писали многие русские и западные философы. «Человек необыкновенно многосторонний, философ, богослов, историк, публицист и поэт, Хомяков является видной фигурой эпохи 40-х годов, столь богатой яркими дарованиями. И вместе с тем, Хомякова не знают и не читают, он забыт и не оценен», – писал в 1904 г. Н. А. Бердяев в статье «А. С. Хомяков как философ» [3, с. 60].

Хомяков всю жизнь много читал богословской и философской литературы. Он постоянно общался с выдающимися современниками (П. Я. Чаадаевым, братьями Киреевскими, В. Ф. Одоевским, А. Тургеневым, А. И. Герценом), которые следили за религиозно-философской литературой Запада.

Вместе с тем, особенность философского творчества Хомякова заключается в том, что он исходил из церковного сознания при построении системы. В церкви он видел полноту истины, источник, который освещает и все бытие. «Не от изучения мира и его философского истолкования шел он к свету веры, а наоборот, – все светилось для него тем светом, какой излучает Церковь. Хомяков в подлинном смысле «христианский философ», ибо он исходил из христианства ... В самом внутреннем мире Хомякова приоритет принадлежал именно вере, которая не была для него “объектом” мысли, “предметом” обсуждения, а была основной первореальностью в его духовном мире» [5].

Узловая точка, в которой сходятся славянофилы – православие и Россия.

Из представителей старших славянофилов только К. С. Аксаков и А. С. Хомяков писали стихи. Но К. Аксаков не считал себя настоящим поэтом. Он говорил: «В наше время поэтическое произведение, хотя написанное с талантом ... может быть только средством, одним из способов изображения той или другой мысли» [1]. Его стихи интересны «как одна из первых попыток в русской литературе превратить искусство в средство для пропаганды своих идей» [1]. Аксаков и о Хомякове говорит, что содержание и мысль его «большую часть не

закладывается в стихотворение, переходит его пределы; содержание так широко, так стремится воплотиться в жизни, в действительности, в деле, что часто после чтения стихов Хомякова бываешь преимущественно полон мыслию, в них высказанною» [1]. И, вместе с тем, Аксаков был очень поэтичен в жизни, сама его фигура была образ, он был способен к удивлению: «Поэзия есть явление мифа; она началась вместе с человеком ... Вначале поэзия заключалась уже в самом именовании, в простом выговаривании словом того, что есть ... Отсюда всякое явление жизни становится поэтическим: на алтаре горит огонь, идет снег на поля – все поэзия» [1].

Стихи Хомякова можно воспринимать как откровение из глубин могучего ума и веры. Особенно символичны три его стихотворения: «Мечта» (где читается его мысль о цельности, единстве и «соборности» жизни), «Звезды» (символ вечного стремления к реальной плоти вышнего неба) и «Труженик».

На философские взгляды и литературно-поэтическую деятельность мыслителя оказала влияние и немецкая романтика в целом. «Особенно существенным можно считать влияние Шеллинга; и в его трансцендентализме, и в его натурфилософии. В критике Гегеля Хомяков идет в сущности путем Шеллинга» [5].

В 1859 г. было написано стихотворение «Подвиг есть и в сраженье...», в котором сказываются эти влияния и раскрывается мировоззрение автора.

Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг – в терпенье,
Любви и мольбе.

Если сердце заныло
Перед злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;

Если скорби земная
Жалом в душу впились,
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них,

Без труда, без усилья
Выше мраков земных, –

Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской!

Аксиология и антропология являются звеном между богословием и философией и служит базой поэтического выражения мыслителя.

Хомяков и Киреевский уделили много внимания проблеме познания – этого требовала их позиция в отношении к философии, культуре Запада. Они были почтительны к философии Запада, в то же время глубоко и остро сознавали, что русская мысль, духовно иначе укорененная в христианстве, чем это имело место на Западе, имеет все данные, чтобы выдвинуть «новые начала» в философии. Это совпадало с общей для многих русских людей того времени идеей, что «XIX век принадлежит России» (В. Ф. Одоевский). Другими словами, присутствовала мысль о том, что созданием новой идеологии и новых начал философии Россия откроет новую эпоху в развитии христианского мира.

Хомяков видел главную «болезнь» западной философии в ее идеализме, в утере живой связи с реальностью. И здесь прокладывается дорога для онтологизма в учении о познании. Познание есть часть и функция нашего «бытийственного» вхождения в реальность; не одной мыслью, но всем существом мы «приобщаемся» к реальности в познании. Главное условие для этого – связь познавательных процессов со всей духовной сферой в человеке, т. е. речь идет о цельности в духе. Когда утрачивается цельность, рождается «логическое мышление» или «рассудок», оторванный от реальности, «для отвлеченного мышления существенное вообще недоступно, ибо только существенность может прикасаться к существенному» (И. В. Киреевский). «Сила» познания, возможность «овладения» реальностью определяется не познанием как таковым, а свечением смысла, его осуществлением во «внутреннем средоточии» человека.

Хомяков противопоставляет веру именно рассудочному познанию, а не разуму. Дело не в том, чтобы подчинить разум вере и стеснить его, – это не дало бы простора духовному зрению, а в том, чтобы изнутри поднять мышление до высшей его формы, где вера и разум

не противостоят друг другу. В то время, как западное повреждение в первоначальной вере развивает схоластическую философию внутри веры, а потом и философию вне веры. Однако путь русской философии – не в отрицании западной мысли, а в восполнении ее тем, что раскрывается в высшем духовном зрении. Живой опыт «высшего знания», где достигается вновь цельность духа, утраченная в грехопадении, и составляет основное положение гносеологии славянофилов. Эти философские идеи А. С. Хомяков выражает в стихотворении 1835 г. «Мечта».

Вместе с тем, как замечают исследователи XX в., Хомяков и Кириевский, будучи убеждены в своем религиозном сознании, оказываются романтиками «в своем гносеологическом утопизме, в своем пламенном преклонении перед “целостным духом”, силою которого устраняется и «раздробленность современной культуры» [5].

В историософии Хомяков признает естественную закономерность в историческом бытии. Это не исключает действия промысла в истории; но обобщение исторического развития указывает на самостоятельную духовную природу исторического бытия. Хомяков «глубоко ощущал свободу в человеке ... и не умалял момента ответственности» в самоустроении народа [5].

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело;
Своих рабов Он судит строго,
А на тебя, увы! Так много
Грехов ужасных налегло.

Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

А. С. Хомяков

Исторический процесс по сути есть духовный процесс, а основной движущей силой истории является вера, религиозные движения в глубине народного духа.

Для Хомякова в истории творится «судьба всего человечества», а историческая наука не всегда умеет за «хаосом происшествий» вдуматься в «судьбу человечества». Хомякову удается в лаконичной поэтической форме выразить эти идеи.

Очень важная и творческая тема всего славянофильства выражена у Хомякова мыслью, что православие через Россию может привести к изменению всей системы культуры, освободить человечество от того одностороннего и ложного развития, вектор которого определился в эпоху Просвещения на Западе и связанный с секуляризацией.

Возврат к религиозной и церковной мысли и ожидание новой культуры на ее основе и является тем важнейшим, что внесли славянофилы в работу русской мысли.

Славянофильство было очень сложным движением. Члены кружка во многом отличались друг от друга и много спорили. У каждого был свой путь. Важнее здесь «неповторимость лиц, живая цельность личных воззрений» [10, с. 253]. Общим и главным был пафос «соборности». Славянофильство также приносит опыт церковности. Славянофильство стремилось быть и было религиозной философией культуры.

В вопросе антропологии К. С. Аксаков не внес нового по сравнению с другими славянофилами, но у него есть собственный подход к вопросам личности. Аксаков видит пагубную двойственность в личности – она может идти путем самообособления, который будет путем саморазрушения и может идти путем самоограничения во имя высшего целого, общины. Личность в общине не подавлена, а только лишена эгоизма, она свободна в ней, как в хоре. Такая жизнь открывает личности ее особый путь, охраняет ее своеобразие и дает ему простор:

...Я верю: дело совершится.
Преобразим мы жизнь свою,
И весь народ соединится
В одну великую семью:
И дух один, и мысль, и слово
Нас вместе мощно обоймет, –
И сила покаянья снова
Во всем народе оживет!

Поэту Укорителю. 1845.

«Община, этот высший нравственный образ человечества, является в совершенном виде на земле. Христианство осветило и просветило общину, дотоле неясно сознаваемую или предчувствуемую народами. И община стала идеалом недосягаемым, к которому предстоит вечно стремиться» [1].

Защищая свободу личности в пределах жизни целого, Аксаков противопоставляет социальную сферу (это подлинное восполнение личности) государственной (чуждой внутренне жизни личности). С этой точки зрения Аксаков критикует Западную культуру.

Аксаков говорит о просвещении, что это цель человека, но что «мало одного простого приобретения знаний», надо, чтобы произошла перемена в самом человеке, чтобы он осветился, подобно самому значению слова «просвещение», – «это озарение, проникновение светом» [1]. В стихотворении «Разуму» Аксаков говорит, что «стальное лезвие» ума «не может приобрести тайну жизни»:

...В недоступные пучины
Жизнь ушла, остался след:
Пред тобой ее пружины,
Весь состав, – а жизни нет.

Аксаков страстно стремится отразить в православии такое понимание христианства, при котором не только бы отпадала возможность секуляризма как на Западе, но, напротив, все основные искания человеческого духа получали бы свое полное удовлетворение и освещение.

Слово, «проникнутое сознанием», «одухотворяет мир видимый, воплощает мир невидимый»; борьба мыслей должна совершаться «в области свободного убеждения, в области слова» [1]. «Пожелаем, чтобы наша общественная борьба, совершающаяся в слове, приняла везде приличный вид, достойный нравственного значения человеческой мысли» [там же].

Славянофилы подчеркивали значение церковнославянского языка для отечественной культуры. Его богатство, обусловленное историей создания с опорой на принятие лучших единиц из языков книжной мудрости греческой античности, Византии и др., «питает» многие современные языки. Славянский язык выполнял функцию единства народов Восточной и Центральной Европы, как язык богослужебный, прежде всего, но также язык науки и литературы. Созданный для потребностей Христианской Церкви, старославянский язык быстро распространился среди славянских народов. «Старославянский язык не был результатом развития одного из живых славянских языков, он стал итогом единого творческого акта» [9, с. 7–8], т. е. с самого начала стал не языком отдельного народа, а сакральным языком церковной культуры.

Но и о русском языке говорится как о явлении сакральном. О «человеке словесном» (А. С. Шишков, старший современник славянофилов, чья деятельность оказала на них большое влияние, отмечал этимологическую связь: слово – словек – цловек – человек – человек), о созидающей силе слова, произносимого в контексте вечности:

...язык каждого народа, пусть даже немногочисленного, обязательно содержит в себе информацию о Боге. Точнее, те представления о Творце, которые бытуют именно в этой конкретной общности людей [6, с. 7, 11].

Церковнославянский язык помогает выявлению сакрального вектора, многие представители отечественной словесности знали и вводили его и позднее в свои произведения. Так, например, осмыслить «вечные» темы «о грехопадении и покаянии, о поисках или отрицании Бога и бессмертия души нельзя, не опираясь на евангельские, святоотеческие тексты и церковно-славянскую лексику» (Ф. М. Достоевский часто прибегает к этому источнику, причем в некоторых его произведениях текст Евангелия дается на церковно-славянском языке (например, в монологе Мармеладова)) [8, с. 87]. Эта традиция не утрачивается и в советское время (но литературоведческие комментарии появляются позже, в конце XX в.).

Даже тогда, когда идеология советской власти внедрялась и через пространство языка, пусть не всегда явно и осознанно, но сохранялась традиция противопоставления сакрального и мирского, поисков обретения духовного начала. При этом язык остается «важнейшей частью и основой этнического самосознания»; «что касается потери родного языка, то, с точки зрения ряда ученых, это в определенной степени изменяет ... этническую идентичность человека» [4, с. 653]. Церковнославянский язык выполняет коммуникативную функцию, прежде всего, сакрального плана. Обращая сознание человека к более высокому, чем обыденный, уровню бытия, моделируя семантическое поле культуры.

Эти идеи впервые были подчеркнуты славянофилами и не утрачивали своего значения в последующее время. Так, М. М. Бахтин говорит о связи языка и мировоззрения: «... без языка мировоззрение не может ни сложиться, ни выразиться», «мировоззрение наслаивается на значения языка только в связи с конкретными высказываниями, как отзвуки их. Отдельные слова становятся представителями этих (мировоззренческих...) высказываний» [2, с. 285]. Семантические

и символические контексты Библии способствовали формированию русской ментальности. Посредством их использования происходит оживление уже ослабленной в бытовом употреблении лексической семантики. А. С. Хомяков писал:

...Наши вечные права:
Слово – Божий дар священный,
Разум – луч от Божества.
...Полюби Его закон,
Дух свободы, святость слова,
Святость мысленных даров, ...

В заключение можно привести слова А. С. Хомякова: «Разумеется, ошибки неизбежны; но истина дается тому, кто ее ищет добросовестно, а всякая истина служит Богу. Пусть только каждый из нас исполняет долг свой по мере сил, трудясь над своим умственным и нравственным усовершенствованием и, сколько может, обогащая братьев своих своими мысленными приобретениями ... Каждый век имеет свой, Богом данный ему, труд, и каждый исполняет его не без крайнего напряжения сил, не без борьбы и страданий, вещественных или душевных. Но труд одного века есть посев для будущего, а нелегка работа посева» [11].

В XIX в. выдвигается религиозная идея как основа идеологии. Те религиозные мыслители, которые связали себя с Православной Церковью, становятся вдохновителями большого, смелого творческого движения, которое ищет в церковном сознании ответа на все сложные и мучительные вопросы жизни. Этим было положено начало очень глубокому и плодотворному течению и в русской философии.

Во взглядах славянофильского лагеря много утопичного, философские мнения о них расходятся иногда диаметрально. Но «может быть и нельзя было показать с достаточной яркостью и полнотой безусловное значение православно-русского смирения, русской перевоплощаемости и жертвенности, – пишет Л. П. Карсавин, – иначе, как путем построения некоторого идеального состояния» [7, с. 13].

Учение славянофилов остается частью общественной жизни, способствует развитию национального самосознания и культуры. Славянофильский призыв к «единству во множестве», гармоничное сочетание индивидуальных устремлений с общественными целями при отрицании насилия очень актуален сейчас.

Можно говорить об идеализме славянофилов, о романтизме жизни и идей той эпохи, о прозрениях, особенно в поэзии, способной символично пророчествовать.

Многие русские философы XX в., занимавшиеся славянофильством, – Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, П. А. Флоренский, В. Соловьев и другие, – приходили к выводу о необходимости изучения трудов Хомякова, Киреевского, Аксакова, Самарина. Этот завет актуален и сейчас, так как до сих пор многие аспекты славянофильства только названы, а не изучены и оценены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксаков К. С.* Письма о современной литературе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_0350.shtml (дата обращения 01.09.2016).
2. *Бахтин М. М.* Собр. соч. : в 7 т. – Т. 5. – М. : Русские словари, 1996. – 732 с.
3. *Бердяев Н. А.* Собр. соч. : в 4 т. – Т. 3. Типы религиозной мысли в России. – Париж, 1989. – 714 с.
4. *Голубева-Монаткина Н. И.* Международный проект «Эмигрантские славянские языки в славянском и инославянском окружении» // Славистика. – Т. 18. – Белград : Славистическое общество Сербии, 2014. – С. 653–654.
5. *Зеньковский В. В.* Начало «славянофильства». А. С. Хомяков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : az.lib.ru/h/homjakow_a_s/text_0150.shtml (дата обращения 10.08.2016).
6. *Ирзабеков Василий (Фазиль).* Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. – М. : Даниловский благовестник, 2008. – 200 с.
7. *Карсавин Л. П.* Восток, Запад и русская идея. – СПб. : Academia, 1922. – 80 с.
8. *Монахиня Ефросиния (Ибрагимова).* Церковно-славянский язык в произведениях великих русских писателей (Ф. М. Достоевский) // Православная гимназия : научно-популярный публицистический альманах. – Свято-Алексиевская Пустынь, 2007. – Вып. 1. – С. 86–90.
9. *Ремнёва М. Л., Савельев В. С., Филичев И. И.* Церковнославянский язык: Грамматика с текстами и словарем. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 231 с.
10. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия / пред. прот. И. Мейендорфа. – Вильнюс : Вильнюское православное епархиальное управление, 1991. – 602 с.
11. *Хомяков А. С.* По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : dugward.ru/library/homyakov/homyakov_po_povodu_statyi_i_v_kireevskogo.html (Дата обращения 10.09.2016)

УДК 82-13

И. Б. Смирнова

соискатель каф. литературы МГЛУ;
e-mail: le21mars@mail.ru

БЫТОВАНИЕ МОТИВОВ ПАРИ И ПОХВАЛЬБЫ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ФРАНЦУЗСКОМУ ЦИКЛУ «О ПАРИ» РУССКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О ВЕКЕ ВЛАДИМИРА

Статья посвящена изучению мотивов богатырской похвальбы и заключения сделки в русском фольклоре X–XI вв. В жанрах сказки, побывальщины и былины обнаруживаются сюжетные параллели с произведениями французской литературы XIII–XV вв. Рассматриваются типы версий со сделкой на женскую верность и типы былинных сказаний с различной тематикой похвальбы и сценарием ее искупления. В связи с результатами сопоставительного анализа русских и французских образцов цикла «о пари» выявляются черты национальных менталитетов, исторические особенности двух данных этапов художественной объективации.

Ключевые слова: волшебные и чудесные мотивы древнерусского фольклора; волшебные и чудесные мотивы французского средневекового цикла о пари; легитимная и нелегитимная похвальба; французский куртуазно-реалистический роман; типы героев и героинь древнерусского и старофранцузского цикла о пари.

I. B. Smirnova

Postgraduate Student, Chair of Literature, MSLU;
e-mail: le21mars@mail.ru

MOTIVES OF BET AND BOASTING IN RUSSIAN EPICS OF THE VLADIMIR'S EPOCH, PARALLEL TO THE FRENCH MEDIEVAL CYCLE "ON BET"

The paper studies the motives of heroic bragging and betting in Russian folklore X–XI centuries. In the genre of fairy tale, epics and pobyvalschina story parallels with the works of French literature of the XIIIth, the XIVth and the XVth centuries are found. We consider the types of stories with betting on women's fidelity and the types of epic stories with epic boasting and various redemption scenario. In connection with the results of the comparative analysis of Russian and French samples of the cycle "on bet" are revealed features of both mentalities and historic features of these two phases of artistic objectification.

Key words: magical motives in the ancient folklore; magical motives of the French medieval cycle on bet; legitimate and illegitimate boasting; French courtly-realistic novel; types of heroes and heroines of the ancient Russian and the old French cycle on bet.

Введение. Эволюция пари: от мифа к роману

1. Французские средневековые сюжеты о пари

Основные разновидности французского сюжета с пари, рассматриваемые в связи с «Романом о Фиалке» Жербера де Монтрей первой трети XIII в., делятся относительно волшебных мотивов на три основных типа: сказка, «полусказка» (гротеск сказки и были) и быль¹. Сказочным по преимуществу сюжетом является мифологический сюжет Пуату о Мелюзине, давший рождение двум стихотворным романам, написанным традиционными восьмисложниками: французскому – Жана Аррасского (окончен до 1393) и английскому – Кудретта (окончен до 1405 г.). Главная героиня его – существо сказочное, водная нимфа из мира элементарей, обладающая внешней женской красотой (не считая драконий или змеиный хвост), могуществом и богатством. Полусказочным – является сюжет французских рыцарских романов цикла «о пари» начала XIII в. – анонимного «Романа о графе Пуатье» (1173–1230) в качестве версии с женой главного героя и «Романа о Фиалке или о Жераре Неверском» (1227–1230) Жербера де Монтрей в качестве версии в подругой-невестой главного героя. Главная героиня его – уже человек, однако в сюжете присутствуют атаквистические сказочные мотивы из фольклора: битва с драконом (в обоих романах) и с великаном Брюдалиганом (в «Фиалке»), а также волшебный любовный напиток (в «Фиалке»). Наконец, вполне «реалистичным»² можно считать сюжет «Романа о Розе или о Гийоме Дольском» (1199–1201) Жана Ренара как версию с сестрой главного героя, которая впоследствии становится также супругой германского короля Конрада. Здесь главная героиня тоже лицо вполне «реалистичное», как и все персонажи романа, среди которых много исторических и полуисторических лиц, хотя король Конрад, в отличие от королей первых двух французских сюжетов «о пари», и не имеет однозначного исторического прототипа. Здесь вовсе нет волшебных мотивов.

---

¹ Тип, отражающий чисто физическое восприятие физического мира, без фантастики. – *И. С.*

² Отражающим чисто физическое восприятие физического мира, без фантастики. – *И. С.*

2. Русские средневековые сюжеты о пари

При исследовании параллельных сюжетов из русского фольклора, содержащих «пари»¹, относительно волшебных мотивов обнаружилось также три основных типа сказаний: сказка, «полусказка» и быль. Целиком сказочные сюжеты обнаружались в пятитомнике «Русских народных сказок» А. Н. Афанасьева, наиболее яркие из которых – «Василий Царевич и Елена Прекрасная» и «Данило Безсчастный», который лучше было бы назвать по аналогии с первым «Данило Безсчастный и Лебедь-Птица Красная Девница». Главная героиня их – волшебница, поэтому здесь – в русской сказке – усматривается прямое соответствие мифическому сюжету о Мелюзине. «Полусказочный», т. е. сказание в полупрозаическом полуритмическом жанре «побывальщина», обнаружился под названием «Дворянин Безсчастный Молодец» в собрании песен П. Н. Рыбникова. Главная героиня их – не волшебница, а очень активная и предприимчивая женщина, охотно прощающая главному герою похвальбу, возвращающая ему и себе поруганную мнимым проигрышем пари честь и даже усилиями собственного ума повышающая статус обоих (свой и мужа). Отчасти сюда можно отнести и «Елену Прекрасную», поскольку Василий-царевич продает ее за мнимую измену купцу, и в том городе, куда ее увозят, она под видом мужчины становится царем. Здесь усматривается соответствие по наличию чудесных (не волшебных, а связанных с чудесами церкви) мотивов – полусказочным представителям французского цикла «о пари», т. е. анонимному «Графу Пуатье» и «Фиалке» Жербера де Монтрей, а по активному характеру главной героини – более «реалистичному» представителю всё того же цикла – «Розе» Жана Ренара. Наконец, вполне и целиком «реалистичный» сюжет на мотив «пари» обнаружился в сборнике архангельских былин и исторических песен А. Д. Григорьева, в количестве десятка версий, перепетых разными областями и наречиями, с вариантами имен и легкими вариациями сюжета, вписывающимися, однако, в единую общую схему. И герой (Алеша Попович), и героиня (Елена Петровна) этого сюжета – персонажи былинные, т. е. полуисторические, и по художественному исполнению в фольклоре – вполне правдоподобные: не обладающие ни особой сверхъестественной красотой, ни могуществом, ни

¹Заемствованный из французского в XIX в., современный эквивалент *др.-рус.* «делка», «заклад», «рукобитье».

богатством. Чудесные мотивы в сюжете – отсутствуют вовсе. Поэтому здесь по этому признаку произведений «о пари» возможно провести типологическую параллель между песней и французским «Романом о Розе». Но по главной идее, т. е. интенции неизвестного сочинителя-сказителя, провести параллель с французскими произведениями жанра рыцарского романа уже нельзя. В «куртуазно-реалистической» «Розе» честь оклеветанной насмешником девушки – остается до замужества чистой, не запятнанной. Идеей романа предстает именно добродетель и моральная чистота Лиенор, вступающей в брак с королем. А главная героиня русской эпической песни об Алеше Поповиче Елена Петровна оказывается действительно состоящей с главным героем в любовной связи. Однако песня не о женской чести, а о молодецкой удали богатыря, ловко умыкнувшего девушку из-под надзора двух братьев и домашней опеки, спасшего ее от грозившего ей наказания, увезшего и взявшего в жены, красиво завершившего любовную историю венчанием в «Божьей Церкви» и в иных версиях – обменом кольцами. Таким образом, приоритет активности принадлежит здесь герою, а не героине, как во французской поэме, ему же поэтому принадлежит и слава. Тогда как во французской «Розе» Ренара женщина, по существу, усилиями собственного ума прославляет себя самое. Эта французская версия цикла «о пари» с сестрой будет подхвачена в XV в. прозаической «Санской новеллой» (*La Nouvelle de Sens*). Во всех – поэтических и прозаической, былинных и романной – версиях «сюжета о пари с сестрой» сестра, в порядке вещей, выходит замуж. С той только разницей, что русский родовой инстинкт в лице братьев Петровичей ее эгоистически приберегает для родительской семьи, а западный – в лице брата Лиенор Гийома и брата Исмари Жака де Вуазина – желает выдать за короля.

Для того, чтобы четко представить себе главную идею каждого из исследуемых произведений на мотив «пари», с учетом национального колорита, изображаемого времени и системы ценностей, необходимо определить роли героев в отношении ключевого сюжетобразующего мотива – заключения пари и также определить их положение в отношении побудительного импульса заключения пари – публичной «легитимной или нелегитимной» (С. В. Козловский) похвальбы. Исследование этих двух параметров позволило сделать следующие заключения.

3. Эволюция и деволюция: диахронические процессы в цикле о пари

Рассматривая историю форм объективации и завершения (М. М. Бахтин) в художественных произведениях как амбивалентную: прогрессивную и регрессивную, нельзя не констатировать следующие симптоматические изменения. При переходе от сказочного эпоса («Елена Прекрасная», «Лебедь-Птица», «Мелюзина») к полусказочным побывальщинам («Дворянин Безсчастный Молодец», «Жерар Неверский») сюжет с «пари», во-первых, «очеловечивается» (А. В. Карельский), т. е. переходит окончательно из мира волшебства и элементарей в мир людей, – нейтральный симптом; во-вторых, навеки утрачивает память о причинах раздора главных героев – отрицательный симптом; в-третьих, приобретает в ценности идеи любви между М и Ж¹, которая начинает превосходить ценность идей женской верности, доброй непорочности и семейной репутации, становящихся более формальными перед эссенциальной идеей брака – любовью.

I. Основная часть

1. Побудительные мотивы героев цикла «о пари»

А. Сказочные сюжеты

Рассмотрим побудительные мотивы героев сказок. Жена, которой в русском сказочном эпосе (Лебедь-Птица Красная Девица), похвастал муж, мстит ему за похвальбу, показывая тем самым, что согласилась помочь ему во всем (вспомним трудновыполнимые задания князя Владимира) при условии замужества (вспомним выгоды волшебниц в браке «бессмертной» со «смертным»). Не сохраняя тайны своего успеха в выполнении этих заданий, Данила губит, собственно, не только благополучие брака, свое будущее и семью, но в первую очередь – свою жену, которая вынуждена вернуться в мир сказочных существ, и никогда уже не станет человеком, как того бы желала. Этот побудительный мотив жены особенно четко оговаривается

---

¹ Литерами «М» и «Ж» в статье обозначаются обобщающие абстракции «Мужское» и «Женское», включающие такие значения как: «мужчина и женщина», «Мужское и Женское Начала мира», «мужское и женское начала человеческой психики».

во французском мифическом сюжете о Мелюзине, где водная нимфа мечтает через брак войти в мир людей. Наказывая мужа за несохранение тайны волшебной жены (в русской сказке), либо за несоблюдение табу (во французском мифе), женщина-«птица» или женщина-«змея» утверждает силу Ж над М и также показывает, что ее предложение о браке было не просьбой, а именно предложением, которое она теперь берет безвозвратно назад, поскольку он не оправдал ее доверия. В сказочном сюжете героиня оказывается сильнее героя: от нее исходило предложение о браке, ей принадлежит богатство и / или могущество, и она властна все, что предоставила мужу, у него разом отнять, что она и делает.

Идею сказочных сюжетов можно рассмотреть еще иначе, под другим углом зрения. Поскольку из ведической философии известно, что положение человека во всем мироздании – самое привилегированное и что любое изменение уровня развития (в положительную или отрицательную сторону) возможно только через мир людей, через земное воплощение, то легко объяснимо стремление элементарей (Парацельс) [22] вступить в сношение со смертными. Из изучаемых сказочных сюжетов становится ясно, что земной мужчина это предложение принимает, но впоследствии изгоняет волшебницу из мира людей своей невольной похвальбой, нарушающей уговор или табу.

Закономерно возникают вопросы: заслуженно ли страдает героиня и виновен ли герой. Похвальба не была осознана как этический поступок, а получилась сама собой от преизбытка восхищения, поскольку героиня-волшебница действительно обладает сверхъестественной красотой и магическими способностями (вспомним слова Елены Прекрасной: *«Василий-царевич! Я так хороша, что боюсь, как бы меня не изурочили»*) [4, с. 297]. Т. е. вина героя в его сознании не присутствует. А героиня – виновна постольку, поскольку пожелала купить «человекость» (статус земной женщины) этой своей прирожденной красотой и могуществом. Можно также сказать, что сказочные сюжеты «о пари» преподносят герою урок не привязываться к внешней красоте, волшебному могуществу и даровому богатству.

В сказке о Елене Прекрасной похвальба героя на пиру женой вполне спонтанна (его провоцирует брат Иван-царевич: *«Подходит к нему брат и спрашивает: – Ты, братец, что сидишь, ничем не похвалишься? – Да чем похваюсь я? – говорит Василий-царевич. – Ну, хоть тем похвались, что жена у тебя хороша. – Да, правда твоя, братец,*

жена у меня хорошая») [Ibid.] и можно допустить, что безвинна, а героиня не способна простить не вскрытую тайну, а свою испорченную репутацию. В сказке о Лебеди-Птице Красной Девине герой хвалится женой «спьяну», и героиня оскорблена ответной ложной похвальбой Алеши Поповича, похоже, лишь потому, что предупреждала Данилу («Да не хвались ты мною! Что за едину ночь дом построили с тобою») [4, с. 291], с целью предупредить расстройство отношений, т. е. ее гордость оскорблена непослушанием мужа. В сюжете о Мелюзине героиня не способна простить не нарушение табу, а свой открывшийся позор (как же так: у нее змеиный хвост!). Итак, подытожим: героиня-Волшебница (так мы назовем этот первый тип героини «Ж» сюжетов о пари) ценит больше репутацию, придворный этикет, формальный status quo и самое себя, чем любовь как таковую. «Волшебница» не преодолевает в своей любви плена условностей (что хвалиться нельзя или что она не человек), а потому возвращается в свой исходный мир, из которого так стремилась вырваться. Она не хочет понимать, что похвальба не была сознательно-преднамеренной (вспомним, например, что Ремонден из «Мелюзины» подсмотрел за женой по навету брата), либо, понимая это – не желает простить. Есть все же небольшая уступка для «Лебеди-Птицы». Разрушая напоследок перед уходом все произведения своего волшебства – терем, мосты, сады – она всё же спасает Даниле жизнь, тем, что с позором изгоняет его «гонителей», т. е. Владимира со свитой, желавших рубить ему голову за проигранное пари, по предъявлении Алешей Поповичем в качестве доказательства ее измены натальной цепочки.

В. Полусказочные сюжеты

Рассмотрим побудительные мотивы героев «полусказок». Бесчастному Дворянину «бабка» подсовывает героиню-«Помощницу» (так мы назовем этот второй тип героини «Ж» сюжетов о пари): это безымянная «Девушка-Красавица» (у Рыбникова). Ее французские соотечественники – Эврио из «Фиалки» и Лиенор из «Розы», причем по параметру «активность / пассивность» последняя соответствует ей лучше. Сюжет Рыбникова приближается к жанру русской исторической песни и французского куртуазно-реалистического романа, где героиня не только не обвиняет мужа в похвальбе, заключении пари и опасных испытаниях, но сама прилагает все усилия к тому, чтобы «трагедия обстоятельств» (А. П. Бондарев) вернулась к «предустановленной

гармонии» (Лейбниц)¹. Таким образом, имеются все основания «обвинить» это сюжетное решение (как форму объективации и завершения) в утрате памяти о греховности похвальбы, особенно «нелегитимной» (похвальбы женой или подругой). Женщина не обвиняет мужчину в похвальбе потому, что именно не знает этой его вины, либо не чувствует в этом его вины. Зато при этом дорожит любовью больше, чем репутацией, а потому и помогает мужу выиграть «игру» с пари и торжествует в счастливом браке. Героиня-«Помощница» была и остается среди людей (а не в волшебном мире), способна простить, помочь и одерживает победу. В этих полусказочных сюжетах (русской побывальщине и французском куртуазном романе) женщина возвращает мужчине его верховное право могущества. Пусть она в сюжете активнее, но от вины освобождается муж и утверждает свой выбор, свое решение и свой поступок заключения с ней брака, либо его восстановления. В культурологическом плане это признаки возвращения патриархата и связанной с этим экспансии христианства с верховным Богом-Отцом. В русской полусказочной побывальщине Рыбникова, французских пари-сюжетах «о Розе» (без пари), «о Флоре и Жанне» (анонимном прозаическом романе XIII в.) и анонимной прозаической «Санской новелле» XV в. женщина оправдывается от навета собственными усилиями, приравниваясь заслугами и удалью к мужчинам. Сюжет «Елена Прекрасная» во второй своей части о путешествии героини за море также относится к типу «полусказки», поскольку здесь главная героиня проявляет себя совсем как человек, а не волшебница.

С. Сюжеты, стремящиеся к максимальной достоверности

Идея русской исторической песни «об Алеше Поповиче и Елене Петровне», соответствующая степени своей историчности и «реальности» французскому «Роману о Розе» Жана Ренара, т. е. версии «с сестрой», по классификации Г. Париса [46], по некоторым авторитетным мнениям, состоит в том, что братья не в силах уберечь в меру повзрослевшую сестру от любви, не могут удержать ее взаперти и ничего о ней по сути не знают. Речи в этом сюжете нет о поруганной чести Ж, здесь поругана наивная гордость братьев и их похвальба на пиру красивой непорочной молодой сестрой. Обвинитель ее в любовной связи, бахвал и инициатор пари «Алешка» берет ее, в конечном счете, в жены,

---

¹Harmonia pre stabilita.

и тем утверждает свою удаль, ловкость и повышает богатырский статус среди равных. Во французской версии сюжета пари «с сестрой» обвинитель женщины в любовных похождениях не состоит с ней в любовной связи. Своей находчивостью и изобретательностью она снимает с себя обвинение, публично обвиняя его, в свою очередь, либо в краже парного предмета (другие, не французские версии о пари), либо в насилии над ней (французская версия «о Розе»), что он отвергает вместе с фактом их личного знакомства. Женщина одерживает победу над клеветником. Если в русской песне повышает свой богатырский статус герою, то во французской версии – героиня (Лиенор удостоивается брака с германским королем, Исмари – с французским). Итак, русская и французская полуэпические полуроманные версии «с сестрой» расходятся в своей главной идее. Французская версия находится как бы в плену у генеральной линии – у мотива «о пари» (без пари как такового), где важна не молодецкая удаль героя, «создающая» правду, а эта самая «правда» чистоты и непорочности красавицы-героини. Русская версия – о хитрости, удали и уме героя-богатыря, который как бы создает свою правду, заключая брак с героиней, этим очищаемой и оправдываемой. Любопытно, что этот русский былинный сюжет является самым распространенным сюжетом своего времени и известен в количестве 23 списков. Центральнорусские и белорусские его варианты имеют не былинную, а балладную форму [5].

2. От «Волшебницы» к «Помощнице»

«Роман о Розе» Жана Ренара, как и русская песня про Алешку, – не только сюжет о спасении женской чести, но и сюжет о никчёмной заботе брата / братьев о чести и репутации сестры в момент, когда для нее приходит пора замужества. Потому он назван также «Роман о Гийоме Дольском»: это роман о страданиях и победах брата в борьбе за честь и славу сестры и своего семейства, где он единственный мужчина. Этот сюжет был задуман отчасти для прославления роли брата: по крайней мере, данный мотив в нем присутствует. Чувствуется его забота о судьбе сестры, высмеивается невольное предательство простодушной матери. Сестра может быть оклеветана или возвышена в соответствии с репутацией брата. Сюжет «Романа о Розе», возможно, имеет целью как-то оправдать попечение брата о чести сестры и сделать ее сообразной ее высокому предназначению: браку с королем.

Авторское намерение прославить роль брата вступает здесь в конфликт с бойким характером главной героини. Не М защищает честь Ж, а наоборот. Она спасает и отвоевывает честь брата. Вина за утрату тайны Лиенор падает как на ответственного – на брата, но читатель при этом видит, что никто не виновен. Сюжет, благодаря этому, прочитывается как сатирический, как пародия на серьезность рыцарского романа. Брат – лишь орудие судьбы, всем вершит героиня. Но брат – и посредник: через его славу двор короля узнает о славе его сестры. Так он становится главным героем (главнее Конрада), достойным дать название роману.

Героиня «Романа о Фиалке» прощает и похвальбу ее именем, и оскорбление от своего жениха, поскольку ценит любовь. Итак, главная героиня «полусказок», не зная, что виновен похвалившийся, полагает, что виновата во всем она сама, а потому сама либо действует (как в побывальщине Рыбникова и в «Розе» Ренара), либо остается верной в бездействии (как во французской «Фиалке» де Монтрея), стремясь всей душой очиститься от возведенной на нее вины и спасти положение. Героиня-«Помощница» не винит мужа / жениха в похвальбе, и он сам не винит себя в этом. Похвальба в полусказке – мотив побочный. Главное – Ж ценит любовь М превыше репутации, и «Фиалка», т. е. Эврию, – больше, чем безымянная «Дева» Безсчастливого Дворянина, потому что первая – не удерживается и борется за правду (как если бы сама была виновата), а вторая – лишь уповает на Бога (твердо зная, что ни она, ни муж ни в чем не виноваты, а правда восторжествует в конечном счете сама по себе). Так, по чувству «Помощница» оказывается чище «Волшебницы».

Но «Волшебница» более искушена, осведомлена и образованна. Быть может, она и не дорожит репутацией, а лишь ведает, что хвалиться – грех. Быть может, также знает, что виноват при матриархате может быть только М, а не Ж. Она ищет его вину, придирается – и находит. Поскольку «Волшебница» за вину наказывает, то это сюжет в современном западноевропейском и славянском понимании языческий, примитивный, морально устаревший. «Помощница» же все прощает, со стороны Ж нет мести: это сюжет христианский, куда менее примитивный с точки зрения отношений в браке, обновленный. Поскольку «Помощница» не ведает об эпической вине героя, сюжет как бы утрачивает мудрость эпоса, которую однако легко вновь отыскать, обращаясь к русским былинным историям на мотив похвальбы.

Герой полусказки и сам утрачивает эпическую память и не чувствует себя провинившимся ни в похвальбе, ни в заключении пари. Интерес к азартной игре в Средневековье на Западе возобладали над моралью. Как показывает анализ сходных между собой фольклорных сюжетов, «Волшебница» знает тайное (о похвальбе), иногда даже без внешнего известия об этом событии. «Помощница» – уже не ведаёт тайного.

3. Грех и отсутствие греха в похвальбе: смена матриархата патриархатом

С идеей «похвальбы как греха» связаны крест (либо нательная цепочка с крестом) и обручальное кольцо (либо именной перстень): те аксессуары, которые похищает персонаж «Служанка» у своей госпожи, чтобы обеспечить вещественные доказательства насмешнику, положившему себе нажить на пари. По этой причине к типу «сказок» легче отнести и анонимный роман «Граф Пуатье», самый архаичный из цикла французских куртуазных романов о пари. Этот самый древний из куртуазных романов ещё хранит следы идеи греховности похвальбы, т. к. злоумышленник похищает нательный крест. Крест и кольцо – напоминают о святости соблюдения морали и семейных уз. Злоумышление, похищение и похвальба выступают в контрасте с этими символами святости.

Цветок романов «о Розе» и «о Фиалке» как знак отсутствия преступления в похвальбе появляется у главной героини цикла о пари во Франции XIII в. Символические цветы Розы и Фиалки связаны не с греховностью похвальбы, а именно с женской неверностью (в версии с невестой) либо утратой непорочности (в версии с сестрой).

Своей новой патриархальной правдой «полусказки» отменяют ветхую правду матриархата, как бы обвиняя Ж в инициативности и повышенной активности, которая со времен Сотворения мира принадлежит Красному мужскому началу: Розе Омара Хайяма [33] и Древнего Китая [35]. Женское начало от истока мира пассивно, женщина рождена быть безынициативной, особенно в вопросе заключения брака, пассивность присуща и подобает Фиолетовому / Синему женскому началу: Фиалке Омара Хайяма и Древней Японии. В глазах полусказочных сюжетов с пари сказочные сюжеты показывают ненормальный status quo женщины, делающей мужчине предложение. Самым классическим сюжетом в вопросе М и Ж ролей предстает «Роман о Фиалке» Жербера де Монтрей, утверждающий мужскую

активность и женскую пассивную верность. Мужская похвальба в западноевропейское Средневековье – уже не грех, а грех – женская неверность.

III. Поиск истоков пари

1. Обращение к древнерусской словесности

Французский рыцарский роман в истории форм художественной объективации и завершения восстанавливает патриархальную иерархию, но забывает об источных посылах заключения пари. С целью отыскать эти послылы пришлось обратиться к типологическим параллелям русского былинного эпоса, содержащим различные варианты похвальбы и проистекающие из них последствия для героя и героини.

Сюжет о пари зарождается в колыбели сказочного, полусказочного и былинного эпоса. Во французском эпосе мы не обнаружили прецедента «пари», зато в восточнославянском эпосе он представлен весьма многообразно. Поскольку сказки, побывальщины и песни Руси были записаны гораздо позже, чем на Западе, можно судить о времени их возникновения лишь по хронологическим отсылкам содержания. Если французские «цветочные» романы о пари отсылают ко времени правления Филиппа-Августа (1165–1223, король с 1180) («Роза») и Людовика VIII Льва (1187–1226, король с 1223) («Фиалка»), то русские былинные песни – впрочем, так же, как сказки и побывальщины на мотив пари – ко времени Великого князя Владимира (980–1015, великий князь с 978 г.). Они группируются, таким образом, вокруг этого персонажа в цикл «о Великом князе Владимире Красное Солнышко». Правда, историки утверждают, что в сказания о Киевском дворе XI в. богатыри попадают из летописей XIII в. [5], но этот факт тем паче роднит старофранцузские сюжеты о пари с древнерусскими. Разницей в хронологии отсылок содержания легко объясняется и различие художественных взглядов на пари: двор Владимира более архаичен в сравнении с дворами французских королей Филиппа-Августа и Людовика Льва. Устное народное творчество при Великом Киевском князе носит эпический характер, тогда как Франция XIII в. – эпоха заката эпоса и расцвета рыцарского романа. Эпические сказания, в соответствии с общенациональным породившим их духом, судят о человеческих поступках в категориях «праведности / греха», определяющих человеческий поступок в очах Бога. А романские истории, скорее, зиждутся на

взаимодействии категорий «благородства / неблагородства», определяющих человеческий поступок относительно других людей, в глазах общества. Обмирщенные западные сюжеты о пари не взыскуют причин изображаемого между героями раздора, венец их интриги – удачный брак и / или возвращение утраченной недвижимости. Русские же сюжеты – пронизаны православной обрядовостью («Поклоны ведет по писаному, кресты кладет по ученому») и интересуются статусом похвальбы с религиозной точки зрения. С. В. Козловский говорит о значении эпических фактов в развитии русского права, вместе с его понятием «нормы», ссылаясь на юридическое исследование Д. Я. Самоквасова: «Сюжеты былин показывают не просто устное право, но фактически судебные прецеденты» [30, с. 210]. Таким образом, изучая прецеденты нелегитимной похвальбы, мы осуждаем или оправдываем право заявлять о себе в свете тем или иным образом. Характер отбора эпических сюжетов (в нашем случае – застольной похвальбы) определяет рамки дозволенного и дает представление о нравах богатырства. Обращая внимание на эпический параллелизм русского богатырства и западноевропейского рыцарства, нельзя не отметить параллелизма представлений о «легитимности» похвalebных заявлений.

2. Эпическая и романная интерпретации мотива похвальбы

Здесь не будут сопоставляться все особенности русского эпического и французского куртуазно-реалистического жанров, здесь лишь исследуется вопрос древних эпических истоков западноевропейской (французской) средневековой темы и проблемы «пари на женскую верность». (Здесь также не изучается похвальба во французском героическом эпосе, поскольку в ней не встречается тематики интересующей нас женской верности, каковая возникает впервые в жанре куртуазного романа). Разница в терминологии, принятой для обозначения хронологически единого периода – «Древняя» Русь и «Средневековая» Франция – уже указывает на очевидную возможную разницу интерпретаций сходных литературных (фольклорных) мотивов: интерпретаций, дополняющих и расширяющих одна другую. Не является парадоксальным в этом свете тот факт, что интерпретация мотива пари «Романом о графе Пуатье», отсылающим к веку мажордома Франции Пипина Короткого (714–768, король с 751 г.), почти не отличается от интерпретации этого мотива более поздними «цветочными»

поэмами, т. е. является романной, куртуазно-реалистической: в это время Франция осмысливает себя уже как страну феодальную, находящуюся в промежутке между Древностью (Древнеримской культурой) и Возрождением (Новоевропейской культурой). Тогда как Русь XIII в. еще не предчувствует антропоцентричности, XIII в. на Руси – еще век эпоса: ему принадлежит «идея единого круга богатырей» для защиты Киева на основании упоминания о «Калкском побоище и 70-ти храбрах» Лаврентьевской летописи [20].

3. Разница форм западноевропейского и восточнославянского эпоса и понятие о веке Великого князя Владимира

При великом князе Владимире Киевская Русь достигает расцвета. В 988 г. она принимает христианство, которое князь выбирает из трех влиятельных в то время религий своего региона: христианства, иудаизма и мусульманства. Растет градостроительство, распространяется грамотность. Если в летописях IX–X вв. упоминается 25 русских городов, то в XI в. – уже 89. Самыми крупными из них являются Киев и Новгород, в которых проживало по несколько тысяч жителей. В конце XI – начале XII вв. происходит распад Киевской Руси на множество отдельных независимых княжеств. Это система своеобразного коллективного владения Русью и перехода престолов по старшинству с каждым новым поколением становится все более запутанной. С конца IX – до середины XII вв. имеет место период феодальной раздробленности, но до середины XIII в. главным культурным и религиозным центром Руси остается Киев, а его престол – на Руси первостепенным.

Изучение русских былин в России началось только в XIX в. Россияне впервые познакомились с эпическими героями киевского цикла по сборнику «Древнерусских стихов» 1804 г., собранных и записанных в середине XVIII в. любителем народного творчества Киршей Даниловым. С того момента литературоведы принялись собирать в разных областях России народные песни (колядки, пасхальные, свадебные, погребальные, рабочие, крестьянские или просто сезонные). Удивительно, что во многих областях сквозь века сохранились в почти первозданном виде героические песни-славы, воспевающие героев, царей и князей Святой Руси, а также великие события национальной русской истории. Героический эпос Руси подразделяют по тематике на сказочный, исторический и приключенческий. Русский

героический эпос признают наиболее полным и богатым собранием песен, какого не имеет ни одно западноевропейское государство [47]. На Руси не было создано развитых эпических ансамблей и циклов, отечественный эпос состоит из отдельных песен. Памятники эпического творчества, собранные в XVIII–XX вв., бытовали в народе в устной форме, что влекло за собой искажение имен собственных, географических названий, исторических реалий, нарушение и конечное исчезновение стиха, перешедшего в прозу, и изменение стиля изложения. Если героический эпос Западной Европы сохранился только в рукописях, то в России – преимущественно в изустной форме. Источники по теме «похвалы» были собраны в XVIII в. в пермской губернии Киршей Даниловым; в XIX в. в архангельской области А. Д. Григорьевым (песня «Алеша Попович и Елена Петровна»), в районе Онеги П. Н. Рыбниковым (побывальщина «Данило»), П. В. Киреевским – во всех областях России. Русские эпические песни сохранились в бесчисленных вариантах, по ним восстанавливают почти всю историю России.

IV. Бытование похвальных мотивов в русских эпических сюжетах

1. Нелегитимная похвальба

«Могуч богатырь» из песни «Рождение богатыря» [26] – легендарный образ русского воина, который рождается на земле, чтобы прославить Русскую землю, двор престольного князя и самого себя. Мечтой каждого рожденного на Руси во времена Владимира юноши было попасть в Киев, чтобы показать свою удаль и утвердиться среди лучших, т. е. повысить воинский статус. В смятение приходит «лютый Скимен-зверь», власть которого над миром сменится властью новорожденного человека. На пиры к престольному князю и уездным князьям богатыри приглашались, но возможно было и приехать «без зова», чтобы заявить о себе, «выслужить службу» и занять достойное место за всеобщим почестным (почетным) столом. Мотив застольной похвалы часто в песнях и былинах возникает уже в зачине, так как обычай похваляться на пиру был распространен повсеместно и с социологической точки зрения являлся социальным стимулом к совершению «похвальных» дел и подвигов для Руси, киевского князя и русского народа.

Если богатырь рождается на земле для славных дел, то конец богатырству приходит от чрезмерного бахвальства. В песне «Как перевелись богатыри» рассказывается о том, что погибли все богатыри, «порасхваставшись» тем, что побьют «силушку небесную»:

Как билисе оны да добилисе,
Наконец-то оны заломилисе,
Наконец-то оны закаменїли ведь
Да с тымїоны с добрыми коньма,
Да сделались оны каменямы неподвижнама,
Как все тут богатыри решилисе,
Не стало боле видь да богатырей
На туей Руси святорусьских.

Как перевелись богатыри. *Якушов Г. А. Пудога* [18]

Мораль сей песни выражена в поговорке: знай себе цену, а бахвальству – меру.

В небольшом былинном зачине «Пир у князя Владимира», сохранившемся от безымянной песни [38], перечисляются всевозможные темы похвальбы:

Во славном-то во городи во Киеви
Да у ласкового князя у Владимира
Пособран был поцестен пир
Да на мнози князей да бóяров,
А на сильных могучии богатыри.
Еще вси на перу да напивалисе,
Это вси на поцестном наядáлисе,
Еще вси они на перу да порасхвасталисе.
Айóто фастат иной иднём,
А богатый-то фастат да богачесвом,
Да еще умный фастат отцем-матерью,
Да безумной фастат молодой женой <...>

Пир у князя Владимира. *Пименова Н. М. Водлозеро* [23]

Здесь уже можно заметить, что похвальба бывает «разумной» и «неразумной». Богатырям запрещалось хвастать за пиршественным столом особенно молодой супругой или красивой подругой.

Мотив похвальбы или / и заклада звучит в сюжетах «Добрыня и Алеша», «Добрыня и Змей», «Алеша Попович едет в Киев», «Иван Гостиный Сын», «Данило Ловчанин», «Про Ставра» и «Дюк

Степанович». С. В. Козловский дает наиболее вероятный вариант хронологии эпических песен: «Добрыня (Гостиный Сын-наездник) – Алеша (Попович) – Дюк (Гостиный Сын)». Они принадлежат к двум этапам развития былин: Киевскому (Добрыня, Алеша) и Владимиро-Суздальскому (Дюк). Для Дюка Киев уже не столица, а провинция¹.

В былине «Добрыня и Алеша» [13] Владимир посылает Добрыню на двенадцать лет «на за́ставу», не объясняя публично причины его назначения. Назначает его туда как бы ни за что: потому что силен, и потому что больше некого. Однако послан он туда на самом деле за то, что похвастал женой и семьей. Славный воин вроде не виноват в похвальбе: ведь сидел молча, пока его не спросил лично Владимир «Стольней-Киевской».

Говорил тогда князь стольней-киевской,
Говорил таковы́ слова:
«Вот вси у меня теперъ расхвасталися,
А один Добрыня свет Никитьевич
Ничем не хвастает. А что же ты ничем не хвастаешь?»
Отвечал в ответ Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, ласковый князь, красно солнышко,
Я осмелюсь слово вы́молвить.
Мни вот нечим теперъ выхва́стывать:
Нету ни имения, ни богатства,
Ни без счету золотой казны,
Только есть одна по нраву молодá жена,
Молода́ жена, любима семья,
Любима семья, Настасья свет Никулична».

Добрыня и Алеша
Богданова А. С. Сенногубский сельсовет
Заонежского района [13]

После назначения Добрыня догадывается, что зря похвастал женой, и надо ехать исполнять княжескую службу. Он покоряется:

«Не хватило ума разума в головушке
На малый на единый час:

---

¹ Исследователь делит героический цикл Киевской эпохи на три фазы изменения мировоззрения. Образ Добрыни соответствует умозрительной стадии, образ Олеси – идеалистической стадии, образ Дюка – чувственной стадии.

Я-то с глупа разума повыхвастал,
Я похвастал только своей молодой женой,
Молодой женой, любимой семьей,
Любимой семьей Настасьей свет Никуличной.
Рассердились русские богатыри
На меня-то на доброго на молодца;
Насказали они князю да Владимиру
И назначили меня теперь на заставу».

Добрыня и Алеша [там же]

Через три года мать просит Владимира его вернуть, но великий князь коротко без объяснений отказывает: «Так надо». Двенадцать лет спустя после назначения Олеша Попович добивается обручения с супругой Добрыни Настасьей Никуличной, обманув ее, говоря будто он ездил в поле и видел, что Добрыня мертв. Свадебный пир длится символически двенадцать дней. Добрыне об этом обручении доставляют весть голуби, он покидает заставу и скачет в дом к матери будто «от Добрынюшки поклон привез». Просит у нее одежду и гусли Добрыни, чтобы попасть на пир. Настасья Никулична приглашает его к столу. В чару с вином, которую ему подают, он кладет свой перстень, которым обручался с Настасьей Никуличной, протягивает ей ее – и она, выпив вино до дна, находит перстень и узнает мужа. Просит Добрыню простить ее за новое обручение. Добрыня, догадавшись об обмане Олеша, ее охотно прощает, а Олеше задает трепку:

Как хватил Олешу за желты́ кудри,
Выдерга́л со стола его со честного,
Как стал по терему Олешеньку потаскивать,
Стал гуселками Олешу поколачивать,
У Олешеньки уж кости заряжай дали.
Говорит князь стольне-киевской:
«Оставь еще хоть ево во живности».

Добрыня и Алеша [там же]

Песня кончается счастливо:

Стали жить да быть с Настасьей Никуличной,
Лучше старого стали жить, лучше прежнего.
Стали жить да быть да век коротати.

Добрыня и Алеша [там же]

В песне «Добрыня и Змей» [14] великий князь Владимир «накидывает» на богатыря «служебку» не за вину, а за подвиги. Князю надо вызволить любимую племянницу из Змеиных гор. Боярин Карамышинский рассказывает Киевскому Князю о сражении Добрыни со Змеей на Пучай-реке и подсказывает, что он и есть тот богатырь, которого следует послать в горы. Добрыня мужественно и проворно справляется с задачей и по просьбе племянницы Владимира добывает «Змею», а затем ее «змеенышей», доставляет девицу в Киев, щедро награждается золотом. В этой песне задание Владимира, собственно, тоже последовало за похвалой. Но ни словом не упоминается о том, какого она была рода: допустил ли Добрыня ли или кто-то другой «ошибку», хвастаясь недолжным образом или без должной меры:

Как красно солнышко да при вѣцери,
Почестен пирѳо вись да при вѣсели,
А вси оны, стали ѣны пьянехоньки,
А вси ѣны, стали ѣны веселешеньки,
А вси ѣны порасфастались.
Как тот да-ка видь князь да Владимир-то,
Говорил-то ѣн да таковы слова:
Ай же вы, князья да видь бѳяра,
Как сильние могуции богѳгыри,
Накину я вам службу великую.
Как надо съездить в горы змеиныи <...>

Добрыня и Змей. Якушов Г. А. Пудога [14]

Былина «Алеша Попович едет в Киев» [1; 16] повествует о происхождении героя от Ростовского попа. В этой эпической песне Алеша Попович, получивший в народе прозвище «бабий насмешник» или «бабий пересмешник», выступает вполне благовидно. Ему принадлежит роль благородного мстителя за похвальбу, функция стража порядка. Узнав, что некий Василий Прекрасный из «орды» желает убить князя Владимира, чтобы отнять у него красавицу жену Апраксию, он едет сразиться с «ордой». Илья Муромец, узнав о его подвиге, докладывает Владимиру Красное Солнышко, и Киевский властелин устраивает в честь победы пир, куда приглашает Алешу. (Сам же Алеша при этом, быв в княжеском тереме прежде Ильи Муромца, ему о подвиге не похвастал!) Семья Владимира Святославича предлагает ему богатые дары, но Алеша просит взамен гулять две недели с дружиной по кабакам, на что получает дозволение Владимира:

И говорил Алеша таково слово:
«Не надоть мне ка села с приселками,
Не надоть мне города с пригородками,
Не надоть мне золотой казны,
А дай ка мне волю по городу Киеву,
И чтобы мне ка кабаки были не заперты,
А в трактирах чтобы гулять дозволялося».
И брал он тут свою дружинишку хорошую да хоробрую
И своих братицей названных.
И гуляли они времени немало тут,
Гуляли неделю, гуляли две,
А на третью неделю просыпалися,
И садилися удалы на добрых коней,
Поехали во далече чисто поле,
В то раздольице широкое [1].

В песне «Иван Гостиный Сын» [17] Владимир назначает «служеб-ку» даже не за вину или за подвиг, а просто ради забавы. Призывает к похвальбе и странному подвигу доскакать от Киева до Чернигова за время от обедни до заутрени:

Владимир князь распотешился,
По светлой грядне похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Гой еси, князи и бояра
И все русские могучие богатыри!
Есть ли в Киеве таков человек,
Кто б похвалился на триста жеребцов,
На триста жеребцов и на три жеребца похваленые:
Сив жеребец, да кологрив жеребец,
И который полонян Воронко во Большой орде,
Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича;
Из Киева бежать до Чернигова
Два девяноста то мерных верст,
Промеж обедней и заутренею?» [17].

В ответ на такой призыв отчаянный богатырь Иван Гостиный (Купеческий) Сын бьется об заклад «Не о сте рублях, не о тысячу, – О своей буйной голове». И конь его не подводит.

Трагическая песня «Данило Ловчанин» [12] повествует о неправедной «нелегитимной» (С. В. Козловский) похвальбе, которая

спровоцирована самим Владимиром Красное Солнышко. Князь Владимир выступает в былинах неприглядным персонажем, позарившимся на чужую жену и опрометчиво погубившим ее вместе с ее супругом. Данило хвастает женой, и Мишатычка Путятин предлагает его жену Василису Никуличну в жены Владимиру, который предъявляет к претенденткам на брак весьма высокие требования:

Тут возговорит сам Володимир князь:
«Ох вы гой есте, мои князья бояра!
Уж вы все у меня переженены,
Только я один холост хожу,
Вы ищите мне невестушку хорошую,
Вы хорошую и пригожую,
Чтоб лицом красна и умом сверстна:
Чтоб умела русскую грамоту
И четью петью церковному,
Чтобы было кого назвать вам матушкой,
Величать бы государыней» [12].

Жена Данилы Денисьича, по мнению Мишатычки, подходит как нельзя лучше. Владимир испытывает Данилу, вынуждает его сразиться с его братьями, и тот кончает жизнь самоубийством (кидается на копье). Вслед за ним и Василиса тоже накладывает на себя руки. Разочарованный Владимир выпускает из темницы мудрого казака Илью Муромца, предсказавшего несчастье:

Тут возговорит старой казак,
Старой казак Илья Муромец:
«Уж ты батюшка, Володимир князь!
Изведешь ты ясного сокола –
Не пымать тебе белой лебеди!»
Это слово князю не показалось,
Посадил Илью Муромца во погреб [12].

В песне «Про Ставра» [25] «безумие» похвальбы достигает своего апогея. Зачин традиционен: описание пира.

Как у ласкова князя у Владимёра
Раводилосе пированьё-столованьё,
Столованьицё-пированьё да почестен пир.
Ище все на пиру напивалисе,
Ище все на чесном гости наедалисе,
Ище все на пиру да стали весёлы,

Ище все на пиру да стали хвастати.
Ище кто-то ведь хвастат да своей силушкой,
А второй-от хвастат своей храбростью,
А третьей-от хвастат своей удалью
(Шибко удалый был!).

Семенов М. В. Про Ставра [25]

Во время застолья очередь на похвальбу доходит до Ставра Годиновича. Жену он называет не просто «первой красавицей», как это по оплошности сделали герои сказки о Прекрасной Елене, побывальщины о Даниле, песен «Добрыня и Алеша» и «Данило Ловчанин», а также герои французских куртуазно-реалистических поэм «о пари» «Граф Пуатье» и «Роман о Фиалке», а произносит особую претенциозную речь, где уверяет, что она покорит Владимира:

«А ище нечем мне Ставру будёт похвастати,
А похвастаю я да молодой женой,
Василистой да понече Микуличьной:
Василиста-то моя ноньце Микуличья
Как во городе нонече ле у вас у Киеве
И во том же во городе Чернигове
Всех кнезей всех бояр она повыкупит,
А ище князя-то Владимёра с ума сведёто» [там же].

Владимир за обиду сажает его в погреба, чтобы заморить голодом. А Василиса мстит Владимиру за мужа. Она велит брить ее наголо, садится на коня и едет навстречу трем богатырям, которым представляется как «от орды за данью к Владимиру». Вместе с богатырями Василиса попадает в княжеские «белокаменные палаты» и на пиру у Владимира сватается к Забаве Кутятишне. Любимая племянница говорит Владимиру, что не пойдет замуж за женщину. И Владимир велит испытать «Василия Микулица». Василиса меряется с богатырями силой и побеждает, затем трижды выигрывает в игре на гусях, забрав на пари «Киев со Черниговым»: «Плюнул царь, сам прочь пошол: “Никакая это не женщина”». В награду Василий Микулиц просит выпустить «подтюремщика Ставра». Владимир угождает переодетой Василисе из уважения. Она забирает Ставра будто «в прислужники», перед ним в шатре раздевается, и происходит узнание:

Говорил-то тут Василей да таково слово:
«Уж как знаеш ли ты, Ставёр Годинович?» –
«Уж как знаю я Василицу нонь Микуличью» [там же].

Ставр и Василиса едут ко двору Владимира «свадебку доигрывать». Василиса объявляет Владимиру о проигрыше пари. Владимир признает ее незаурядность и освобождает их от всех налогов:

Говорил тут ведь Владимир да таково слово:
«Как прощаю вам все беды великия
(Они налоги большие платили),
Уж вы будете жить в городе век по веку и не платить
будете дани великия.
Торгуйте, где угодно». (Дал документы всем.)
Ище тут они с князем да ропростилисе
Как поехали во путь во дорожецку.
Больше всё [там же]

Стоит отметить, что эта женщина действительно заслуживает «сумасбродной» похвальбы Ставра. Она оправдывает его славословие, чем снимает с него всякую возможную вину перед Владимиром и вообще идею греха восхваления жены. Это не только в значительной мере «романная» версия былинной песни, но и отчасти сатирическая, высмеивающая слабость, недостаточность и наивность мужчины перед необычно сильной, искусной и умной женщиной.

Эта версия сюжета «о пари» во Франции разрабатывается стихотворным «Романом о Розе» Ренара и анонимным прозаическим «Романом о Флоре и Жанне». Впоследствии активная героиня средневекового французского цикла «о пари» будет заимствована Бокаччо для одной из новелл его «Десятидневника». Эта героиня – принадлежит уже к полусказочному типу «Помощница» русских побывальщин. Знак красной «Розы» действительно отмечает героиню (Лиенор), обладающую мужскими качествами: ведь Роза в Древнем Китае и средневековой Персии – символизировала мужчину и мужское начало мира. Такая героиня не только утверждает принародно свою моральную и физическую силу и сообразительность, но и пытается архаически насадить русскому и французскому средневековью матриархат, давно канувший в лету, еще в дописьменную пору мифических «Лебеди-Птицы», «Елены» и «Мелюзины». Итак, версия сюжета о похвальбе «со Ставром» и «с Лиенор» – уже почти сатира на жанр (русской былины и французского куртуазного романа). Она не столько поучительна, как прочие версии сюжета с пари, сколько занимательна и по характеру повествования в высшей мере развлекательна.

Данные произведения на фоне более традиционных схем былинной объективации и завершения выглядят в цикле «о пари» не просто ярко, но вызывающе.

2. *Легитимная похвальба*

В песне «Дюк Степанович» [15], гораздо более объемной, чем все выше рассмотренные русские сюжеты, описываются три вариации так называемой «легитимной» похвальбы с ее последствиями. Хотя такое хвастовство, казалось бы, дозволяется богатырским этикетом, но каждый раз оно влечет за собой испытание. Это свидетельствует о вызывающем характере вообще любой разновидности похвальбы и доказывает, что бахвальство – если и не грех, то вызов. Для молодого богатыря, каковым в былине предстает 12-летний Дюк Степанович, вызов и является целью. Он приехал ко двору Владимира, чтобы прославить свои личные качества: а как этого достичь, о них не заявляя! В былине идея предосудительной похвальбы как «пустозвонства» перерастает в идею «похвальной» целесообразной похвальбы «как заявления о своих заслугах». Мотив необоснованного самопрославления похвальбой заменяется новым, более мощным мотивом обоснованного самоутверждения. Оппозиция греха / праведности в таком хвастовстве снимается, она больше не должна оцениваться как должная или не должная, но просто предстает формой заявления в обществе о себе, своих возможностях и способностях.

Итак, Дюк Степанович просит благословения матери ехать в Киев:

А придумалось Дюку да приохотилось
Аж как съездить ему далее в стольней Киев град.
А посмотреть князя да со кнегиною,
Аш как всех тут русских богатырей.

*Носов В. П.
Дюк Степанович [15]*

Его встречает княгиня, у которой он справляется, где Владимир. Узнав, что он на воскресной службе в храме, туда направляется. Становится ему «под леву руку», что возмущает Чурилку и придворных князя. На пиру после службы Чурила Пленкович его срамит, сообщая Владимиру о его вызывающем поведении. Владимир упрекает Дюка, но тот нечаянно хвастает своими домашними пирогами, которые вкусней княжеского угощения. Чурилка предлагает «ударить об

заклад», заключить пари «о своей буйной головы». Решено скакать на конях через Енисей. Приближенный князя проигрывает соревнование и просит о пощаде, и Дюк на первый раз его прощает. Чурило предлагает новый заклад, о лучшем платье. Дюк Степанович снова выигрывает. Описывается его шикарная кунья шуба со знаменитыми сказочными пуговками, которые «кричат» по-звериному. Чурило вновь просит его простить и тут же предлагает и третий заклад, несмотря на просьбу Дюка «больше не находить в третий раз». Третий заклад – об имуществе, «о золотой казне». Богатыри описывают поочередно имущество Чурилы и Дюка. Последний имеет в богатстве бесспорное значительное превосходство. Общество богатырей вновь просит Дюка за Чурилу, но Дюк на сей раз не уступает и преподносит урок всем любителям азартных пари:

Ай-я как стали тут все тут юпрашивать,
А и стали тут вси да юоваривать.
А и говорил ле Дюк да таковы слова:
«А не могу я прощать больше в третей раз»
Ауж как брал тут Дюк саблю вострую,
А и смахнул тут Чуриле буйну голову,
Говорил ле еще да таковы слова:
«Пускай не находит на меня третий раз» [там же]

Заключение. Попытка юридического оправдания нелегитимной похвальбы

1. Общая классификация мотива пари в русском эпосе

В русском былинном эпосе похвальба богатырей отражает в разных сюжетах с пари различную степень спонтанности и осведомленности: 1. наивность по неопытности; 2. оплошность по глупости и неосмотрительности; 3. намеренность и цель самоутверждения. По своему объекту «нелегитимная» или просто опасная своими последствиями похвальба подразделяется на две большие группы: 1. заявления о необычных способностях чудесного существа (волшебницы или необычной женщины); 2. заявления о своих собственных способностях и заслугах. В последнем случае она перестает оцениваться с точки зрения греха / праведности, становясь просто способом социальной адаптации, реабилитации либо повышения статуса. Говорят о результате похвальбы – «как цели, к которой стремился герой» [20].

С. В. Козловский приводит характеристику похвальбы в русской былине: 1. «глупая» (сестрой, женой, иногда и детьми); 2. «иная» (обычная, своим трудом); 3. «умная» (родом, родителями) [Ibid.]. В первом случае герой неизбежно наказывается («Добрыня и Алеша», «Алеша Попович едет в Киев», «Данило Ловчанин», «Про Ставра»), во втором – проходит испытание, после чего на пиру получает право сесть ближе к князю, подвинув всех остальных («Добрыня и Змей», «Иван Гостиный Сын» и «Дюк Степанович»).

Феномен хвастовства был нераздельно связан с понятием «почестной пир», поскольку хвастовство не допускалось русским обществом в иных условиях. О неразумности похвальбы «наперед», т. е. перед делом или поступком, красноречиво говорят русские народные пословицы, собранные Вл. Далем: *В хваста нет сласти, а будь на деле верен. Делай – не хвались (не хвалясь), а Богу помолись (помолясь)! И сяду не еду, и еду не еду, а приеду, так еду. Не путем дворянский сын расхвастался. Сам себя ни хвали, ни хули! Похвальба на лучиновых ножках. Хорошо летаешь, да где-то сядешь (да как-то садиться станешь). Чем похвалишься (хвалился), тем и подавишься (подавился).* Французы тоже однозначно утверждают: *Les actes valent plus que les paroles. De fortune et de santé, il ne faut jamais se vanter. Qui trop embrasse, mal étreint. Grands diseurs, petit faiseurs. Promettre et tenir sont deux.*

2. Различное и общее в интерпретации западноевропейского и восточнославянского пари

Итак, по структуре сюжетов «о пари» можно сделать вывод, что Запад в рыцарском романе пристальнее вглядывается в эпизод с пари, тогда как для восточных славян решающим является эпизод предвосхищающей его похвальбы. И стоит похвальба, пари, репутация и судьба «азартных игроков» на Руси не состояния и титула, а головы на плечах. Причины такой высокой оценки – более серьезная, по характеру этическая постановка вопроса на Руси, а на Западе – менее серьезная, по характеру игровая. Здесь сказывается и национальный менталитет, и разные этапы эволюции художественного сознания, выбирающие соответствующие способы объективации и завершения. Тот факт, что сохранившийся в устной форме русский эпос богаче и разнообразнее сохранившегося в письменной форме западноевропейского, предоставляет большие возможности для анализа социальной практики похвальбы на русском материале.

Перефразируя вывод С. В. Козловского относительно древнерусского эпического героя, мы вправе заявить: хвалящийся герой цикла «о пари» относительно понятий «нормы» и «права» – всегда маргинал, но «решающий определенную проблему, для которой непригодны прежние способы ее решения». Чтобы доказать себе и другим честь невесты / жены – ему приходится обнародовать как свое доверие (в пари), так и свое недоверие (в согласии с приговором).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алеша Попович едет в Киев. Русские былины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.byliny.ru/content/text/alesha-edet-v-kiev>
2. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым : в 3 т. [под ред. А. А. Горелова] / А. Д. Григорьев. – СПб. : Тропа Троянова, 2002.
3. Былины Севера : в 2 т. – Т. 1. Мезень и Печора / [Записи, вступ. ст. и комм. А. М. Астаховой ; под ред. М. К. Азадовского]. – М.–Л. : Академия Наук СССР, 1938. – 655 с.
4. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки А. Н. Афанасьева [Текст] : в 5 т. – Т. 2 / А. Н. Афанасьев. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 320 с.
5. *Балашов Д. М., Новичкова Т. А. и др.* Русский былинный эпос [Электронный ресурс] / Д. М. Балашов, Т. А. Новичкова и др. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/bl1/bl1-021-.htm>
6. *Боккаччо Д.* Декамерон / Д. Бокаччо. – М. : Правда, 1989. – 749 с.
7. *Бондарев А. П.* Учебное пособие по теме: Эпос. Лирика. Драма (на материале Средних веков, Возрождения и Классицизма) / А. П. Бондарев. – М., 1986. – 129 с.
8. *Бондарев А. П.* Автор, герой и рассказчик в эстетической деятельности // Культурно-языковая реальность: философское и регионоведческое изменение. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 245–258. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 11 (644). Сер. Философия и культурология).
9. *Веселовский А. Н.* История эпоса. Лекции профессора А. Н. Веселовского. – СПб., 1882. – 334 с.
10. *Веселовский А. Н.* Алеша «бабий пересемешник» и сюжет Цимбелина. [Электронный ресурс] / А. Н. Веселовский // Южнорусские былины. – Режим доступа : <http://www.knigafund.ru/books/22673/read#page5>
11. Былины и песни южной Сибири [Текст] : собрание С. И. Гуляева / Гуляев С. И. ; под ред. проф. д-ра истор. наук В. И. Чичерова. – Новосибирск : Новосиб. обл. гос. изд-во, 1952. – 333 с. : портр. – Б. ц.
12. Данило Ловчанин. Русские былины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.byliny.ru/content/text/danilo-lovchanin>

13. Добрыня и Алеша [записана в 1932 г. от А. С. Богдановой. Сенногубский сельсовет Заонежского района] // Сайт Петрозаводского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philolog.petsru.ru/pdf/253-266.pdf>
14. Добрыня и Змей // Якушов Г. А. Пудога [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philolog.petsru.ru/pdf/pudoga10.pdf>
15. Дюк Степанович / В. П. Носов // Сайт Петрозаводского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philolog.petsru.ru/pdf/posov.pdf>
16. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком, д. чл. императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете / П. С. Ефименко. – М. : Типо-литография С. П. Архипова и Кш, 1878.
17. Иван Гостиный Сын. Русские былины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.byliny.ru/content/text/ivan-gostinyj-syn>
18. Как перевелись богатыри // Якушов Г. А. Пудога [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philolog.petsru.ru/pdf/pudoga18.pdf>
19. *Киреевский П. В.* Собрание народных песен П. В. Киреевского. [Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях]. – Т. 1. [Подгот. текста к печ., ст. и комм. А. Д. Соймонова] / П. В. Киреевский – Л. : Наука, 1977. – 328 с. : нот. – АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – (Памятники русского фольклора).
20. *Козловский С. В.* История и старина: мировосприятие, социальная практика, мотивация действующих лиц [Электронный ресурс] / С. В. Козловский. – Режим доступа: <http://book.e-reading-lib.org/book.php?book=99231>
21. *Мелетинский Е. М.* Народный эпос. / Е. М. Мелетинский // Теория литературы. – М. : Наука, 1964. – 485 с.
22. *Парацельс* (Филипп Ауреол Бомбаст Теофраст Парацельс фон Гогенгейм). Книга о нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах / пер. с лат. А. Шапошникова. – М. : Эксмо, 2005. – 400 с. (Антология мудрости).
23. Пир у князя Владимира // Пименова Н. М. Водлозеро [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philolog.petsru.ru/pdf/pudoga18.pdf>
24. *Протт В. Я.* Морфология сказки / В. Я. Протт. – М. : Наука, 1969. – 168 с.
25. Про Ставра / М. В. Семенов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philolog.petsru.ru/pdf/msemen.pdf>
26. Рождение богатыря. Русские былины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.byliny.ru/content/text/rojdenie-bogatyrja>
27. *Рыбников П. Н.* Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : в 3 т. / под ред. Б. Н. Путилова. – Петрозаводск : Карелия, 1991.

28. Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : в трех томахъ / год ред. А. Е. Грузинского. – М. : Сотрудник школ, 1910.
29. Рыжова С., Рыжов В. Исторические прототипы героев русских былин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://his.1september.ru/article.php?ID=200100503>
30. Самоквасов Д. Я. Древнее русское право. – М. : Унив. тип., 1903. – 444 с.
31. Смирнова И. Б. Исторические корни мотива «пари» во французской литературе XIII века и его романная разработка // Теория и история литературы. – М. : Рема, 2011. – С. 100–117. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 22 (628). Сер. Филологические науки).
32. Смирнова И. Б. Мифопоэтический образ Фиалки в исторической поэтике куртуазного романа // Текст и метатекст. – М. : Рема, 2012. – С. 120–132. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 22 (655). Сер. Филологические науки).
33. Смирнова И. Б. Флористический образ человека в рубаи Омара Хайяма – ключ к эзотерическому мотиву пари во французских «цветочных» романах // Слово в языке и слово в литературе. – М.: Рема, 2013. – С. 120–136. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 21 (681). Сер. Филологические науки).
34. Смирнова И. Б. Цветочный символ средневекового французского аллегорического «Романа о Розе» Гийома де Лорриса как уникальное западноевропейское проявление единой «флористической» концепции человека. Цикл: Восток и Запад: спор или диалог? // Романские языки в дискурсивном порстранстве. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 220–242. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 10 (696). Сер. Языкознание).
35. Смирнова И. Б. Древневосточные истоки флористического сознания и цветочные символы в поэзии // Литература и словесное творчество. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 160–172. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 21 (707). Сер. Филологические науки). – Режим доступа : <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2014/Vest-21z.pdf>
36. Смирнова И. Б. Роль цвета в цикле о пари // Художественное сознание и действительность. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2015. – С. 154–172. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 23 (734). Сер. Гуманитарные науки). – Режим доступа : <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest-734z.pdf>
37. Смирнова И. Б. Анималистический символ французского куртуазно-реалистического романа: мифический генезис и басенная перспектива // Романские языки: Античность, Средневековье, Современность. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016 – С. 172–189. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 12 (751). Сер. Языкознание). – Режим доступа : http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/2016_12_751.pdf

38. Онежские былины / подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова ; подгот. текстов к печати, прим. и словарь В. Чичерова. – М. : Гос. лит. музей, 1948. – 937 с. : ил. – (Летописи Гос. лит. музея / общ. ред. В. Бонч-Бруевича. – Кн. 13).
39. *D'Arras J. Mélusine ou La Noble Histoire de Lusignan. Roman du XIV siècle.* – P. : Le Livre de Poche, 2003. – 860 p.
40. *Coudrette. Le Roman de Mélusine / traduit, présenté et commenté par Laurence Harf-Lancner.* – Paris : Flammarion, 1993. – 192 p.
41. A bilingual edition of Coudrette's *Mélusine*, or, *Le roman de Parthenay Coudrette / ed., with pref. and intr. by Matthew W. Morris.* – Lewiston, N.Y. : E. Mellen Press, 2003. – 544 p.
42. *Gerbert de Montreuil. Le Roman de la Violette ou de Gérard de Nevers / éd. par Douglas Labaree Buffum.* – P. : Champion, 1928. – 362 p.
43. *Gerbert de Montreuil. Le Roman de la Violette / récit traduit et présenté par Mireille Demaules.* (= Жербер де Монтрей. Роман о Фиалке. Прозаическое переложение на современный французский язык Мирей Демоль). – P. : Stock, 1992. – 255 p.
44. *Paris G. Légendes du Moyen Age.* – P. : Hachette, 1904. – 291 p.
45. *Paris G. Poèmes et légendes du Moyen Age.* – P. : Société d'édition artistique, 1900. – VIII, 268 (I) p.
46. *Paris G. Le Cycle de la Gageure // Romania. Recueil trimestriel.* – № 32. – P., 1903. – P. 481–551.
47. *Rimbaud A. La Russie épique: Etude sur les chansons héroïques de la Russie / traduites ou analysées pour la première fois par Alfred Rimbaud.* – P. : Maisonneuve, 1876. – XV, 504 p.
48. *Jean Renart. Le Roman de la Rose ou Guillaume de Dôle / ed. Félix Lecoy.* (= Жан Ренар. Роман о Розе, или Гийом де Доль. Издатель Феликс Лекуа). – Paris : Champion, 1979. – 231 p.
49. *Jean Renart. Le Roman de la Rose ou Guillaume de Dôle.* (= Жан Ренар. Роман о Розе, или Гийом де Доль. Прозаическое переложение на современный французский язык) / Jean Dufournet, Jacques Кооijman, Rene Menage, Christine Tronc. – Изд. 2-е, испр., с прим. Жана Дюфурне. – Paris : Champion, 1999. – 170 p.
50. *Le Roi Flore et la Belle Jeanne : Conte du XIII siècle / adapté par G. Michaut, prof. à la Sorbonne.* – P., 1923. – (Poèmes et récits de la vieille France).
51. *Le Roman du Roi Flore et de la belle Jehanne / publié par Fr. Michel.* – P. : Didot, 1842. – xvi + 672 p.
52. *Le Roman du Comte de Poitiers : Poème français du XIII siècle / publié avec introduction, notes et glossaire par Bertil Malmberg.* – Lund, 1940. – 210 p.

УДК 32.019.51

М. М. Васильева, И. В. Манохин

Васильева М. М., кандидат политических наук,
доцент каф. связей с общественностью ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: catmar@yandex.ru

Манохин И. В., кандидат исторических наук,
и.о. ректора МГЛУ; e-mail: manokhin@linguanet.ru

СЕТЕВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье рассматривается вопрос о сетевых информационных технологиях, которые предоставляют широкие технические возможности для государственного управления. Авторы приходят к выводу, что сегодня сетевые информационные технологии становятся всё более значимой площадкой внешнеполитической деятельности. В то же время использование «мягкой силы» посредством сетевых форм интернет-технологий расширяет возможности подрыва извне политической стабильности страны.

Ключевые слова: сетевые информационные технологии; международная политика; «электронное правительство»; коммуникационные технологии; «мягкая сила».

M. M. Vassiljeva, I. V. Manokhin

Vassiljeva M. M., Ph.D. in Politics, Associate Professor
of the Department of Public Relations, Institute for Foreign Relations
and Social and Political Studies, MSLU; e-mail: catmar@yandex.ru

Manokhin I. V., Ph.D. (History), Acting president, MSLU;
e-mail: manokhin@linguanet.ru

NETWORKING IN FORMATION TECHNOLOGIES, OUTLOOK FOR FOREIGN POLICY

The main question tackled in this research deals with networking information technologies that provide great opportunities for state governance. The authors come to a conclusion that networking information technologies become a significant means to carry out foreign policy. At the same time the use of

“soft power” through networkforms of Internet technologies increase the risk of undermining political stability of the country.

Key words: networking information technologies; foreign policy; e-government; communication technologies; “soft power”.

Информация и коммуникационные технологии становятся сегодня важными факторами обеспечения стратегической стабильности и международной интеграции государств. Существенная роль в формировании единого информационного пространства отводится созданию общенациональной телекоммуникационной сети страны, которая позволит объединить различные сети, системы и комплексы средств связи, обеспечив потребителям доступ к соответствующим территориально-распределенным информационным ресурсам, обмен информацией в режимах передачи данных и электронной почты. Поэтому все развитые страны особое внимание уделяют созданию информационных структур, которые должны обеспечить их включение в мировое экономическое, информационное и научное пространство, что является необходимым условием прогресса [14].

Сетевые информационные технологии предоставляют широкие технические возможности для государственного управления, международной политической деятельности, а также сделали более прозрачным механизм функционирования государственной власти. Интернет позволяет дать более объективную и качественную оценку деятельности политиков [9]. Последние, используя информационные технологии, следят за тем, как общество реагирует на принимаемые политические решения, стараются представить себя в выгодном свете, не допускать волнений общественности и т. д.

В последние годы в России началась реализация проектов создания, так называемого электронного правительства [12, с. 42].

«Электронное правительство» создано для:

- повышения оперативности и качества государственного управления;
- оптимизации предоставления государственных услуг;
- поддержания и расширения возможностей самообслуживания граждан;
- роста осведомленности и информационной культуры граждан;
- повышения степени участия всех избирателей в процессах руководства и управления страной;

- снижения воздействия фактора географического местоположения (отдаленности от органов власти).

Наличие «электронного правительства» в перспективе будет способствовать формированию гражданского общества, позволит людям более активно проявлять свою гражданскую позицию, требовать от политиков выполнения своих предвыборных обещаний, что расширит возможности самого гражданского общества по контролю над властью.

В то же время Интернет все шире используется в международных отношениях и как средство политической борьбы. В условиях возрастающей информатизации и политической открытости государства становятся все более уязвимыми перед теми, кто доминирует в сетевых информационных технологиях, поскольку Интернет становится главным средством манипулирования общественным сознанием [13, с. 225].

Многие некоммерческие организации (далее – НКО) в России занимаются политической деятельностью, активно используя Интернет. Президент России В. Путин в июле 2012 г. подписал Закон [2], согласно которому НКО, финансируемые из-за рубежа должны регистрироваться как иностранные агенты. Аналогичный Закон, но с более жесткими требованиями, действует и в США [13, с. 230].

Интернет облегчает привлечение сторонников, формирование международных сообществ и коалиций, позволяет координировать действия на региональном или международном уровнях. С помощью Интернета оппозиционные силы в тоталитарных государствах могут обойти правительственную цензуру.

Весьма серьезные последствия использования Интернета в международных отношениях заключаются в том, что быстро формируются и развиваются сетевые сообщества. Они постепенно становятся акторами мировой политики, принимая на себя определенные государственные функции.

До настоящего времени страны третьего мира, неспособные в силу экономических, культурных, политических и иных причин самостоятельно отстаивать свои позиции в мировой политике, были защищены авторитетом и конкретными шагами международных организаций, могли рассчитывать на их поддержку. Плюс ко всему, на стороне этих стран было международное право, положения которого признавались всеми акторами мировой политики.

Развитие «сетевых союзов» в новой глобальной ситуации способно подорвать основы международного права. Так, по отношению к Интернету до сих пор не отработан четкий свод правил положений, регулирующих деятельность его индивидуальных пользователей и сетей [12]. «Впервые в истории люди поставлены в глобальные (в перспективе) социальные сети. Системы производства и рынки координируются на мировом уровне. СМИ достигают своими посланиями массы людей по всему земному шару. Информатика позволяет взаимодействовать на расстоянии. Материальные и символические коммуникации означают сжатие времени и пространства. Но нет нормативного консенсуса, отвечающего всему этому и способного основать приемлемые для широкой общественности институты демократического глобального управления» [4, с. 14].

Таким образом, развитие новых средств коммуникации, современных информационных и коммуникационных технологий в первое десятилетие XXI в. не могло не оказать влияния как на взаимодействие отдельных государств в рамках глобализации, так и на систему международных отношений в целом. Наиболее ярко это проявилось в так называемых цветных революциях, арабской весне и других знаковых процессах, свидетелями и участниками которых мы стали в последние годы.

Интернет – перспективное средство не только международного политического диалога, взаимодействия; он становится все более значимой площадкой внешнеполитической деятельности. Внедрение сетевых информационных технологий вышло на главные роли и в борьбе за военно-техническое превосходство, в качественном совершенствовании вооружений [13].

Успех современных межгосударственных конфликтов и войн теперь гораздо чаще определяется сетевыми формами интернет-технологий, используемых для политико-дипломатической, экономической и духовно-идеологической борьбы.

Информационные технологии управления потоками инвестиций теперь все шире используются вместе с военной силой или даже вместо нее, особенно в случаях, когда прямое применение военной силы может вызвать осуждение ООН или обойтись слишком дорого.

Свободный доступ к Интернету резко повысил значимость обеспечения информационной безопасности, в том числе и информационно-

психологической безопасности населения. Сетевая безопасность страны стала одним из наиболее приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности России.

В руководящих кругах США существует мнение, что защищенность информационных систем и сетей – важнейшая задача обеспечения национальной безопасности начавшегося столетия, что степень риска, которому страна подвергается в этой области, осознана не до конца (обобщенный вывод из анализа официальных документов США, касающихся обороны и безопасности, информационного противоборства, таких как: «Международная стратегия действий США в киберпространстве», «Стратегия Министерства обороны по операциям в киберпространстве», доктрина «Информационные операции» и др.) [13, с. 235].

В России потенциальные опасности, исходящие от Интернета, гораздо выше, чем в США, поскольку основная масса сетевого программного обеспечения в Российской Федерации либо прямо заимствована, либо построена с включением заимствованных модулей. Известно, что около 70 % программного обеспечения, продаваемого в мире, создано в США. Один из главных производителей программного обеспечения – компания Майкрософт, как известно, давно и тесно сотрудничает с Пентагоном. Кроме того, в Россию в большом количестве поступает информационная техника, произведенная за рубежом. Она часто содержит специальные компоненты съема или уничтожения информации и т.п.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации достаточно четко обозначены угрозы национальной безопасности в информационной сфере. В этом документе констатируется: «Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать» (Ч. I, п. 1) [2].

В Основах государственной политики РФ в области международной информационной безопасности на период до 2020 г. определены угрозы в области международной информационной безопасности [7],

порождаемые использованием информационных и коммуникационных технологий:

а) в качестве информационного оружия в военно-политических целях, противоречащих международному праву, для осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на дискредитацию суверенитета, нарушение территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности;

б) в террористических целях, в том числе для оказания деструктивного воздействия на элементы критической информационной инфраструктуры, а также для пропаганды терроризма и привлечения к террористической деятельности новых сторонников;

в) для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, нарушения общественного порядка, разжигания межнациональной, межрасовой и межконфессиональной вражды, пропаганды расистских и ксенофобских идей или теорий, порождающих ненависть и дискриминацию, подстрекающих к насилию;

г) для совершения преступлений, в том числе связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ.

Использование Интернета расширяет возможности подрыва извне политической стабильности страны, поскольку появляются новые эффективные информационные каналы, через которые, в том числе в нарушение российского законодательства, можно дестабилизировать отношения между социальными группами, оказывать негативное воздействие на функционирование гражданского общества. Причем сетевые технологии подрыва политической стабильности применяются всё чаще.

В современных вооруженных конфликтах и войнах, чтобы не оказаться побежденным, т. е. сохранить суверенитет и территориальную целостность страны, необходимо располагать информацией более высокого качества, производить ее быстрее, в большем объеме, эффективнее использовать для решения новых задач. Нужно иметь современную развитую информационную инфраструктуру общества, органов государственной власти, где основой являются компьютерные сети.

Информация, транслируемая через Интернет, может провоцировать:

- межэтнические и межконфессиональные конфликты;
- экстремизм;
- неповиновение представителям законной власти и др.

Российские эксперты в области обеспечения информационной безопасности обратили внимание на необъяснимую природу компьютерных сбоев и случаи исчезновения информации. В результате исследований в 2012 г. сотрудниками Лаборатории Касперского был обнаружен вирус, получивший название *Flame*. Его детальное изучение показало наличие уникального вредоносного кода, превосходящего все ранее известные виды угроз. При этом большинство фактов заражения было отмечено именно в Иране, остальные – в Палестине, Ливане, Саудовской Аравии и Египте. Специалисты сходятся во мнении, что вредоносная программа была активна в течение как минимум двух лет до ее обнаружения [13, с. 239].

Распространяясь через сменные носители, локальные и глобальные сети, этот вирус имел достаточно богатый арсенал инструментов в своем активе: возможность перехватывать сетевой трафик, обнаруживать сетевые ресурсы и собирать пароли, сканировать диски в поиске определенных расширений и контента, осуществлять захват экрана, передачу сохраненных данных на контрольные серверы в обход современных антивирусных программ.

Спустя некоторое время газета «Вашингтон Пост» обвинила в создании *Flame* специалистов США и Израиля [15]. Следует отметить, что Иран и ранее становился объектом кибернетических атак. Предположительно, выявленные ранее вирусы *Stuxnet* и *Duqu* были звеньями той же самой цепи. *Stuxnet* чуть не уничтожил высокотехнологичное оборудование, используемое в иранской ядерной программе, вызывая необъяснимые сбои.

Комментируя эти события, Е. Касперский отметил: «Уже на протяжении нескольких лет опасность военных операций в киберпространстве является одной из самых серьезных тем информационной безопасности» [цит. по: 5]. Установить лицо (государство), организовавшее кибератаку, можно только по косвенным фактам.

Другое громкое дело было связано с созданием «уязвимостей», позволяющих получать конфиденциальную информацию пользователей устройств под управлением *Mac OS*. Факт заражения троянской

программой *Flashback* впервые был обнаружен компанией *Dr. Web*. При этом только за первые сутки специалисты установили, что вирус функционирует более чем на 550 тыс. рабочих станций, преимущественно расположенных на территории США и Канады.

Регулярно возникают претензии пользователей в адрес компании *Google*, которая собирает необходимую информацию о пользователях через созданный браузер *GoogleChrome*. Ряд экспертов, изучающих операционную систему *Android*, также нашли в ней технологические решения компании *Google*, которые регулярно передают данные о пользователях в компанию без соответствующего запроса. В одном из интервью бывший директор компании Эрик Шмидт (*Eric Schmidt*) признал, что мобильный телефон – это персональный шпион, позволяющий узнать, где человек проводит время, что покупает, какую слушает музыку и какие смотрит фильмы, с кем общается и по каким вопросам. В перспективе эта информация также может быть использована для создания рентабельного с экономической точки зрения, контента (содержания).

Сетевые информационные технологии широко использовались в революциях в Молдавии, Ираке, Тунисе и Египте. Интересен тот факт, что при смене власти в Египте правительство адекватно оценило масштабы угрозы, формируемой в Интернете, поэтому временно отключило ее и заблокировало сотовую связь. Однако предпринятые властью меры оказались запоздалыми, и Хосни Мубараку (*Hosni Mubarak*) пришлось уйти в отставку.

Несколько иная стратегия, уже с применением военной силы, для обеспечения комплексного сетецентрического воздействия была реализована в Ливии. В данном случае информационные технологии позволили дискредитировать политический режим лишь в глазах мирового сообщества. Опираясь на сфальсифицированные факты, Совет безопасности ООН по инициативе США, их союзников в Европе и стран арабского мира поставил на голосование резолюцию по Ливии [10].

Сенатор-республиканец США Джон Маккейн (*John MacCain*), комментируя ранее происходившие события в Югославии, открыто заявил: «Чтобы спасти Косово в 1999 г. НАТО провело военную операцию без формального разрешения ООН...» [цит. по: 11]. Им же указывалась возможность проведения аналогичных сценариев в Ливии, а в последующем и в Сирии.

В Сирии, как и в Египте, через компании *Google* и *Twitter* готовились революционные блогеры, которые манипулировали общественным мнением через представление искаженной и блокирование нежелательной для Запада информации. Для предупреждения возможности отключения Интернета властями Сирии был запущен известный сервис *speak2tweet*, позволяющий людям оставлять голосовые сообщения, которые затем записываются в файлы на *Twitter* в качестве информационных обновлений.

Как показывает опыт событий в Ливии, Сирии, Украине, в провоцировании «управляемого хаоса» [1] используются два типа сетевых сообществ – локальные и региональные сетевые структуры.

Локальные сетевые структуры – сетевое сообщество, которое состоит из замкнутых на себя тайных децентрализованных групп со свободным горизонтальным общением.

Региональные сетевые структуры – ориентированы на экспансию, распространение в регионе, на привлечение новых элементов.

Для региональных сетей характерна подвижная, проницаемая и не всегда явно выраженная граница сети в пределах региона.

В таких условиях для обеспечения устойчивости Сети необходима прочная внутренняя организация. Потенциал регионального сетевого сообщества прямо пропорционален многообразию охватываемых Сетью ячеек (групп) в стране и регионе. Целостность Сети обеспечивается быстродействующими и эффективными внутрисетевыми каналами передачи управляющих воздействий и обратной связи, что позволяет синхронизировать процессы, происходящие в различных частях Сети.

В условиях развития конфликта локальные и региональные сетевые структуры используются для решения мобилизационных задач, связанных с изучением возможностей, вербовкой и подготовкой боевиков. В вербовке боевиков и их переброске особенно велика роль региональных структур. Локальные сетевые мобилизационные каналы обычно привлекаются для организации массовых волнений, как это было в Турции.

В Тунисе, Египте, Ливии, теперь в Сирии и Украине реализовывались отличающиеся друг от друга сценарии. Однако во всех случаях отчетливо видна решающая роль новых сетевых информационных технологий:

- создавать выгодную иллюзию происходящих событий;

- внедрять в общественное сознание эту иллюзию через Интернет, СМИ;
- блокировать или обесценивать реальную, объективную информацию.

В этих целях используются и средства, нарушающие работу информационно-коммуникационных систем. В конце 2012 г. о новых решениях в области подавления информационной инфраструктуры противника сообщили компания Боинг (*Boeing*) и Научно-исследовательская лаборатория ВВС США (*AFRL*).

Успешно прошло испытание новое оружие – ракета *CHAMP*. Основное ее предназначение – вывод из строя электронных приборов, находящиеся в зоне ее воздействия. «Эта технология знаменует собой новую эру в ведении войн» [3], – заявил руководитель проекта Кит Коулман (*Keith Kolemán*). Такие ракеты бесконтактным способом приводят в негодность электронные и информационные системы противника еще до появления первых самолетов.

Рассмотренные сетевые информационные технологии входят в комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей государства, который называют «мягкая сила» [12].

С помощью «мягкой силы» можно манипулировать политикой другого государства, навязывать определенные нормы, эталоны поведения людям, общественным организациям, институтам политической власти.

Данную технологию применяют и в интересах формирования общего представления о том, что Америка правомерно доминирует над всем миром. «Мягкая сила» активно используется и в «цветных» революциях.

В статье «Россия и меняющийся мир» Президент РФ В. Путин отметил: «В ходу все чаще и такое понятие, как «мягкая сила» – комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств» [8].

Реализовать политику «мягкой силы» без широкого использования Интернета очень сложно, поэтому государства становятся заложниками

ситуации, когда развиваться в информационном плане надо, но неумелое управление этим процессом создает существенную угрозу для целостности страны. Ситуация осложняется и недостатком нормативной правовой базы регулирования интернет-технологий.

В Доктрине информационной безопасности РФ отмечается: «Особенность международного сотрудничества Российской Федерации в области обеспечения информационной безопасности состоит в том, что оно осуществляется в условиях обострения международной конкуренции за обладание на рынках сбыта, в условиях продолжения попыток создания структуры международных отношений, основанной на односторонних отношениях ключевых проблем мировой политики» [2]. Подобные перемены в мире, вызванные стремительным развитием сетевых информационных технологий, формированием единого глобального информационного пространства, стали предметом особого внимания ученых, политиков, специалистов в информационной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартош А. В.* Модель управляемого хаоса – угроза национальной безопасности России // Независимое Военное Обозрение. – 2013. – № 24. – С. 21–23.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: от 9 сент. 2000 г. № Пр-1895 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dehack.ru/zak_akt/npa_prezidentarf/doktrina_ib/?all.
3. *Загорский И.* Компания «Боинг» испытала новое микроволновое оружие // Вести.Ру. – 30.10.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vesti.ru/doc.html?id=945973&cid=2161>.
4. *Мартинелли А.* Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу Международной социологической ассоциации, Брисбен, 2002) // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 12–16.
5. *Мирошкин А.* Вирус Flame нацелен на ядерную программу Ирана // Lifenews. – 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lifenews.ru/news/93192>.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: федер. закон от 20 июля 2012 г. №121-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.garant.ru/70204242/#help>.
7. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года:

- от 24 июля 2013 г. № Пр-1753 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html>.
8. Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. – 2012. – №664 (664) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>.
  9. Роль внешнеполитического имиджа России в США в системе российско-американского стратегического партнерства [Электронный ресурс] / Ю. Г. Жеглова // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 51–69. – Режим доступа : <http://www.linguanet.ru/science/publishing/Vestniki-2014/Vestnik2-2014.pdf> (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 2 (668). Сер. Исторические и политические науки.)
  10. Россия и Китай наложили вето на резолюцию Совета безопасности ООН по Сирии // Первый канал. – 04.02.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.1tv.ru/news/world/198316>
  11. Савенков В., Минин А. «Сирийский Бенгази» держали штыки 300 французских легионеров // Свободная Пресса. – 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://svpressa.ru/war21/article/53318/>.
  12. Связи с общественностью в органах власти : учебник для академического бакалавриата / М. М. Васильева [и др.]. – М. : Юрайт, 2015. – 495 с.
  13. Современные международные отношения: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. И. Позднякова, В. К. Белозерова, М. М. Васильевой. – М. : Юрайт, 2015. – 341 с.
  14. Формирование единого информационного пространства России в условиях глобализации [Электронный ресурс] / М. М. Васильева // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 92–105. – Режим доступа: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2014/Vest-14z.pdf> (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 24 (684). Сер. Исторические и политические науки.)
  15. U.S., Israel developed Flame computer virus to slow Iranian nuclear efforts, officials say // The Washington Post. – 19.06.2012. – URL : https://www.washingtonpost.com/world/national-security/us-israel-developed-computer-virus-to-slow-iranian-nuclear-efforts-officials-say/2012/06/19/gJQA6xBPov_story.html.

УДК 327.8

Л. Г. Ивашов

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории международных отношений
ИМО и СПН МГЛУ, президент Академии геополитических проблем
e-mail: geoanaliz@mail.ru

ГЕОПОЛИТИКА И СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В статье раскрывается необходимость познания геополитики как науки, синтезирующей знания различных сфер жизнедеятельности человечества во взаимосвязи с окружающей его природной средой. Показана «работа» законов и закономерностей геополитики в современном политическом процессе, детерминированность самого процесса жизнедеятельности человечества. Делается аргументированная попытка доказать, что Запад не является мировой этнокультурной цивилизацией. Он утратил культурно – цивилизационные свойства и превратился в антицивилизацию. Автор утверждает наступление эры Востока, показывая роль и место России в новом формирующемся миропорядке.

Ключевые слова: агрессия; антицивилизация; восток; геополитика; глобализация; деградация; дестабилизация; Запад; Евразия; Европа; миропорядок; пространство; цивилизация.

L. G. Ivashov

Doctor of History, Professor, Professor of the Department
of Theory and History of International Relations of the Faculty
of International Relations and Social-political Science, MSLU;
President of the Academy of Geopolitical Problems;
e-mail: geoanaliz@mail.ru

GEOPOLITICS AND THE CURRENT POLITICAL PROCESS

This article shows the necessity of learning geopolitics as a science which synthesizes knowledge of various fields of the activity of mankind in interrelation with environment surrounding mankind. The article reveals the work of geopolitical laws and regularities in a modern political process and determinacy of the process of the mankind activity. The author makes a reasoned attempt to prove that the West is not the world's ethnocultural civilization. It has lost cultural and civilizational properties and has turned into an anti-civilization. The author insists on the approaching of the era of the East and shows the role and place of Russia in the forming new world order.

Key words: aggression; anti-civilization; the East; geopolitics; globalization; degradation; destabilization; the West; Eurasia; Europe; world order; space; civilization.

Твердите истину ежедневно,
ибо другие ежедневно твердят ложь.

К. Н. Леонтьев

Современные проблемы человечества не могут быть изучены в рамках одной из областей знания и должны исследоваться с помощью комплексного подхода, глубокого всестороннего анализа. А это уже геополитика.

Несмотря на то, что геополитику часто обвиняют в чрезмерной общирности, на наш взгляд, только с ее помощью в эпоху глобализации можно разобраться в истоках и причинах трансформаций глобального масштаба. Современная геополитика стала выполнять роль науки, синтезирующей знания, с помощью которой можно изучить основные механизмы функционирования современной мировой системы и ход развития мирового политического процесса.

Кроме того, геополитика раскрывает основополагающие цели, задачи и механизмы акторов современной мировой политики, которые всё чаще вуалируются риторикой о высоких целях, таких как установление демократии и всеобщего благоденствия, стабильности и безопасности во всем мире.

Данное обстоятельство, на наш взгляд, является центральным в мировой политике и требует исследования его содержания и влияния на формирование «нового мирового порядка» и развития человечества в целом. В целях уточнения ключевого понятия данного исследования дадим общее его определение: ***геополитическое противоборство – процесс непрерывной борьбы за пространство во всем его многообразии с использованием всех доступных средств.***

Геополитика играет ведущую роль в системе национальной безопасности любой страны и мировой цивилизации. Знание законов, закономерностей и категорий геополитики, владение методом геополитического анализа и прогнозирования позволяет народам и государствам объективно оценивать ход мирового политического процесса, выявлять тенденции и траектории движения человечества, цели и намерения международных игроков, определять естественных союзников и противников и выстраивать соответствующие отношения. Геополитика мыслит категориями исторических эпох, планетарных пространств и мировых цивилизаций. Поэтому отвлечение на частные

сиюминутные ситуации не должно препятствовать главному направлению развития в исторической перспективе, исполнению геополитической (божественной, космической) заданности и функциональной сущности цивилизации. Именно историко-геополитический анализ может и должен выявить генеральную орбиту движения и развития народа, государства и цивилизации в данную историческую эпоху и своевременно вносить коррективы во внутреннюю и внешнюю политику. Базируясь на глубоком знании собственной истории и законов геополитики, на системе духовно-нравственных ценностей и традиций, национальные элиты формулируют геополитическую идею, стратегию ее реализации и мировоззренческую основу государства и общества, которые оформляются в геополитическую доктрину государства. В доктрине содержатся две ведущие поведенческие модели – внешняя и внутренняя. Во внешней декларируется: какой миропорядок государство хотело бы видеть в обозримом будущем, какие ценности будут иметь приоритет во внешней политике государства, какое место и роль страна определяет для себя в этом миропорядке. Здесь же обозначаются геополитические союзники, партнеры и противники. И на этих основаниях выстраивается внешнеполитическая стратегия государства, стратегия национальной безопасности и военная доктрина. Геополитическая идея как долгосрочная цель более устойчива по отношению к внешнеполитической стратегии и военной доктрине, которые могут корректироваться и изменяться с изменением мировой (региональной) ситуации и ситуации в стране.

Внутренняя поведенческая модель государства основывается на национальной идее как части геополитической идеи и подтверждает внутреннее соответствие заявленным целям внешнеполитической стратегии государства. В основании национальной идеи лежит культурно-цивилизационный код и матрица ценностей, а также национальная традиция. На основе национальной идеи ставится цель существования и движения нации, разрабатывается и реализуется стратегия развития государства и общества, утверждается приоритет ценностей, определяется форма государственного устройства и сущностное содержание государства, формируются структуры властных институтов, т. е. формируется модельный образ государственно-общественного устройства на долгосрочную перспективу (эпоху), среднесрочные и текущие программы развития.

Такая методология формирования траектории движения наиболее устойчивая и безопасная с точки зрения парирования внешних угроз и вызовов, и с точки зрения внутренней стабильности и безопасного динамичного развития.

Для формирования внешнеполитической составляющей геополитической доктрины важное значение имеет глубокое знание сущности и действия основных законов и закономерностей геополитической теории, внимательный анализ политической стратегии субъектов международных отношений и прогноз развития мировой и региональной ситуации. На наш взгляд, действия трех законов геополитики определяют характеристику современного политического процесса:

- закон фундаментального дуализма (извечное противоборство цивилизаций моря и суши);
- закон контроля пространства во всем его многообразии (нет неконтролируемых пространств; за наиболее значимые пространства ведется наиболее жестокая борьба);
- закон цивилизационной предрасположенности и несовместимости цивилизаций (цивилизации с противоположными смыслами жизни и разными системами ценностей не могут быть цивилизационными союзниками).

Вышеуказанные законы, несмотря на их более чем вековое оформление в качестве теоретической основы геополитики, современны и «работают» активно в XXI в. Закон фундаментального дуализма проявляет себя в полную силу, прежде всего в экономической сфере. США, став после Второй мировой войны геополитическим центром морской цивилизации, первое что сделал – перевел континентальную часть Европы на морское целенаправление (мировое господство), ценности (индивидуалистический эгоцентризм основанный на матрице – выгода, экспансия, насильственность) и стандарты жизни (жить добычей за счет ограбления других). А далее – блоковая стратегия, «привязка» к доллару, превосходство военной силы и насильственное подавление конкурентов и соперников. Дж. Блэк, американский писатель-исследователь, в работе «Тайная история мира» пишет: «Наша легкая и сытая жизнь стала возможной благодаря кровопролитию, пыткам, воровству, несправедливости. В глубине души мы знаем это. Поэтому глубоко внутри нас существует ненависть к себе, которая не позволяет нам полностью проживать каждый момент и жить полноценной жизнью» [2, с. 287].

Закон контроля пространства проявляется в борьбе за географию, ресурсы, историю, информационную и киберсферы. Третий закон также очевиден – подавление и разрушение иных цивилизаций (исламский и православно-славянский миры, затем последуют Китай, Индия, Латинская Америка). Для России важно понимание, что Запад во главе с США всегда будет ей враждебен и будет сотрудничать только с позиции собственной выгоды. Иного западной геополитикой не предусмотрено. Российская культурно-цивилизационная матрица – «совесть, святость, справедливость», на Западе отрицается как враждебное начало.

Взаимодействие и сотрудничество с Западом в целом и с отдельными странами, даже членами НАТО вполне возможно и необходимо, но только по вопросам, представляющим общий интерес. Так, в 90-е гг. прошлого столетия, Министерство обороны РФ тесно сотрудничало с военной элитой Германии, Франции, Бельгии и др. по вопросам коллективной системы безопасности, против вступления восточно-европейских стран в альянс, даже против американского диктата в Европе. Плодотворное сотрудничество возможно и вероятно при условии равенства потенциалов и возможностей. С позиции слабости добиться положительных равноправных результатов практически невозможно.

«Антихрист и теперь есть уже в мире».

Апостол Иоанн Богослов (1 Ин 4:3)

Запад как антицивилизация

Так сложилось, что на острие движения человечества в сторону «прогресса и развития» стоит западное «цивилизованное» сообщество. При этом как-то опускаются исторические факты о том, что самый большой, ни с чем не соизмеримый ущерб самому человечеству и окружающей среде нанес именно Запад. Цивилизаторы в ходе строительства империй, победоносных походов, других «героических» деяний уничтожали не просто миллионы себе подобных, но и целые человеческие сообщества, самобытные древние цивилизации и народы, уничтожали системы древних знаний. И чем выше двигались западные народы по пути научного и технологического прогресса, тем страшнее становилось остальным народам, тем масштабнее

и эффективнее уничтожались менее «цивилизованные» и прогрессивные. Взять расщепление атомного ядра: грандиозный успех, Нобелевские премии, создание и немедленное применение атомной бомбы, радиоактивное загрязнение всей планеты отходами ядерного производства.

Ушедший в историю XX в. стал столетием величайшего драматизма в судьбе человечества. Мировые войны невиданного ранее размаха разрушений, жестокости, жертв. Человечество словно утратило разум, подхватило некий страшный вирус безумия, бросилось беспощадно крушить всё, что создавалось тысячелетиями. Все достижения предшествующих поколений, научные открытия, технологии и даже сакральные знания были задействованы для грабежей, завоеваний и уничтожения себе подобных. Уничтожались многовековая культура, величайшие произведения зодчества, древние рукописи, памятники, жилища, среда обитания. И это безумие возникло и стало эпидемией не в каких-то отсталых регионах, а на Западе. Кроме двух мировых войн, произошли сотни локальных, региональных вооруженных конфликтов, гражданских войн, тысячи крупных террористических актов. Плюс кризисы, рукотворные пандемии, природные катаклизмы, организованный массовый голод и масса других бед. Кроме того, разрушение природной среды обитания человека, безудержная страсть к накопительству, роскоши, нечеловеческим удовольствиям. И чем успешнее прогрессирует человеческий род в материально-техническом и даже научном развитии, тем активнее деградирует его человеческий облик. И вновь на острие этой деградации и примера разложения лидирует самая «высокоразвитая» из этнокультурных цивилизаций – западная. Более того, сегодня, после распада СССР, информационно-психологические операции меняют историческую картину человечества и рисуют Запад как генератор добра, прогресса и развития, а Россию (СССР), другие страны – «осью зла», изгоями и т. д. В 1938 г. известный немецкий философ и геополитик Вальтер Шубарт пытался ответить на этот же вопрос о деструктивном поведении Запада: «Запад подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но лишил его души» [6, с. 26]. Сказано весьма точно: Запад лишил человечество души, но без духовных основ существо не может быть человеком и человечеством. Но добавим к В. Шубарту собственное

видение истории Запада: он лишил себя духовных качеств и пытается лишить духовности другие народы.

Началом Запада принято считать Римскую империю. Полководцы Рима, завоевав и подчинив единой власти значительные территории и население трех континентов: Европы, Азии и Африки, руками рабов проложили прекрасные дороги, наладили морское сообщение. Дали миру блестящие образцы культуры, систему законов, принципы государственности и многое другое полезное для человечества. Император Константин в самом начале IV в. официально признал христианство и возвел его в ранг государственной религии. Но Рим вошел в историю и как империя крайней жестокости, насилия и разврата, содомизма. Католический Рим выступил и разрушителем истинной христианской веры, создателем инквизиции, тайных обществ, безудержного стремления к мировой власти. Его наследники в союзе с радикальным иудаизмом развязали большую часть войн на планете (включая две мировые), крестовые походы, глобальные заговоры, задали человечеству безумный путь существования. «Римский государственный гений обогатил мировую культуру двумя блестящими достижениями: обширным сводом законов («римское право»), который лег в основу всех европейских законодательств, и крестом – самым мучительным видом казни» [1, с. 7]. Распространение Запада на американский и другие континенты несло и продолжает нести не только научно-технический прогресс, но прежде всего насилие, жесточайшую эксплуатацию, рабство, уничтожение целых народов и цивилизаций. Древняя Греция подарила миру и европейским народам великую культуру, глубокие знания, идеи гуманизма. Именно греки закладывали основы будущей европейской цивилизованности и гуманизма. Сегодня Греция – изгой Евросоюза, возможно, потому, что не вытравила из себя глубину человеческой сущности, сохранила не только первозданность христианства в лице православия, но и первозданность самого человека. Но Эллада и первые римляне, увы, это не Запад и даже не Европа, а Средиземноморье, охватывающее и север Африки, и часть Азии. Кроме того, греки – это в культурном отношении наследники египтян и финикийцев.

Великая Римская империя создавалась и развивалась на крови покоренных народов и племен. Из каждого, даже великолепного памятника времен Рима считается человеческая кровь. Заглядывая в историю

западной цивилизации, трудно обнаружить в ней мессианские начала, бескорыстное служение прогрессу, всеобщему развитию. Интриги, заговоры, инквизиции, беспредельная жестокость, тайные сообщества, войны, сплошная ложь и вселенская несправедливость. И все ради обогащения и власти. Бог и совесть, присущие в той или иной мере другим народам мира, западному сообществу чужды. Протестантизм заложил духовно-оправдательную основу дикого капитализма, социального неравноправия, накопительства и стяжания. Католицизм, апеллируя к Богу, фактически «обожествляет» пороки западного общества, навязывает человечеству однополярную религию.

Так может ли Запад считаться цивилизацией? Скорее, это антицивилизация, сатанинское, бесовское сообщество, в котором сохранились в качестве индивидов и нормальные люди, «хомо сапиенс». Но в целом, на Западе доминируют отнюдь не общечеловеческие ценности. К ней очень подходит определение, данное нашим выдающимся современником А. С. Панариным: «Агрессия одномерного начала». А одномерность – это отсутствие разума. Это, скорее, набор инстинктов, связанных лишь с физическим миром. Но именно разум дал возможность человеку вписаться в естественную среду, воспринимать ее божественную красоту, чувствовать и познавать гармонию природы, наделил его способностью абстрактного мышления, членораздельной речью, способностью делать орудия для собственного выживания. Формирование научного мировоззрения человека начиналось именно с попыток познать окружающую среду. Наличие разума выделило человека из всего многообразия животного мира, и поскольку развитие разума имеет вид восходящей гиперболы, то и человечество как вид, наделенный разумом, также имеет потенциал восходящего развития. Вопрос лишь в том: что понимать под развитием. Естественно встает вопрос: Запад абсолютно лишний на планете Земля, и с его уходом на планете воцарится мир и спокойствие. Полагаю, это не совсем так. И здесь я выступлю защитником народов западного ареала, или цивилизации. Смысл существования каждой мировой этнокультурной цивилизации (по Н. Я. Данилевскому – культурно-цивилизационный тип) состоит в том, чтобы она вносила определенный вклад в поддержание равновесия в социоприродной среде и способствовала развитию человечества. Поэтому все цивилизации самобытны и обладают потенциалом развития, отличным от других. Но, всё во Вселенной и на

планете находится в состоянии равновесия: есть частица, есть античастица, есть свет есть, есть тьма, есть добро и его антипод – зло. Запад был и остается антиподом Востока. На Востоке больше духовности, там непосредственная связь с Небом, с высшим разумом. Но Восток не предрасположен к технологическому рывку, накопительству финансовых ресурсов для инноваций, поскольку каждый мусульманин должен отдавать часть своих средств для страждущих. На Руси, в Индии, Китае накопительство также не поощряется, но милосердие и помощь бедным, пожертвование на благие дела присутствует всегда. Запрещен в исламе и в православии ссудный процент. Так вот, Запад как система призван дать импульс человечеству в развитии индустриализации и технологического рывка. Для чего необходимо было постигнуть естествознание, физику в первую очередь, создать мощные империи и государства, а затем и ТНК. Но духовно-нравственное развитие при этом не присутствовало. Это сегодня становится очевидным для всех народов мира. И в этом «заслуга» западного доминирования. Без такой человечество вряд ли бы осознало пагубность подобного вектора развития. Поэтому мир XXI в. кардинально меняется – Запад, сделав свое дело, должен уйти. На смену ему идет Восток в лице незападных цивилизаций, и есть надежда, что новый миропорядок обретет иное качество и учтет западный негатив.

«Русские люди никогда не будут счастливы, зная, что где-то творится несправедливость».

*Шарль де Голль,
Президент Франции*

Глобальная трансформация мирового геополитического пространства

В течение последних десятилетий произошли события, оказавшие определяющее влияние на развитие глобальной картины мира, которые изменили баланс сил в мире и способствовали возникновению новых вызовов и угроз. Мировое геополитическое пространство в начале XXI в. стремительно изменяется и далеко не в лучшую сторону. Система международной безопасности фактически разрушена и приватизирована Западом. Ни одна страна и цивилизация, включая

и сам Запад, не ощущает себя в состоянии безопасности, не видит будущего в нынешней системе международных отношений, в условиях нынешней финансово-экономической модели. Конфронтационный потенциал глобализации внес разрушительные тенденции в развитие современного мирового политического процесса. Одной из таких тенденций стало не только обострение геополитического противоборства, которое всегда являлось неотъемлемой частью развития мирового политического процесса, но и фактическое изменение его сущностного характера. Появились новые более масштабные мотивации, новые способы и стратегии контроля над пространством, само понятие пространства стало более многообразным.

Идет реформирование глобального политического пространства: развитие экономического и политического процесса диктует уже не Запад, как было после распада СССР, но Восток и транснациональное сообщество. Причем, Восток в лице мировых этнокультурных цивилизаций (включая Латинскую Америку). И здесь формируется главный фронт геополитического противоборства. Наступает эра Востока, в которой России предстоит определиться и найти свое цивилизационное место. Запад, в основании которого стоят интересы крупного капитала, привел человечество к системному кризису и в качестве выхода из такового вновь предлагает большую войну. Принятая в феврале 2015 г. новая Стратегия национальной безопасности США вновь делает ставку на однополярный миропорядок, который американцы намерены утверждать превосходством военной силы и отказом от международного права. По сути США этим документом объявляют многополярный полицивилизационный миропорядок вне закона. Вот цитаты из этого документа: «Она (стратегия. – Л. И.) направлена на инициативное продвижение наших интересов и ценностей с позиции силы ... Не существует замены американскому лидерству... Мы будем лидировать с позиции силы ... США будут применять военную силу, при необходимости используя ее односторонним порядком ... Вооруженные силы США будут готовы применить военную силу в любой точке мира, воспрещая и останавливая агрессию на множествах театрах военных действий» [3].

В этом важнейшем американском документе Россия объявляется главной угрозой человечеству, безопасности США, государством, чьи действия на Украине, угрожают миру и стабильности. Сегодня

наши удары по террористам в Сирии также заносят в разряд дестабилизирующих и угрожающих мирным гражданам. При этом на Западе не вспоминают, что именно действия США и их сателлитов привели к государственному перевороту на Украине и большой войне на Ближнем Востоке. И хрупкое перемирие по Сирии – это всего лишь смена тактики и средств достижения стратегических целей. Но картина Ближнего Востока кардинально меняется. И решающую роль здесь сыграла Россия, поддержав законное руководство страны и сирийский народ, не позволив разделить им судьбу уничтоженных Югославии, Ирака, Ливии, Йемена. Анализируя ближневосточный кризис с позиций геополитики, можно прогнозировать следующий вариант развития: Саудовская Аравия, страны Персидского залива в ближайшие десятилетия уйдут с активной политической арены, а кое-кто, Саудовское королевство, скорее всего, распадется. Сирия в союзе с Россией, Ираном, Египтом, Ираком и во взаимодействии с Израилем станут геополитическим центром Большого Ближнего Востока. Иран обозначит себя в качестве лидера исламского мира и, вероятно, станет членом ШОС и БРИКС. США, естественно, будут присутствовать в регионе, но на вторых ролях. Китай мощно войдет сюда экономически. Европа останется потребителем углеводородов, инвестором, но политическую активность утратит, постепенно превращаясь в филиал Ближнего Востока, этнографически и политически.

Общемировая тенденция также говорит об упадке Запада во главе с США. Выстроенная Западом (денационализированные элиты и транснациональный капитал) модель мировой экономики губительна для природы и оставляет за бортом выживания уже не миллионы, а миллиарды «лишних» людей. Значит, впереди катастрофические природные катаклизмы (природа сильнее человека и она не потерпит насилия над собой), мировая война нового типа (военно-силовые действия станут вторичными, но число погибших физически и морально будут исчисляться сотнями миллионов). В Соединенных Штатах, видимо, просчитывают подобный сценарий переформатирования миропорядка и, естественно, пытаются его предотвратить и извлечь в свою выгоду. *А это уже глобальная агрессия во всех важнейших сферах жизнедеятельности человечества, миллионы жертв и несчастий.* Иного мы от Запада не дождемся. Верно, подметил выдающийся британский историк (не очень уважаемый на Западе) Арнольд Тойнби:

«Агрессия является единственной формой общения Запада с внешним миром ... В истории дипломатии западных держав, увлеченных западной демократией, легко проступает список сплошных безумств и несчастий человечества» [4, с. 106–107].

Сегодня мы наблюдаем два вектора американской геополитики. **Первый** – попытаться развязать новую большую войну России с Европой или хотя бы с Турцией и затем включиться, якобы защищая союзника. Для этого нужно ослабить Россию экономически и создать ситуацию внутренней нестабильности. **Второй** вектор американской геополитической стратегии заключается в максимальном использовании «мягкой силы» («гибридные войны») для сохранения статус-кво. Американцы уже заигрывают с Кубой, Беларусью, пытаются сделать Иран своим «инструментом» на Ближнем Востоке и в исламском мире, лоббируют глобальные проекты Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерства. Но будет ли так, по планам Запада? Уверен, так не будет.

«Грандиозное событие, которое готовится, – это восхождение славянства как ведущей культурной силы. Возможно, это кому-то режет слух, но такова судьба истории, которую никому не дано остановить: грядущие столетия принадлежат славянам».

*В. Шубарт. Европа
и душа Востока. 1938*

Россия и строительство нового мира

История России и православно-славянского мира есть история противостояния Западной Европе и ее клону – Америке. Союзниками славян в этом противоборстве выступали Византия и народы Востока. И совсем не случайно русские племена и княжества еще в XII в. отвернулись от Европы и стали строить свою государственность на евразийских просторах. Да и Александр Невский воевал против ливонского ордена в союзе с Золотой Ордой. В последующем славяне возглавили процесс объединения евразийских народов опять же против Запада. Князь Н. С. Трубецкой, находясь в послереволюционной

эмиграции и познав Европу изнутри, писал: «Азиатская ориентация становится единственно возможной для русского националиста» [5, с. 138].

Сегодня в начале XXI в. человечество на перепутье: западная система мира не жизнеспособна, и совсем не по экономическим причинам, а по избранному смыслу жизни, целеполаганию. А именно оно формирует те жизненные ценности, которые становятся основой политики и экономики. Не западная часть человечества приступила к строительству нового мира (ЕАС, ШОС, БРИКС). Россия, осознав свою историческую миссию, начинает возвращаться к своим истокам, традиционным ценностям своих коренных народов. Начиная с 2000-х гг., наблюдается восстановление в научном и общественном сознании двух геополитических доктрин России: доктрины «Москва – Третий Рим» и Евразийской доктрины. Все больше внимания стало уделяться (к сожалению, не в правительстве и во власти в целом) удивительному опыту Советского Союза. Но пока это стихийный процесс, набирающий динамику. Встает вопрос (и не только в России) о смысле жизни и духовно-нравственных ценностях для выживания человечества.

Идет, хотя и не очень активно, строительство полицивилизационного миропорядка, в котором участвует Россия. Истины ради, отметим, что теоретической основы будущего мира не западных цивилизаций нет, можно говорить пока только о намерениях и слабо выраженных идеях. Тем не менее РФ на внешнеполитическом поле обретает статус великой державы и одного из геополитических центров мира. Но внутреннее состояние страны никак не соответствует внешнеполитическим претензиям. В международной политике мы выстраиваем стратегию отличную от Запада, даже противостояем ему, обретая определенную евразийскую сущность, а в экономике и финансовой деятельности продолжаем тиражировать губительные для страны либерально-западные модели и правила дикого рынка. Стратегии социально-экономического развития как не было, так и нет, зато олигархический капитал смешанного типа (российско-иностраннй) успешно реализует (через очередную приватизацию) стратегию полной колонизации российской территории. Население же страны, все сферы жизнедеятельности становятся «обслуживающим персоналом» прибылей олигархических компаний. По такому же принципу формируется правительство РФ и Центробанк. Из промышленно развитой державы мы превратились в аграрно-воровскую формацию.

Внутренняя политика противостоит внешней, и Россия стоит на взрывной растяжке. В такой ситуации говорить о движении вперед и развитии не приходится. Необходим глубокий анализ трагедии 1990-х гг., выраввших страну с ее духовно-космической орбиты, Историко-геополитический анализ может и должен выявить генеральную орбиту движения и развития народа и российского государства, цивилизации в данную историческую эпоху и своевременно вносить коррективы во внутреннюю и внешнюю политику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архимандрит Рафаил* (Карелин). Христианство и модернизм. – М. : Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2015. – 463 с.
2. *Блэк Дж.* Тайная история мира. – М. : ЭКСМО, 2009. – 287 с.
3. Стратегия национальной безопасности США (2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pentagonus.ru/publ/strategija_nacionalnoj_bezопасnosti_ssha_2015/112-1-0-2614
4. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. – М. : Айрис-Пресс, 2003. 592 с.
5. *Трубецкой Н. С.* Русская проблема // Классика геополитики. XX век. Сборник. – М. : АСТ, 2003. – 731 с.
6. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. – М. : Эксмо, 2003. – 480 с.

УДК 327.8

А. Я. Касюк, И. В. Манохин, И. К. Харичкин

Касюк А. Я., доктор исторических наук, профессор;
директор ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: imoispn@mail.ru

Манохин И. В., кандидат исторических наук;
и.о. ректора МГЛУ; e-mail: manokhin@linguanet.ru

Харичкин И. К., доктор философских наук, профессор;
заместитель директора ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: harichkin@starlink.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

В статье дается анализ глобализации в современном мире, отмечается ее управляемый характер со стороны ведущих мировых держав, рост сопротивления данному конкретному процессу со стороны некоторых стран Европы при понимании ими неизбежности глобализации. Обсуждаются основные концепции глобализации, проблемы влияния глобализации на современное мироустройство, взгляды западных политиков на формирование нового мирового порядка, точка зрения руководства России на многополярный мир. Особое внимание уделяется роли США в изменении всего комплекса сложившихся международных отношений, значению реализации плана Трансатлантического партнерства в сохранении евроатлантического единства, не допущению усиления влияния Германии в Евросоюзе. Рассматриваются позиции России и Китая по переходу от однополярного мира к многополярному. Отмечается роль России как лидера сопротивления унификации человечества, приверженность нашей страны мирному и справедливому миропорядку, без давления на страны мира военной и экономической мощью, угрозой войны. Делается вывод о неизбежном переходе мира к многополярности.

Ключевые слова: глобализация; глобализационные процессы; антиглобализм; однополярный; биполярный; многополярный мир; международные наднациональные структуры; мировые цивилизации; мировые центры; новый мировой порядок.

A. Y. Kasyuk, I. V. Manokhin, I. K. Kharichkin

Kasyuk A. Y., Director of the Institute
of International Relations and Social and Political Sciences MSLU,
Doctor of History, Professor; e-mail: imoispn@mail.ru

Manokhin I. V., Ph.D. (History), Acting president, MSLU;
e-mail: manokhin@linguanet.ru

Kharichkin I. K., Deputy Director of Institute
of International Relations and Social-political Science MSLU,
Doctor of Philosophy, Professor; e-mail: harichkin@starlink.ru

GLOBALIZATION AND NEW WORLD ORDER

The article analyses globalisation in the modern world, notes that it is controlled by the leading world powers and that some European states tend to resist this process, being aware of globalisation inevitability. The article discusses basic concepts of globalisation, its influence on the modern world order, Western politicians' ideas of forming the new world order and the view of Russian authorities on the multipolar world. Special attention is paid to the role of the USA in changing the established complex of international relations, the vital role of Transatlantic Trade and Investment Partnership in preserving the Euro-Atlantic accord, prevention of Germany's empowerment in the EU. The article examines the stance of Russia and China on transition from the unipolar to the multipolar world order, marks Russia's role as the leader that stands against universalization of mankind and Russia's commitment to peaceful and just world order without putting military and economic pressure on world states. The article concludes that the transition to a multipolar world order is inevitable.

Key words: globalization; globalization processes; antiglobalism; unipolar; bipolar and multipolar world; transnational and international organizations; world civilizations; world centres; new world order.

Глобализация: плюс и минус

Заканчивается 30-летняя эпоха неолиберальной глобализации (1970–2000-е гг.). В настоящее время глобализация вступила в новый этап. Он принципиально отличается от предшествующего. Наступает время соперничества крупных глобальных центров. Объективно возможны разные, в том числе и взаимоисключающие друг друга, варианты осуществления глобализации – как по ее целям, так и по путям и средствам их достижения.

Отношение к глобализации как специалистов, так и всех жителей нашей планеты очень неоднозначно, а порой и диаметрально противоположно. Это связано с разными точками зрения на последствия глобализационных процессов, в которых одни усматривают серьезную угрозу мировой экономической системе, а другие видят средство дальнейшего прогресса экономики. Несомненно, последствия глобализации могут носить как позитивный, так и негативный характер, однако альтернативы ей нет.

Глобализация приводит к углублению неоднородности, к возникновению новой модели мира – мира 20:80, общества одной пятой. 80 % всех ресурсов контролирует так называемый золотой миллиард, который охватывает лишь пятую часть населения планеты (в том числе

США и страны Западной Европы – 70 % мировых ресурсов). Проворачивающиеся 20 % стран распоряжаются 84,7 % мирового ВВП, на их граждан приходится 84,2 % мировой торговли и 85,5 % сбережений на внутренних счетах [8].

Вместе с тем глобализация – процесс в истории человечества неизбежный – объективный: прервать или остановить его течение может только очередная глобальная катастрофа – военная или геофизическая. Он порожден не волей тех или иных «глобализаторов», а протекает вне зависимости от желания и воли каждого из противников или сторонников глобализации. Однако объективная неизбежность процесса глобализации не означает, что он не может быть управляемым и не является давно уже управляемым.

На протяжении, как минимум, последнего столетия глобализация развивалась не стихийно, а протекала управляемо со стороны ведущих мировых держав, в первую очередь Соединенных Штатов Америки. Неприятие в остальном мире политики глобализации, проводимой США, рядом государств Европы и сложившимися в них транснациональными объединениями стало причиной сопротивления курсу на продолжение глобализации. Современная глобализация – это, по сути, распространение на весь мир западного строя, западной духовной и материальной культуры.

Американцев все кланят за то, что они весь мир хотят причесать под одну гребенку. Так, в настоящее время только 21 % граждан России относится к США хорошо, 68 % – плохо, при этом к Европейскому Союзу соответственно 26 и 60 % [6].

Однако народам мира нужна глобализация иного порядка, глобализация системы ценностей, которая бы в рамках всего мира равно уважала и выражала все существующие культуры, подходы и модели развития, полностью отражала бы всё многообразие и богатство различных цивилизаций. Глобализация вовсе не слияние всех в однородную массу. Это должен быть мир, в котором становится всё меньше барьеров.

В современную эпоху прозападные «общечеловеческие ценности» заковали мир в идеологические оковы, а западная цивилизация стала сводить на нет культурное многообразие Земли.

Основной спектр концепций глобализации в настоящее время, по сути, сводятся к трем:

- однополярный мир во главе Соединенными Штатами Америки;

- исламский всемирный халифат;
- многополярное устройство мира на базе региональных центров.

В середине 1990-х гг. разработана новая концепция управления миром: США могут сохранить лидерство только при глобализации всей планеты. Ключевым в новой стратегии доминирования является тезис: разобщенность представляет опасность; т. е. всякая самостоятельность, независимость стран и народов представляется опасной для системы управления миром [4].

Глобализация в сегодняшнем смысле началась с либерализации мировой торговли и с внедрения неолиберализма силами США и Великобритании. Она тесно связана с понятием «Новый мировой порядок», которое президент Буш – старший после крушения восточного блока произнес в сентябре 1990 г. в своей речи перед американским конгрессом [15]. Что же до мирового глобализационного устройства, то оно раскрывается следующими положениями, заявленными бывшим премьер-министром Великобритании М. Тэтчер: «На самом деле западная модель свободы реальна и универсальна, а ее вариации обусловлены лишь культурными и прочими особенностями. <...> Из этих размышлений вытекают определенные выводы, касающиеся международной политики. Только Америка имеет моральное право, а также материальную основу, позволяющие занимать место мирового лидера. <...> Нравится вам это или нет, но в «холодной войне» победу одержал Запад. И всё же главным победителем являются Соединенные Штаты. Только Америка имеет всё необходимое, чтобы возглавлять в соответствии со своим историческим и философским предназначением дело борьбы за свободу, и я это приветствую» [цит по: 19, с. 6]. Таким образом, всё более чем определено: глобализация – это гегемония победивших в «холодной войне» Соединенных Штатов Америки.

В арабском мире большие опасения вызывает желание США усилить однополярность мира. Неудивительно, что глобализация ассоциируется у них с «американизацией» мировой системы, «новым колониализмом». Мусульманские представления об экономике, о проценте и кредите в корне отличаются от англосаксонских. Взаимозависимость, свойственная мировому развитию в начале и в середине XX в., сменяется односторонней зависимостью «третьего мира» от «первого». Отсюда стремление к созданию всемирного исламского халифата – возникновение на базе объединения мусульманских стран

Азии и Африки исламской сверхдержавы – военно-экономического союза мусульманских государств, который бы мог потеснить Западную цивилизацию и стал бы аналогом Европейского Союза. По сути, концепция всемирного исламского халифата ничем не отличается от американского однополярного мира, ибо создаваемый халифат, по замыслу его идеологов, должен охватывать весь мир, так как «ислам является последней и самой совершенной религией, а Мухаммед – последним пророком Всевышнего».

У ислама более двух миллиардов приверженцев. И они вовлечены в «крестовый поход» по распространению ислама внутри немусульманского мира. Вся опасность этой кампании до сих пор недостаточно осознана, а соответствующие меры защиты не только не применяются, но даже еще и не разработаны. Вместе с тем опасность исходит не от ислама как такового, а от радикальных мусульман, пытающихся принудить весь мир жить по шариату (в их интерпретации) [1].

Для анализа перемен и оценки перспектив мировой политико-экономической системы в 2013 г. была образована международная экспертная инициатива «Постглобализация». В мае на конференции в Москве ученые из многих стран пришли к выводу, что экономический кризис привел к кризису Вашингтонского консенсуса и гегемонии США, открыв странам БРИКС путь более свободного развития. Кризис североамериканской гегемонии является результатом глубокого мирового кризиса, а не только следствием внутренних денежно-долговых затруднений США [12].

Пугая Европу «русской угрозой», энергетической зависимостью ЕС от Москвы, США готовят ее к колонизации. Предлагая взамен себя, т. е. поставки сланцевого газа, с помощью которого США надеются уже через несколько лет не только закрыть все свои потребности, но и выйти на внешний рынок. Но и газ – всего лишь предлог для того, чтобы найти способ еще надежнее привязать Европу к США. Сделать это Вашингтон рассчитывает через заключение договора о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве.

На самом деле дело вовсе не в изоляции России – ставки гораздо больше. Трансатлантическое партнерство – это главный план США для Европы, их голубая мечта и основной элемент для удержания в будущем евроатлантического единства. На одном НАТО и контроле элит обеспечить вечное господство не удастся – проект Единой Европы

все больше выходит из-под контроля англосаксов, постепенно превращаясь в немецкий план. Неслучайно одновременно с началом продвижения плана Трансатлантического партнерства Англия заявила о том, что недовольна нынешним состоянием дел в ЕС и может выйти из него, таким образом шантажируя и подталкивая европейцев к принятию американского плана.

С помощью «партнерства» США пытаются не только создать крупнейший в мире рынок, но и гарантировать себе положение его лидера. Объединение отражает интересы той части глобальной элиты, которая продвигает проект глобализации по-англосаксонски, – фактическое слияние США и Европы под американским главенством. Население нового гиганта будет составлять 800 млн – 11 % населения всей Земли, но на него придется почти половина мирового ВВП, треть глобального товарооборота, мощнейшие вооруженные силы [3].

Все разговоры насчет открытости, открытого общества и демократии служат только одной цели: ликвидации барьеров и снятия защиты национальных интересов относительно более слабых стран. Глобализационные процессы в этом случае используются «как идеологическая маскировка войны, которую западный мир во главе с США ведет против всего человечества за господство над всем миром» [18]. В феврале 1999 г. З. Бжезинский на закрытом заседании американско-украинского совещательного комитета по случаю присвоения ему звания «Почетный гражданин Львова» откровенно заявил: «Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России» [15]. Данное высказывание свидетельствует о том, что одной из целей стратегии США является подчинение России своим национальным интересам, поскольку «Кто владеет Россией, владеет миром». И справедливо отмечает В. Е. Багдасарян «...если Россия определяется как главное препятствие западного проекта, то в целях его реализации он должен проводить антироссийскую политику ... устойчиво воспроизводимые на Западе образы империалистической и автократической России» [5].

Вот почему важнейшие стратегические концепции политики Вашингтона в начале XXI в. сохраняют преимущество и являются ничем иным как продолжением линии «холодной войны» на создание «санитарного кордона» вокруг России с перспективой ее разделения на ряд управляемых государств.

Смысл глобализации примитивен – создать один глобальный рынок с единым центром управления и стандартизированным потребителем (естественно, с разными возможностями и уровнем доходов) от Никарагуа до Монголии. Контролировать послушность упирающихся на пути к своему «счастью» народов с помощью «прикармливания» элит и «промывания мозгов» народа через культурно-идеологические манипуляции. Таким образом, глобализация подменяется американизацией. Не случайно, современное антиглобалистское движение выступает под знаменем антиамериканизма.

В марте 2014 г. в Брюсселе прошел саммит ЕС – США. Для США он явился удобным моментом для начала нового наступления на Европу – речь шла уже не о санкциях против России, к которым они подталкивают европейцев. Ставки еще больше – форсировать создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, англосаксонского проекта, призванного закрепить за Старым Светом статус колонии Нового [9].

Глобализация: новые центры силы

Россия к началу XXI в. была единственной державой, которая противостояла давлению Запада и сохраняла свою самостоятельность на мировой арене. Россия, по замыслу субъектов глобализации, «должна быть частью Запада и должна как можно больше подражать Западу в своем развитии» [7]. Другими словами, Россия должна уступить свой суверенитет транснациональным корпорациям и международным организациям, а также, не считаясь с социальными последствиями, занять то положение, которое ей навязывают конструкторы нового мирового порядка.

Глобализация, по своей сути, такова, что победитель в ней может быть только один. И Россия обречена быть лидером сопротивления попыткам унификации человечества. «Мы будем стремиться быть лидерами, добиваясь уважения к национальному суверенитету, самостоятельности и самобытности всех народов мира», – этой формулировкой в своем ежегодном послании В. В. Путин фактически подтвердил, что Россия становится оплотом сопротивления всех традиционных сил политике глобализации, стирающей народы и уничтожающей цивилизации [16]. В этой формуле принципиален упор не просто на международное право, а на самобытность народов. То есть

право наций на собственный путь, то, что даже больше, чем формальный суверенитет, потому что мы знаем множество примеров того, как народы сохраняли свою идентичность даже под иностранным господством, и, напротив, можем сейчас наблюдать немало случаев потери под натиском глобалистской пропаганды национальных черт в формально совершенно независимых государствах [2].

В. В. Путин не стал прямо критиковать действий США, поставивших мир на грань крупнейшего конфликта с непредсказуемыми последствиями, но подчеркнул, что международное сообщество стояло перед судьбоносным выбором: «Либо скатываться к дальнейшему размыванию основ миропорядка, к торжеству права силы, к кулачному праву, к умножению хаоса, либо коллективно принимать ответственные решения». Международные наднациональные структуры должны перестать быть инструментом продвижения глобализации и превратиться в реальное место согласования интересов нескольких мировых цивилизаций (и крупных региональных блоков): англосаксонской (вместе с пока еще «пристегнутой» к ней континентальной европейской), китайской, русской, исламской, индийской, японской, иранской, формирующейся латиноамериканской.

История представляет собой арену бесконечной борьбы, в которой непрерывно меняются субъекты действия и доминирования, их цели, союзники и противники. Мировые империи прошлого строились, как правило, за счет военной силы. Но военная сила есть лишь средство. Наряду с ней могут быть использованы и другие средства, несмотря на то, что войны как классический инструмент глобализации не исчезают. Сегодня предпринимаются попытки ревизии итогов Второй мировой войны, ялтинско-потсдамской системы. То, что это может привести к новой мировой войне, – очевидно. Но здесь речь идет не вообще о глобальных процессах в человечестве, а об особой программе – попытке создания Нового мирового порядка. Однако отверженное большинство человечества всё больше и всё более радикальными средствами сопротивляется насаждению нового мирового порядка, под которым США понимают создание империи, которая возьмет под свой контроль весь мир, все страны и народности.

Россия и Китай (да и все остальные недовольные) заинтересованы в постепенном реформировании международных структур с тем, чтобы зафиксировать переход от однополярного мира к многополярному

с минимальными потерями для всех. Шансы на это имеются – немалая часть атлантической элиты понимает, что финансовых и идеологических сил для продолжения форсированной глобализации у них нет, лучше попытаться договориться, чем рисковать обрушением всей конструкции и тем более глобальной войной.

Но пока побеждает другая линия – во что бы то ни стало удерживать контроль над глобальными процессами и институтами, не пересматривать правила игры. И главное – не отказываться от политики давления в отношении России и сдерживания в отношении Китая. Вместе с тем, любая реакция Запада на действия России не повернет колесо истории вспять. Глобализация по-англосаксонски закончилась. Мир, представление о котором США хотели навязать другим, больше не существует. Крупнейшая геополитическая катастрофа XX в. – распад Советского Союза, ликвидация Варшавского Договора, Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), которые обеспечивали международно-политическое равновесие в мире – теперь уже окончательно ушла в прошлое, потому что теперь Россия устами своего Президента В. В. Путина не просто заявила о своем видении мира, но и стала эффективно и жестко отстаивать его.

Войны на протяжении истории нынешней глобальной цивилизации обусловлены большей частью непосредственно экономическими интересами, а идеологические конструкции были призваны скрыть за словами о высоких идеалах примитивное желание пограбить, поработить соседей или очистить от них территорию, на которой в дальнейшем намеревались жить сами агрессоры. Во второй половине XX в. процесс повторной колонизации возобновился в форме глобализации и «оранжевых революций». Социалистические режимы во многих странах сменялись на проамериканские и проамериканские – иногда путем военных переворотов, иногда путем внешних интервенций, иногда путем «оранжевых революций».

Россия всегда была альтернативным Западу центром силы – и там это понимали даже тогда, когда мы участвовали во внутриевропейских конфликтах в XVIII в. В. В. Путин, выступая на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г., остановился на вопросе, как не допустить, чтобы сегодняшние потрясения, связанные со сломом однополярного мира, стали преддверием краха и глобальной войны. Он сказал, что нужно помнить уроки истории,

которые говорят, что смена мирового порядка, которую мы наблюдаем сегодня, «как правило, сопровождается если не глобальной войной, не глобальными столкновениями, то цепочкой интенсивных конфликтов локального характера» [10]. Россия претендует на лидерство именно в борьбе за мирный переход к справедливому миропорядку.

«Холодная война» закончилась, но она не завершилась заключением мира. Не было «понятных и прозрачных договоренностей о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов». И сейчас В. В. Путин фактически предложил всему миру заключить мирный договор – тот самый, пропущенный в начале 1990-х гг., когда была сломана система сдержек и противовесов, на которой базировались международные отношения. В. В. Путин предлагает антиглобалистский проект многополярного мира, в котором все цивилизации становятся главными опорами нового порядка.

Президент РФ В. В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин постоянно говорят о дружеских отношениях, об усилении стратегического взаимодействия, причем всё чаще делая акцент на том, что две страны проводят согласованную линию в мировых делах: чтобы «удерживать мир в рамках международного права, для того чтобы делать его более стабильным» «для защиты совместными усилиями послевоенного мирового порядка» [17]. Все в мире понимают, о чем идет речь – две страны не позволят США диктовать им свою волю, более того, они взяли курс на вытеснение Вашингтона с позиции мирового гегемона.

В настоящее время формируются новые мировые центры экономического и политического влияния взамен рассредоточению власти, обусловленному упразднением биполярной системы международных отношений, при которой господствующее положение в мире занимали две сверхдержавы – США и СССР, в орбиту противостояния которых были втянуты практически все участники мировой политики. При всем разнообразии взглядов и мнений в мировом сообществе все больше утверждается позиция, исключающая абсолютное лидерство отдельных государств. Доминирующей тенденцией становится формирование многополюсного мира, что порождает альтернативы развития и открывает новые возможности для мирного разрешения международных споров и конфликтов. Уважение национального суверенитета каждого народа, его прав и культурной

самобытности – основа для строительства многополярного мира с несколькими сильными центрами, которые обеспечивали бы новое равновесие сил и интересов в мировой политике.

Сегодня ведутся войны нового поколения за новый передел мира таким образом, как это выгодно субъектам реализации концепции нового мирового порядка. В настоящее время стало очевидным, что в XXI в. мир вступил в эру построения информационного общества, для которого характерно создание единого глобального мирового информационного пространства. Сфера деятельности значительной части ТНК связана с разработкой гипертехнологий (или метатехнологий), к которым можно отнести сетевые компьютеры, новейшие компьютерные программы, организационные технологии, технологии формирования общественного мнения и массового сознания и др. В терминологии ООН появились и всё чаще звучат новые понятия: «гуманитарные операции», «принуждение к миру», правомерность которых обосновывается 42 статьей Устава ООН. Популярный ныне среди американских политиков и экспертов сценарий «принудительной демократизации все новых и новых стран», как показывает опыт 1999 г. в Югославии, 2001 г. в Афганистане и 2003 г. в Ираке, «либеральные демократии» (в данном случае США и страны НАТО) не менее рьяно «применяют насилие и агрессию» для реализации своих корыстных целей, пусть и прикрытых лозунгами «демократизации» других стран.

К началу XXI в. структура международных отношений приобретает более сложную конфигурацию, чем американоцентризм. Основная ее особенность – преодоление «однополюсности» («однополярности») и формирование «многополюсной» («многополярной») мировой модели. Потенциал США (военный, экономический, политический и др.) оказался явно не достаточным для поддержания мирового стратегического равновесия. С одной стороны, США сохраняют свой высокий мировой статус (на протяжении значительной части XX в. Америка производила более 30 % мирового валового продукта); с другой – к его концу усилилась мировая конкуренция (соответствующий показатель снизился до 20 %). И эта тенденция сохраняется.

В начале XXI в. формируется экономическая стратегия многополярного мира, когда несколько региональных центров пытаются

установить баланс национальных, региональных и мировых интересов. Суть принципа взаимозависимости в этом случае заключается в том, что в его рамках фиксируется высокая степень взаимосвязи современных государств мирового сообщества. Это касается практически всех сторон и направлений функционирования современной цивилизации: контролирования мировой военно-политической ситуации, баланса взаимоотношений между различными социально-экономическими системами, динамики научно-технического развития, социокультурных перспектив социума, экологической ситуации и т. п. Наряду с исторически сложившимися еще в XX в. мировыми центрами (США и Европейский Союз), повышается международный статус дальневосточного социально-экономического (Япония, Китай), азиатского (Индия, Южная Корея и др.), южноамериканского (Бразилия) центров и др. Имеются все предпосылки того, что таковым мировым центром к середине XXI столетия станет и Россия.

Итак, традиционный для середины XX в. «бицентризм», когда равновесие глобальной социально-политической системы уравнивалось двумя центрами стратегического влияния – СССР и США (в системе с дружественными странами), с начала 1990-х гг. сменился «моноцентризмом» («американоцентризмом»). Моноцентризм сложившегося типа не обеспечивал необходимого геостратегического мирового равновесия. Его альтернативой на рубеже XX–XXI вв. стала совокупность региональных объединений и союзов, в первую очередь БРИКС. Однако страны БРИКС вряд ли могут рассчитывать на безусловный успех, если не найдут активных и верных союзников в западном мире. Стремление к справедливости лишь выражает на языке морали осознание вполне объективных и назревших общественных потребностей [11].

Выступая на международном форуме «Территория смыслов», министр иностранных дел РФ С. Лавров объявил конец эпохи доминирования Запада. Он отметил: «Мы наблюдаем попытки (Запада) сохранить доминирование уже искусственным путем, в том числе за счет давления на другие страны, за счет использования санкций и за счет даже использования вооруженной силы в нарушение международного права, в нарушение Устава ООН. Это добавляет хаос в международные отношения» [13]. Запад действительно уступает свое лидерство практически по всем фронтам – управленческим,

идеологическим, экономическим. Так, нивелируется доминирование Запада через контроль за институтами глобального управления. МВФ, Всемирный банк уже воспринимаются как инструменты реализации американской политики (в том числе и для наказания непокорных), а не объективные организации, чьей задачей является глобальное развитие. Серия односторонних санкций Запада в отношении Ирана и России вызвала серьезное беспокойство ряда стран третьего мира, которые осознают, что завтра подобные злоупотребления могут быть применены и в отношении них. Поэтому они с таким энтузиазмом встретили возникновение параллельных Всемирному Банку и МВФ финансовых институтов – как в рамках БРИКС, так и, например, созданных Китаем для реализации своего плана «экономического пояса Великого шелкового пути». Безусловно, эти институты не заменят ни Международный Валютный фонд, ни Всемирный банк, однако у стран третьего мира как минимум появляется выбор.

Таким образом, постбиполярный мир на нынешнем этапе можно было бы назвать промежуточным. Глобальное доминирование Запада, сложившееся после «холодной войны», заканчивается, а многополярный мир еще не сложился. Однако наметившаяся тенденция очевидна – мир постепенно переходит от периода господства Запада к регионализму, другими словами к многополярности. И альтернативы такому новому мировому порядку нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.* Глобализация: возможны ли новые империи? // Наука и жизнь. – 2008. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.nkj.ru/archive/articles/13275/>
2. *Акопов П.* Антиглобалисты всех стран, объединяйтесь! // ВЗГЛЯД : Деловая газета, 13.12.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vz.ru/politics/2013/12/13/664290.html>
3. *Акопов П.* Ввести партнера в транс // ВЗГЛЯД : Деловая газета. – 25.03.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vz.ru/world/2014/3/25/678933.html>
4. *Аксюциц В.* Глобализация и глобализаторы // Свободная пресса. 02.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://svpressa.ru/blogs/article/94214/>
5. *Багдасарян Н. Е.* Конфликт Россия – Запад: пути выхода // Актуальная Российская повестка. Конфликт Россия – Запад: пути выхода : материалы научного семинара. – 2015. – Вып. № 2. Наука и политика [Электронный

- ресурс]. – Режим доступа : <http://vbagdasaryan.ru/konflikt-rossiya-zapad-puti-vyihoda/>
6. *Бахмайер П.* Глобализация и новый мировой порядок // Европейское действие: движение за свободную Европу [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.europaeische-aktion.org/Artikel/ru/Globalisazija-i-Nowuj-mirowoj-porjadok_140.html20
  7. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) : пер. с. англ. – М. : Международные отношения, 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wvm.palvn.ru/Library/Vzhezinskij.htm>
  8. *Владимирова И. Г.* Глобализация мировой экономики: проблемы и последствия // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cfin.ru/press/management/2001-3/10.shtml>
  9. Итоги саммита ЕС – США в Брюсселе // NEWSBOMB [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.newsbomb.gr/ru/story/
  10. Итоговая пленарная сессия XI Заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» : <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>
  11. *Кагарлицкий Б.* Марксизм в эпоху постглобализации // Россия в глобальной политике. – Май–июнь 2015, спецвыпуск. – С. 68–69.
  12. *Колташов В.* После глобализации // ВЗГЛЯД : Деловая газета. – 28.05.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vz.ru/columns/2013/5/28/634646.html>
  13. Лавров объявил конец эпохи доминирования Запада // Газета.Ру. – 24.08.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.gazeta.ru/politics/news/2015/08/24/n_7504541.shtml
  14. Мониторинг отношения россиян к другим странам: сентябрь // Левада-Центр. – 22.09.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.levada.ru/28-09-2015/monitoring-otnosheniya-rossiyan-k-drugim-stranam-sentyabr>
  15. *Плацинский А.* «Большая картина» нового мирового порядка: концептуальный анализ в контексте реализации внешнеполитической стратегии США // Геополитика. – 30.10.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.geopolitics.by/analytics/bolshaya-kartina-novogo-mirovogo-poryadka-konceptualnyy-analiz-v-kontekste-realizacii>
  16. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию. Российская газета, 12 декабря 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html>
  17. Путин и Си Цзиньпин строят новый миропорядок // INTERPOLIT : военно-политический журнал. 10.11.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://trade-room.com/news/putin_i_si_czinpin_strojat_novyj_miroporjadok/

18. *Пфаненитиль И. А.* Глобализация: проблемы и перспективы. – Красноярск, 2006. – 484 с.
19. *Якунин В.* Глобализация и капитализм // Развитие и экономика. – 2015. – № 13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://devec.ru/almanah/13/1846-vladimir-jakunin-globalizatsija-i-kapitalizm.html>.

УДК 327:338.124.4

Г. П. Лесников, И. В. Манохин

Лесников Г. П., доктор политических наук,
профессор кафедры истории и теории
международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: mo.kafedra@yandex.ru

Манохин И. В., кандидат исторических наук,
и.о. ректора МГЛУ; e-mail: manokhin@linguanet.ru

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Авторы статьи рассматривают методологию и современные практические аспекты сложившейся системы международных отношений и ряд концептов, обуславливающих объективную необходимость расширения ее сущностного содержания и логического построения в условиях активного «внедрения» в предмет межгосударственных отношений вопросов мировой экономики и международных отношений. В связи с тем, что во внешней политике большинства государств экономические отношения часто игнорируются и не предусматривается целесообразность их рассмотрения в единой системной «материи» международных отношений, кризисы в мировой политике нередко ведут к неустойчивому развитию мировой экономики. Актуальность и разрешение этих противоречий требует внимательного теоретического исследования и соответствующих предложений политическому руководству страны.

Ключевые слова: системность международных отношений; мировая политика и мировая экономика; международные экономические отношения; экономический и политический кризис; диалектика отношений экономики и политики.

G. P. Lesnikov, I. V. Manokhin

Doctor of Political Science, Professor of the Department
of Theory and History of International Relations,
Institute of International Relations and Social-Political Studies, MSLU;
e-mail: mo.kafedra@yandex.ru

Manokhin I. V., Ph.D. (History), Acting president, MSLU;
e-mail: manokhin@linguanet.ru

THE DIALECTICS OF THE RELATIONSHIP AND INTERDEPENDENCE OF WORLD POLITICS AND ECONOMY IN THE MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

The authors of the article examine the methodology and modern practical aspects of the existing system of international relations and a range of concepts

which determine the objective necessity to extend its ontological content and logical structure in conditions of active penetration of the matters of world economy and international relations in the object of intergovernmental relations. Given that in most states economic relations are often neglected and the reasonability of regarding them as the integrated systematic matter is not provided, international relations crises in world politics often lead to unsustainable development of the world economy. The urgency and resolution of these conflicts require careful theoretical research and corresponding suggestions to political leaders of the country.

Key words: the system of international relations; world politics and world economy; world economic relations; economic and political crises; the dialectics of “economic”-“politics” relations.

Вопросы влияния одного процесса на другой, одного явления на другое или в целом, процессы субъектно-объектных отношений вряд ли целесообразно рассматривать и анализировать в линейном изменении отношения между лидерами и зависимыми странами. Ибо результат анализа может оказаться односторонним и практически не-транспарентным. И если это касается политики (а предметом нашего исследования является мировая политика и процессы ее влияния на мировую экономику), то принятие политических решений на базе «линейного» подхода к анализу международных отношений вряд ли окажется – объективным и эффективным. А это означает, что исследование природы любого явления и, тем более, социального (общественного), обязательно должно рассматриваться в соответствующей системе взаимосвязей.

Таким инструментом анализа общественных отношениях, в том числе и в международных, может быть уже сложившаяся модель отношений и набор целого ряда факторов, воздействующих на данную модель как с позитивной, так и с негативной стороны, но в целом «определяющие характер современных глобальных вызовов и угроз...» [3, с. 49]. Например, сложившаяся еще в 1648 г. Вестфальская модель отношений между государствами представляет лишь некое очертание международных отношений, но принципы этих отношений, сформированные в историческом прошлом, до сих пор являются концептуальными как для анализа, так и в качестве исходной базы совершенствования современного миропорядка и обеспечения безопасности народов мира.

В то же время, если в историческом прошлом предметом мировой политики между сложившимися государствами являлись вопросы войны и мира, формирования альянсов и раздела влияния, а также

выработки некоторых правил поведения в отношениях между государствами, то в современных условиях структура и сфера этих отношений, а также предмет и правила поведения имеют более насыщенные и глубоко взаимосвязанные интересы, формы их проявлений, международные правила поведения и меры ответственности в системе отношений между государствами.

Вот почему на смену «линейному» анализу, разработки теории международных отношений и строительства мирового порядка, насыщенного системой интеграционных связей и отношений всех стран мира, должны прийти более научные методы анализа и разработки инструментария координации и регулирования этих связей. Механизмом и инструментарием такого анализа должны стать не только все элементы и структурные звенья системы мировой политики, но и прочно сложившийся механизм международных экономических отношений, функции мировых рынков, деятельность ТНК и неправительственных организаций, которые в совокупности и составляют суть современной системы международных отношений. А если учесть, что в теории глобализации целого ряда исследователей роль и место государства практически утрачивают свою данность в будущих международных отношениях из-за целого ряда объективных условий и субъективных факторов, то защита прав государства в этой системе отношений сегодня должна оставаться единственной и важнейшей задачей с точки зрения научного обоснования государства в качестве актора и решающего звена современных международных отношений.

Другое дело, что и в современных условиях большинство стран мира (и прежде всего страны Африки, многие страны Юго-Восточной Азии и частично – страны Латинской Америки) выступают в качестве вассалов ведущих стран мира. Многие из них (и особенно африканские страны), получив статус независимых государств, остаются в статусе вассалов и сателитов и будучи зависимыми от «помощи» сильных государств, идут в фарватере их международной политики. Так, анализируя причинно-следственные связи подчиненности африканских стран западным монополиям, Г. М. Сидорова в своей монографии пишет : «...Анализ фактов и событий приводит к мысли о том, что в африканской политике западных «доноров» мало что изменилось с колониальных времен. Помощь по-прежнему является для них прежде всего мощным инструментом для сохранения своего

присутствия в богатых природными ресурсами африканских странах» [14, с. 237].

В этой связи представляется, что именно диалектический метод анализа, активное использование сравнительно-сопоставительных характеристик в деятельности всех субъектов мировой политики и экономики, а также системный подход к разработке инструментария прикладных инструментов международных отношений, акторами которых являются именно государства – должен выступать в качестве наиболее объективного аналитического метода в исследовании указанной проблемы.

Речь идет о том, что одним из ключевых элементов механизма и инструментария анализа процесса международных политических и экономических отношений и характера их взаимодействия и развития в сложившейся системе современного мирового порядка выступает метод синтеза. И актуальность использования подобного метода анализа объясняется тем, что во многих учебниках и монографиях по проблемам мировой политики такая взаимосвязь экономики и политики освещается слабо либо рассматривается лишь в контексте предмета мировой политики, а не в качестве ведущего методологического инструмента анализа всей системы международных отношений. А это приводит, как подчеркнул в своем Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин, «...к смешению экономики и политики ... а не наоборот: снимают барьеры для торговли, для обмена технологиями и инвестициями, для свободного передвижения людей...» [12]

Нередко в теоретических исследованиях по вопросам международных отношений подчеркивается лишь наличие политэкономических очертаний в самой мировой политики (рамочный подход). Тогда как практика мировой политики (межгосударственные договоры и соглашения по вопросам торгово-экономического сотрудничества, развития и потребления энергетических ресурсов мира, политика манипулирования мировыми ценами на газ, государственные долги, вопросы формирования региональных экономических и политических объединений и др.) уже более 50 лет активно использует в своем дипломатическом инструментарии реальный и мощный инструмент экономической политики в формате экономической дипломатии, курс который сегодня активно преподается в ряде вузов стран мира.

Как показывает исторический опыт познания (изучения) общественно-политических процессов, они (например, мировая политика), выступающие вначале в качестве практики и тенденций, рано или поздно должны получить свое качественное новое теоретическое (научное) обоснование объективных взаимосвязей с системой экономических отношений. И действительно в мировой практике ряда зарубежных стран, активно участвующих в мировой политике, научные центры и кафедры, изучающие в учебном курсе единую дисциплину: «мировая политика и международные отношения», вопросы мировой экономики и политэкономии остаются вне теории и практики международных отношений. Это тем более слабо воспринимается, когда предметом современных международных отношений являются и международные экономические отношения, и мировые валютно-кредитные отношения, и проблемы государственных долгов, политика противоречий между государствами по поводу строительства «северного» и «турецкого» потоков и т. д. При этом, как представляется, здесь никакого противоречия нет: само понятие «отношение сторон» – это и есть отношения субъектов мировой политики.

И тем не менее часто дипломатические отношения, различные дипломатические миссии крайне сдержанно связывают свою деятельность в контексте с экономической дипломатией. Еще более сдержанно, если не сказать «изолированно», эти два предмета (мировая политика и мировая экономика) изучаются в вузах многих стран мира, в том числе и в России. Но именно современная практика единения и взаимосвязи мировой политики и экономики, процессы международной политической и экономической интеграции, процессы формирования региональных объединений однозначно подчеркивают, что мировая политика и экономика – это одна целостная системная наука, которая условно сегодня должна быть обозначена как – международные отношения в различных сферах и в различных формах ее проявления. А мировая политика должна выступать в качестве инструмента реализации тех самых международных политических и экономических отношений.

Именно в этой связи для усиления и адаптации экономических отношений к природе предмета международных отношений в контексте учебного курса всё активнее внедряется курс «политическая экономия международных отношений», в рамках которого изучаются политико-

экономические мировоззрения А. Смита, Дж. Миля, К. Маркса, Дж. Кейнса и представителей ряда других политэкономических школ. И если с точки зрения науки, естественная природа (ее элементы и процессы) сформировались и развиваются в соответствии с системными взаимосвязями и взаимозависимостью ее элементов в рамках общего биохимического процесса, что и обуславливает благоприятные условия для развития жизни на Земле, то и общественно-политические отношения как в обществе, так и между нациями должны строиться и развиваться в определенных формах отношений и, соответственно, на базе диалектической и системной связи.

В свое время Ф. Энгельс подчеркивал, что «...вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел ... и общество в соответствии с законами своего развития должно представлять собой систему элементов, звеньев и связей ... в границах разумной достаточности отношений...» [8, с. 392]. Отсюда следует, что и подобные «отношения» должны строиться и развиваться в системе общественно-политических связей в рамках международного политического и экономического сотрудничества. А диалектический метод познания в качестве инструмента их анализа призван рассматривать эту совокупную модель связей и отношений между государствами и обеспечивать базовую основу для анализа, практики и принятия решений в системе международных отношений в условиях соответствующего миропорядка.

Но как показывает опыт и теория международных отношений, а также механизм развития мировой политики – отношения между государствами (между группами государств), предметы их отношений развиваются в разноректорных направлениях: в одних случаях господствующие позиции занимает школа «мировой политики», в других – школа «международных отношений». И редко, когда в ведущих вузах мира имеются кафедры или центры по изучению и выработке системного подхода к международным отношениям как единого политико-экономического предмета и механизма внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Наиболее полно такой подход к международным отношениям можно наблюдать в таких странах, как США и Япония. Но во всех случаях каждое государство в своих интересах разрабатывает собственную стратегию отношений с другими странами, которые часто имеют «двойной стандарт».

Поэтому понятия «политика государства» и «отношение одного государства к другому» строятся часто избирательно, что вызывает неоднозначность трактовки сущности этих двух понятий в теории международных отношений. Например, если Вудро Вильсон (президент США) 8 января 1918 г. в своем послании Конгрессу утверждал, что «...необходимо, насколько это возможно, устранение всех экономических барьеров и установление равенства для торговли всех наций ... что национальные вооружения будут сокращены до предельного минимума ... что при решении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны будут иметь одинаковый вес ... с решением правительств стран мира...» [1, с. 21], то на практике, в реальной внешней политике США указанного периода, можно было наблюдать следующие тенденции противоречий :

во-первых, сам В. Вильсон проявил лицемерие, выразившееся в том, что США так и не вступили в Лигу наций, за создание которой президент активно боролся. Так же, как и сегодня, США не подписали Киотскую Конвенцию по защите окружающей среды;

во-вторых, во всех войнах после Второй мировой войны именно США являются либо их открытыми инициаторами, либо скрытыми сторонниками многих региональных войн. Об этом, в частности, свидетельствует политика США и их отношения между государствами в борьбе с «джахондистами», а сегодня и с бандитами так называемого государства «ИГИЛ»;

в-третьих, все экономические санкции, шантаж и эмбарго против стран, не поддерживающих курс США, объявлены политиками этой страны «исчадием зла», «врагами демократии» и противниками американских «ценностей»;

в четвертых, именно США в целях завладения природными ресурсами России сегодня проявляют максимальные военно-политические усилия, в том числе и дипломатические, направленные на дискредитацию России и особенно осознанно обострили международные отношения в связи с воссоединением территории Крыма с исконно русской территорией.

Такие же проявления противоречий в системе отношений между государствами сегодня можно наблюдать и в политике ряда западноевропейских стран, Японии и Канады.

В результате современная мировая политика обусловила не только международную нестабильность в отношениях между крупными

державами, но и их стремление в условиях победы в «холодной войне» перекрыть сложившийся мировой порядок в интересах все тех же держав, но уже за счет игнорирования интересов экономически слабых государств. Эти же позиции ведущих стран мира сегодня можно наблюдать и по отношению к геополитическим и геоэкономическим интересам России.

Современная мировая политика как инструмент международных отношений (в лице международных институтов и ведущих стран мира) стала не только и не столько более совершенной, гибкой и благоприятной, сколько более изощренной, а порой и жестокой. И главным содержанием в их политике являются экономические интересы, природные ресурсы (других стран), валютно-кредитная и курсовая политика, экономические санкции и, в конечном итоге, обеспечение мирового экономического и военно-политического господства. А это, в свою очередь, обуславливает у большинства стран мира инстинкт самосохранения и защиты от складывающихся напряженных отношений между крупными государствами. В результате в процессе международной экономической интеграции создаются региональные международные политические и экономические объединения, многие страны проводят протекционистскую политику по отношению к другим странам относительно перемещения товаров, услуг и миграции населения.

Верхом цинизма борьбы за защиту «западных ценностей» и демократию, объявленную со стороны США и Евросоюза, можно назвать такой экономической инструмент, как «экономические санкции» против национальных интересов России в системе мирового порядка и на мировых рынках. Эти санкции не только являются прямым нарушением принципов ВТО, но разрушительно действуют на саму систему международных экономических отношений между государствами в процессе мировой политики. Вот почему здесь важно обратить внимание не только на характер развития отношений между субъектами мирового порядка, но и на возможность разрушения системы экономических отношений именно со стороны всё тех же субъектов международных политических отношений (речь идет о влиятельных «теневых» монопольных групп, которые в «закрытом» режиме своей политикой влияют и на состояние валютных отношений, и на объемы и цены на минеральные ресурсы на мировых рынках). Речь идет

о том, что в современных условиях «чистые» государственные внешнеполитические решения уже давно не принимаются в рамках самого государства, тем более государствами, утратившими реальную независимость в области внешней политики.

Сегодня в мире внешней политикой, в частности экономическими отношениями, занимаются крупные финансовые магнаты и группы промышленно-сырьевого сектора мирового рынка. Речь идет о таких 13 мировых «семействах», как: Ротшильды, Рокфеллеры, Кеннеди, Виндзоры, Ганноверы, Медичи, Круппы, Плантагенеты, Сент-Клеры, Брюсы, Варбурги (дель Банко) и, наконец, Романовы (представители бывшего царского двора Романовых).

Нарастающие тенденции противоречий в системе международных отношений, где каждое государство как основной актор этих отношений и особенно «сильные» в военно-политическом и экономическом отношении государства выстраивают свою политику в соответствии с интересами и на основе договорных отношений с другими государствами. Но при этом такие договорные отношения между государствами (например, договоренность США с руководством стран Евросоюза о санкциях против России) должны:

во-первых, быть заявлены в Организации Объединенных Наций и ВТО;

во-вторых, эти намерения должны быть одобрены Советом Безопасности ООН;

в-третьих, эти санкции должны носить выборочный характер и меньше всего касаться партнерских отношений между хозяйствующими субъектами стран. Ибо государства строят свои отношения между собой по тем или иным вопросам, но не с хозяйствующими субъектами этих стран, так как нарушение интересов последних бумерангом затрагивает такие же интересы хозяйствующих субъектов стран-инициаторов, объявивших эти санкции (например, сегодня в результате политического и экономического кризиса в мировой политике достаточно сильно страдают банки и компании не только в России, но и подобные хозяйствующие субъекты высокоразвитых стран, объявивших экономическую войну России). И, в частности, речь идет об аграрном секторе и банковской системе Евросоюза. Сегодня эти потери исчисляются более одного

трлн долл. США. При этом резкое падение цен на мировых рынках на энергетические ресурсы, валютное противостояние и другие кризисные явления обуславливают снижение, а иногда в целом уводят в минус не только национальные экономики, но и мировой рынок в целом.

Становится понятно, что если в этот клубок противоречий между национальными экономиками не вмешается международный политический регулятор и механизм международного права, то противоречия могут перерасти в военно-политический кризис. В этой связи, в свое время, И. Кант был прав, когда писал работу «К вечному миру» (1815): «Политические максимумы должны исходить не из цели, которую ставит перед собой каждое государство (не из их интересов и пожеланий) как высшего принципа государственной мудрости, а из чистого понятия правового долга в “чистом разуме”» [4, с. 301]. И неважно, что в данном случае И. Кант рассматривал межгосударственные отношения и их реализующую политику в контексте права и морали. Важно, что эти «элементы» международных отношений также влияют с позиции морали и права на формирование условий стабильности и степени активности торгово-экономического сотрудничества в рамках системы международных отношений.

С другой стороны, о степени воздействия военно-политических отношений между государствами на состояние мирового порядка и возможности его деформации говорил В. В. Путин на Мюнхенской международной встрече по безопасности в г. Мюнхене в феврале 2007 г.: «...Проблематику международной безопасности необходимо понимать намного шире вопросов военно-политической безопасности ... А именно – это обеспечение устойчивости мировой экономики, преодоления бедности, экономической безопасности и развития межцивилизационного диалога» [2]

И уже будучи Президентом России В. В. Путин после очередного заседания стран БРИКС сделал следующее заявление относительно нарастающей роли в стабилизации мирового порядка со стороны этой группы стран: «...Не стоит сомневаться, что экономический потенциал этой группы стран как нового центра мирового роста будет неизбежно конвертироваться в рост политического влияния и усиление позиций сторонников многополярного мира» [13]. На практике получается, что субъекты мировой политики, группируясь в отдельные

политикоэкономические и военные альянсы, постепенно дистанцируясь друг от друга, перестраивают и саму систему мирового порядка. Другое дело, что такие «перемещения» в рамках и с позиции мировой политики могут привести к угрожающим последствиям в сфере международных экономических отношений. И это, к сожалению, сегодня мы наблюдаем в реальном исполнении, но пока в слабо выраженном. В дальнейшем такие противоречия могут привести ко всеобщему мировому хаосу.

Недавнее историческое прошлое в развитии международных отношений показывает, что процесс мировой политики как инструмента системы международных отношений под воздействием различных объективных условий и субъективных факторов может быть ангажирован под воздействием интересов крупного капитала. А это, в свою очередь, обусловило состояние «холодной войны», длившееся несколько десятилетий. Однако, убедившись, что мировой порядок оказался на краю гибели, все тот же крупный капитал дал отмашку политикам западных стран перейти от конфронтации с социалистическим лагерем к сохранению и поддержанию устойчивого мирового порядка на основе сложившегося «баланса сил». А в дальнейшем будучи уверенным, что с распадом СССР и Варшавского Договора, Россия в новой системе координат «отношений» мирового порядка уже не в состоянии играть какую-либо ведущую роль в мире, переформатировал биполярный мир на принципы однополярного господства в системе международных отношений с подчинением такому «миру» и всей системы «мировой экономики» в интересах все того же крупного капитала. При этом проводниками в борьбе за интересы Евросоюза, США, Канады, Японии и других ведущих стран мира стала не только внешняя политика этих государств, но и их мощные финансовые, экономические и научно-технологические компании и прежде всего высококонкурентные машиностроительные, информационные и финансовые корпорации, начиная от корпораций «Boing», «Airebus», «Microsoft», «Generalmotors» и заканчивая такими финансовыми группами, как «Citygrup», «Manhattanbank», MVF, «Mastercard» и другими финансовыми учреждениями. При этом важно учитывать, что таких крупномасштабных корпораций, занимающих сегодня господствующие позиции на мировых рынках, около 500 единиц, в структуре которых насчитывается более 60 тыс. филиалов и дочерних компаний практически во всех странах мира.

Сегодня цели, задачи и характер деятельности таких компаний и банков уже хорошо известны. И поэтому их транснациональная политика должна быть предметом внимания не только стран глав – государств G-20, но и Международного Суда в Гааге, не говоря уже – о специальном комитете ООН и о «разбирательствах» в специальных комитетах ВТО.

Вместе с тем, все тот же исторический опыт взаимодействия двух политических и экономических систем на принципах «биполярного мира» показал, что принцип поддержания «баланса сил» между США и бывшим СССР, несмотря на остроту противоречий и конфронтаций, на протяжении 50 лет обеспечивал гарантии международной безопасности. Но такой порядок держался на страхе и ответственности стран этих двух блоков без гарантий для будущих поколений. Однако, несмотря на ограниченность таких гарантий, именно «переход» к разрядке в сфере военно-политической конфронтации между двумя блоками (группами) стран обеспечил благоприятные условия для установления большого количества договоренностей в системе торгово-экономического сотрудничества, повышения роли ООН и международных экономических и финансовых институтов в поддержании стабильности, нерушимости границ и сохранения мирового порядка на протяжении более 50 лет. В частности, был показательным в этом отношении ряд документов, принятых на заседаниях ГА ООН: 3171 / XXIII, 1973 г.: «О постоянном суверенитете государств над естественными ресурсами». В 1974 г. принимается «Хартия экономических прав и обязанностей государств», а в мае 1974 г. – «Программа действий по установлению нового международного экономического порядка».

В декабре 1983 г. ГА ООН принимает Резолюцию по вопросу «Экономические меры как средство политического и экономического принуждения по отношению к развивающимся странам».

Однако после распада СССР, блока стран Варшавского Договора и стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), а значит, ослабления военно-политических и экономических позиций современной России как правопреемницы СССР, именно бывшие союзники и партнеры по «разрядке» мощным накатом финансово-экономического и военно-политического давления разрушили сложившийся по Хельсинскому договору (май 1975 г.) мировой порядок.

И в качестве «победителей» в «холодной войне» начали «строить» новую систему международных отношений и мирового порядка, опирая не только принципы Вестфальского договора, но принципы построения миропорядка в условиях современных международных отношений в интересах крупного капитала и ведущих стран мира.

Активное продвижение идей современного теоретического течения в лице школы «транснационализма», как одного из ведущих направлений и реального фактора, воздействующего на систему международных отношений, свидетельствует о том, что в структуре мировой политики появляются качественно новые «игроки» в мировой политике разрушения принципа ведущей роли государства в качестве главного фактора поддержания стабильности. В частности, Джозеф Най и Роберт Кохейн в совместных научных работах утверждают, что в современных международных отношениях закладываются принципы неолиберализма, который предполагает всевозрастающую роль транснациональных корпораций в качестве «новых» акторов в системе принятия политических решений в международных институтах. В результате происходит некоторое «размывание» понятий «международные организации» и «международные институты» и их трансформация в «кластеры межправительственных и трансправительственных сетей» [11, с. 27].

В частности, Дж. Най, развивая теорию «мягкой силы» в системе международных отношений, утверждает, что «экономические отношения между государствами – это и есть один из важнейших инструментов совершенствования всей системы международных отношений» [10, с. 87]

К проблемам необходимости разработки механизма формирования системы гармонизации отношений между государствами в системе международных отношений посредством применения экономических механизмов и инструментов сегодня активно подключаются специалисты не только по международным отношениям, но и экономисты, философы, юристы. В частности, профессор экономики и политологии Калифорнийского университета Макл Д. Интрилигейтор в поисках путей, средств и сфер конвергенции различных течений в единый механизм гармонизации мировой системы пишет: «...Новая мировая система создается в изменившейся ситуации ... в условиях интеграционных процессов, попытках перехода бывших социалистических

стран к демократии и рыночной системе хозяйствования, неспособности и агрессивности Запада к интересам России ... При этом политика расширения НАТО является, видимо, самой серьезной ошибкой в период после холодной войны...» [6].

В заключительной Декларации Международного конгресса философов, состоявшегося в мае 1993 г., было написано: «Сегодняшний мир несовершенен, и есть основания опасаться, что он никогда совершенным не станет. Насилие, смерть, нетерпимость могут его сделать лишь еще более жестким и мрачным. Сегодня нет альтернативы политике терпимости, открытости, прогресса и мира. Для решения этих задач необходимо ... создание условий для развития ... социальной и экономической жизни без высокомерия во взаимоотношениях между ... сообществами...» [9, с. 2].

Конечно, вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что «отношения между обществами никогда совершеннее не станут», но если международные отношения с научной точки зрения рассматривать лишь в линейном измерении, то, действительно, отношения между государствами и нациями могут погрязнуть в конфликтах и санкциях.

Другой американский политолог и экономист из Калифорнийского университета утверждает, что «...современные неолибералисты и неореалисты, имея некоторые различия во взглядах на природу современных международных отношений, тем не менее сходятся в главном – экономические отношения и экономические акторы – это естественное состояние и содержание системы международных отношений» [15, с. 45].

Такие позиции только подтверждают наше понимание того, что рассмотрение сущности и содержание современных международных отношений возможно только посредством диалектического метода анализа их текущего состояния. При этом одним из ключевых инструментов их совершенствования и вывода из состояния конфликтности и депрессии мировой политики возможно лишь при условии их рассмотрения с позиции диалектики их современного состояния. А это значит, что международному сообществу в рамках G-20, ООН, МВФ и ВТО необходимо разработать конструктивный план и практические механизмы выравнивания мирового ВВП среди участников мирового производства и обмена.

Именно диалектический метод анализа и системное понимание природы производительных сил и производственных отношений в обществе позволили К. Марксу сделать вывод о том, что «они (эти составляющие элементы) развиваются как внутри себя каждый в отдельности, так и в борьбе между собой (в соответствующих отношениях и противоречиях. – *Ред. Г. Л.*) ... образуя некую органическую систему ... Сама эта органическая система как совокупное целое состоит как из подчиняющихся ей элементов общества, так и создает условие ... для создания недостающих ей органов ... Именно таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность» [7, с. 229].

Рассматриваемые сущностные и содержательные концепты современной системы международных отношений в контексте сложившихся теорий о «мировом порядке»: школы политического реализма, политики либерализма, транснационализма или марксистской теории «миро-системности» также должны разрабатываться посредством дедуктивного и индуктивного и сравнительно-сопоставительного методов познания и разделения общего на частные элементы на основе глубоко анализа «анатомии» «общего» и «частного» в системе международных отношений и привести ее к некоему знаменателю интересов всех субъектов мировой политики, составляющих эту систему отношений.

Но если учесть, что ряд специалистов по данному вопросу рассматривают такие «элементы» мировой политики, как мировые рынки, валютно-финансовые отношения, систему договорных отношений, а также деятельность ТНК, лишь в качестве «отдельно развивающихся процессов» в системе межгосударственного сотрудничества, то в таком случае вряд ли можно выявить новые качественные характеристики и условия для научного понимания сущности современной теории международных отношений. Например, М. М. Лебедева в своей монографии подчеркивает: «...В 70-е годы XX века в период конфронтации двух мировоззрений и лагерей предметом анализа международных отношений была лишь политика высокого уровня. В то время как «проблемы экономики уходили на второй план, получив название “политика низкого уровня”» [5, с. 51].

Именно с точки зрения методологии, разработанный еще К. Марксом, принцип «системности» и взаимосвязи элементов природы

и общества лежит в основе «совокупности множества относительно устойчивых систем, звеньев и элементов, в процессе полисистемного развития и перехода в некую совокупность материального мира» [8, с. 392]. Но именно эти «элементы» и «звенья» пока еще объективно и субъективно не сложились в некую единую «системность» современного мирового порядка.

К сожалению, большинство экономистов и политологов, рассматривая все факторы и источники «развития» и «роста» национальных и мировой экономики лишь с точки зрения возможностей инвестиций, спроса и предложения на рынках, покупательной способности потребителей и эффективности предпринимательской деятельности, практически мало связывают эти процессы с состоянием механизмов и инструментов мировой политики и системы международных отношений. И если учесть, что эта «природа вещей» остается и сегодня главным содержанием развития природы общества, то и системность, и диалектический метод анализа международных отношений должны рассматриваться во взаимосвязи мировой политики с мировой экономикой.

Следовательно, чтобы решить вопросы обеспечения эффективности создания и функционирования международных отношений как системы, как единого механизма мировой политики и международных экономических отношений, необходимо прежде всего разработать методологическое обоснование такого «единства» и лишь затем формировать новую систему нового мирового порядка в отношениях между государствами. Хотя, по большому счету, процесс перехода сложившегося после Второй мировой войны системы миропорядка сегодня активно переходит в качественно новое состояние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вильсон В.* 14 пунктов по установлению мира : Послание Конгрессу США 8 января 1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://archiv.theBrookingInstitutionWashington.01>. – 1987. – С. 94.
2. Выступление В. В. Путина на Международной конференции в г. Мюнхене. Февраль 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=PkyjYKYIW0>
3. *Ивашов Л. Г.* Глобальные угрозы человечеству и мировая роль России // Геополитика. Международные отношения. Социология. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 48–61. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25).

4. *Кант Э.* Трактат «К вечному миру» // Соч. – Т. 5. – М. : Философское наследие ; Мысль, 1966. – 301 с.
5. *Лебедева М. М.* Мировая политика. – М. : Аспент-Пресс, 2003. – 350 с.
6. *Майкл Д.* Интрилигейтор [Электронный ресурс]. – Режим доступа : srezcor001blogspot.ru/2012/01/
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Экономические рукописи. 1857–1859 гг. – Т. 46, ч. I. – М. : Политическая литература, 1968. – 617 с.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. : в 50 т. – Т. 20. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1965. – 828 + xxii с.
9. Материалы XIX Международного конгресса философов. – М. : РАГС, 1993. – 324 с.
10. *Най Дж.* Мягкая безопасность по Дж. Наю. – N.Y. : Public Affair, 2004. – 187 с.
11. *Най Дж.* Транснациональные отношения и мировая политика // Р. Кхейн. Власть и взаимозависимость : мировая политика в переходный период. – М. : Полит. лит., 1977. – С. 256.
12. *Путин В. В.* Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. – 04.12.2014.
13. Путин В. В. на Пленарном заседании саммита БРИКС. 16.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [Youtube.com/watch?v=soTErltw4A](https://www.youtube.com/watch?v=soTErltw4A)
14. *Сидорова Г. М.* Вооруженные конфликты в Африке. – М. : Восточная литература, 2013. – 398 с.
15. *Хелл Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э.* Глобальные трансформации : политика, экономика, культура / пер. В. В. Сапова. – М. : Праксис, 2004. – 274 с.

УДК 343.6

И. Ю. Никодимов

доктор юридических наук, профессор,
кафедра правоведения, МИРЭА
e-mail: inikodimov@rambler.ru

КОМБИНАТОРИКА ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ

Еще древние греки начинали изучать и систематизировать формы и типы государств. Они пытались найти общие тенденции и закономерности; определить, что является уникальным для каждого государства, а что – общим и закономерным; определить, какое государство является наиболее правильным. Сократ и Платон, Аристотель и Полибий много времени уделяли изучению государства. Данный вопрос интересовал ученых и политиков позднего Средневековья (Макиавелли) и, конечно же, представителей Нового времени (К. Маркс и Ф. Энгельс). Не менее актуален он и в XIX–XX вв. (Бакунин и Ленин). Предлагается ввести оценку типа государства по общественно-экономической формации, форме, содержанию и режиму, а также ввести индекс OFSR для характеристики типологии государства, что позволит однозначно определить и прогрессивность, и демократичность государства и не позволит политикам путать и дезинформировать общественность.

Ключевые слова: типология государства; политические режимы; OFSR индекс.

I. U. Nikodimov

PhD (Doctor of Law), Professor, Law Department,
Moscow Technological University (MIREA);
e-mail: inikodimov@rambler.ru

COMBINATION ANALYSIS OF GOVERNMENT FORMS

The ancient Greeks tried to study and systematize forms and types of states. They tried to detect general trends and patterns. Tried to define what is unique to each of the states, and what is common and natural. Tried to determine which state is the most proper and good. Socrates and Plato, Aristotle and Polybius lot of effort on the study of the state. This question was asked of scientists and politicians of the late Middle Ages (Machiavelli) and, of course, contemporaries of the Modern Age (Marx and Engels). It is no less relevant in the present moment (Bakunin and Lenin). Set the evaluation type of the state in socio-economic structure, the Form, Substance and Regime. Prompted to enter the index of the OFSR to characterize the typology of the state that will uniquely identify the progressive and democratic character of the state and will not allow politicians to confuse and misinform the public.

Key words: the typology of the state; political regimes; OFSR index.

Основными понятиями в комбинаторике, используемыми для определения количества возможных комбинаций, являются:

Размещение, которое показывает, сколько возможных вариантов N из K может быть, если нас интересует очередность мест. Они определяются по формуле:

$$A_n^k = n(n-1)\dots(n-k+1) \quad (1)$$

Например, сколько вариантов занятия 1, 2 и 3 места может быть на чемпионате по футболу в России из 17 команд:

$$A = 17*16*15=4080$$

Перестановки, которые показывают, сколькими способами возможно переставить n -элементов без повторения. Они определяются по формуле:

$$P_n = A_n^n = n(n-1)\dots 2*1=n! \quad (2)$$

Например, сколькими способами можно расположить 8 ладей на шахматной доске, чтобы они не били друг друга:

$$P_8 = 8!=1*2*3*4*5*6*7*8=40320$$

Сочетания, которые показывают количество возможных комбинаций в тех случаях, когда нас не интересует порядок элементов, а интересует только их состав, т. е. k -сочетаниями из n -элементов называют всевозможные k -расстановки, составленные из этих элементов и отличающиеся друг от друга составом, но не порядком элементов. Число k -сочетаний, которые возможно составить из n -элементов, обозначают C_n^k и вычисляют по формуле:

$$C_n^k = \frac{A_n^k}{k!} = \frac{n!}{(n-k)!k!} \quad (3)$$

Например, сколько вариантов выхода тройки призеров в финал на чемпионате России по шахматам из 20 участников при условии, что нам не важно, кто какое место займет, так как вся тройка выходит в финал, где чемпион определяется отдельным туром. И сколько вариантов «вылета» игроков из турнирной таблицы при условии, что четверо последних «вылетают» из нее на следующий год вне зависимости от того, какое место они заняли (главное, что четверо последних).

Для выхода в финал:

$$C_{20}^3 = \frac{20!}{3! \cdot 17!} = 1140$$

и финал для «неудачников»:

$$C_{17}^4 = \frac{17!}{4! \cdot 3!} = 2380$$

А если задаться вопросом, сколько всего теоретически может существовать форм государства? Для ответа необходимо этот вопрос рассмотреть поэтапно.

Одним из первых в Европе, кто начал заниматься проблемой типологии государств, был Платон. Разберем работу Платона «Государство», в которой он говорит о различных формах государства [1]. В первую очередь Платон делит государства по форме правления на три типа. Правит один, правят немногие и правят многие. В то время Афины представляли собой город-государство из приблизительно 30 тыс. жителей. Один – это понятно. «Немногие», он считал до 300 человек. «Многие» – это означало, что в принятии решения участвуют все, кто мог голосовать в Акрополе. Это примерно 3 тыс. человек. Поэтому «немногие» – это порядка 1 % населения, «многие» порядка 10 % населения.

Для форм правления он использует понятия «хорошо» и «плохо». Таким образом у Платона получалось три типа государства по критерию «кто правит» (один, немногие, многие) и два типа по критерию «хорошо» и «плохо». Следовательно, всего получалось шесть типов государства, которыми он практически мог охарактеризовать все существовавшие в Античности государства Европы.

Платон впервые ввел термины, многие из которых используются до сих пор. Если правит один и хорошо – это монархия. Если один и плохо, то это – тирания. Если правят немногие и хорошо, то это аристократия. Если немногие и плохо, то это олигархия. Если правят многие и хорошо – это демократия. Если многие и плохо – это охлократия.

С математической точки зрения Платон в понятия «хорошо» и «плохо» упустил еще один критерий. Он считал, что хорошее правление – это когда правящий класс, кроме себя, заботится и о подчиненных. Плохое правление – это когда только о себе. Но теоретически возможен вариант, когда правящий класс заботится и о руководителях.

Приведем пример. Аристократия заботится о себе, т. е. о немногих, и еще о подчиненных, т. е. о «многих». Однако возможно, что «немногие» заботятся о себе и об одном, забывая о «многих», – тогда как? Этот вопрос Платон оставил без ответа. Его ученик Аристотель пытался развить теорию учителя, но дальше Платона не ушел: поменял названия «демократия» на «политию», а «охлократию» на «демократию» и очень плохо относился к демократии.

Таким образом, если добавить, что Платон упустил, то получится девять возможных вариантов.

Если принять «кто правит» за F (форма, form), то «правит один» – F1, «правят немногие» – F2, «правят многие» – F3.

Если взять то, что Платон определил как «хорошо» или «плохо», а именно: в чьих интересах правят, «для кого правят» – как S (содержание, substance), то «правят в интересах одного» – S1, «в интересах немногих» – S2, «в интересах многих» – S3.

Эти девять вариантов будут выглядеть следующим образом: F1S1, F1S2, F1S3, F2S1, F2S2, F2S3, F3S1, F3S2, F3S3. И тогда:

F1S1 – Тирания

F1S2 – Монархия.

F1S3 – Не определено.

F2S1 – Не определено.

F2S2 – Олигархия.

F2S3 – Аристократия.

F3S1 – Не определено.

F3S2 – Демократия.

F3S3 – Охлократия.

Не определенные формы мы рассмотрим далее.

Римские юристы в науку о государстве ничего нового не внесли. Они ввели только новое слово «республика», которое вобрало в себя все открытые уже до них формы, кроме F1S1 и F1S2 – и всё.

За весь период Средневековья в теорию о типологии государства ничего нового внесено не было. Но в XIX и затем в XX вв. К. Марксом и позднее В. И. Лениным было внесено учение об общественно-экономических формациях, согласно которым государства бывают рабовладельческими, феодальными, капиталистическими и коммунистическими. Затем В. И. Лениным коммунистические формации были подкорректированы на социалистические – как до сих пор

и используется. Обозначим буквой О – (общественно-экономические формации, socio-economic system); О1 – рабовладельческие государства; О2 – феодальные государства; О3 – капиталистические государства; О4 – социалистические государства и О5 – коммунистические государства (последние существуют пока только в теории).

Следует отметить, что понятие «многие» при рабовладельческом строе – означает примерно 10 % населения. В связи с тем, что гражданами были лишь 10 % населения, а остальные, будучи рабами, оказывались объектами права и не были субъектами, следовательно, были составной частью производственно-экономического аппарата, как детали механизмов.

В период феодализма еще не произошла промышленная революция и с точки зрения производительности труда производственно-экономический механизм был похож на рабовладельческий. Поэтому под «многими» мы также понимаем порядок в 10% населения. Например, в период феодальной республики Новгорода в IX в. н. э. Вечевая площадь вмещала не более 1000 человек. При масштабах Великого Новгорода – в десятки тысяч, т. е. не более 10 % [2].

При капитализме произошла промышленная революция и появилось большее количество самостоятельных и независимых хозяйств. «Многие» сейчас уже значит порядка 30–60 % (обычные цифры участия избирателей во время выборов).

И, наконец, при социализме «многие» означает «практически все». Именно в Советской России в 1918 г. впервые в мире женщины получили избирательное право. Явка на выборах в СССР всегда была выше 90 %.

При коммунизме цифры, наверное, будут такими же.

Таким образом, в XIX в. уже получилось 45 типов форм правления государств.

В XX в. стало популярным понятие «политические режимы», которое в СССР внедрил И. Д. Левин в 1930-е гг. Под ними подразумевали, как при прочих равных условиях правящий класс осуществляет правление: жестко или мягко? Опять же – жестко для кого и мягко для кого? Можно жестко править по отношению к одному и мягко по отношению ко многим, например, диктатура пролетариата. И наоборот, жестко по отношению ко многим и мягко по отношению к одному, например, абсолютная монархия при Екатерине II [3]. Поэтому в нашей

математической модели нужно вводить новую букву R (режим, regime), где R1 – означает режим мягкий по отношению к одному и жесткий по отношению к остальным; R2 – мягкий по отношению к немногим и жесткий по отношению к остальным; R3 – мягкий по отношению ко многим и жесткий по отношению к остальным. Таким образом, у нас формируется массив из 135 форм правления государства. Расставим их по степени важности. Первостепенно – «общественно-экономическая формация» – это буква «О», затем «кто правит» – F, затем «в чьих интересах» – S и, наконец, «как правит» –R.

OFSR – функция должна характеризовать форму правления любого из существующих или существовавших государств.

Афины при Солоне O1 F1S2R2
Афины при Драконе O1F1S1R1
Древнеримская Республика O1F2S2R2
Римская империя O1F1S1R1
Римский принципат O1F2S2R2
Византийская империя при Диолектиане O1F1S2R2
Арабский халифат O2F1S1R1
Турки сельджуки O2F1S1R1
Османская империя O2F1S1R1
СССР до 1959 O4F3S3R1
СССР после 1959 O4F3S3R3
Россия 02.1917+ O3F2S2R2
Россия 07.1917+ O3F2S2R1
Россия 1993+ O3F2S2R2
Россия 2000+ O3F2S3R3
США до 1961 O3F2S2R2
США нв O3F2S2R1
Германия 1918 O3F3S3R2
Германия 1933 O3F2S2R1
Германия 1946 O3F2S2R2

Мы считаем, что данная постановка вопроса по отношению форм государства наиболее объективна, так как показывает отношение государства ко всем слоям населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никодимов И. Ю.* Информационное общество как структурно-функциональный институт политической системы современной России //

- Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 4 (26). – С. 193–195.
2. *Никодимов И. Ю.* Основные критерии систематизации функций современного государства (определение инфо-коммуникативной функции государства в системе государственных функций) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 9. – С. 216–219.
  3. *Никодимов И. Ю.* Информационно-коммуникативная функция государства и механизм ее реализации в современной России (теоретический и сравнительно-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2001. – 409 с.

УДК 502/504:001.83(100)

Л. А. Печищева

кандидат исторических наук, доцент каф. лингвистики
и профессиональной коммуникации
в области медиатехнологий ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: lusya-85@inbox.ru

**ГЕРМАНИЯ – БАНГЛАДЕШ:
РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

В статье автор анализирует трансформацию гуманитарного сотрудничества между Германией и Бангладеш в начале XXI в. В работе также показаны особенности развития взаимодействия между Германией и Бангладеш в таких сферах, как наука, образование и культура, где «мягкая сила» по-прежнему играет одну из приоритетных ролей и способствует укреплению двусторонних отношений между государствами.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество; Германия; Бангладеш; Южная Азия; «мягкая сила»; глобализация.

L. A. Pechishcheva

Ph.D., Associate Professor, Department of Linguistics
and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies,
Institute of International Relations and Socio-political Sciences, MSLU;
e-mail: lusya-85@inbox.ru

**GERMANY – BANGLADESH:
THE ROLE OF THE HUMANITARIAN RELATIONS
AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY**

In the article the author analyzes the transformation of humanitarian cooperation between Germany and Bangladesh at the beginning of the 21st century. In this paper it is also demonstrated the specific development of interaction between Germany and Bangladesh in such spheres as science, education and culture, where the “soft” power plays one of the significant roles and contributes to strengthen in the bilateral relations between the states.

Key words: humanitarian relations; Germany; Bangladesh; South Asia; “soft power”; globalization.

В эпоху глобализации взаимодействие в области культуры и науки между государствами стремительно развивается и по-прежнему остается неотъемлемой частью гуманитарного сотрудничества. В глобализирующемся мире сегодня можно наблюдать стирание границ,

взаимопроникновение культур, традиций, смешение различных национальностей: «Глобализация – относительно новое понятие, которое обычно используется, чтобы описать постоянный, многовекторный процесс в изменяющемся мире. Мир становится единым мировым рынком. Время и пространство сокращаются благодаря современным телекоммуникациям, которые позволяют почти мгновенно связаться людям в любом уголке мира. Культуры смешиваются, с одной стороны, культурные ценности Севера перенимаются Югом, однако, с другой стороны, этнические особенности и идентичность усиливаются...» [11].

В связи с этим возникает необходимость в ведении диалога между цивилизациями. В 2001 г. экс-генеральный секретарь ООН Кофи А. Анан сформировал группу ученых из 18 стран, которые подготовили доклад «Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями» (“Crossing the Divide. Dialogue among Civilizations”). В нем говорилось, что «в XXI в. самыми серьезными угрозами современной безопасности будут культурные, а не экономические или политические проблемы...» [1, с. 64].

Культура может рассматриваться как ресурс, капитал и «мягкая сила». Джозеф Най понимает культуру как один из трех источников национальной «мягкой силы». Нэнси Сноу считает, что «мягкая сила – сила культуры» [7].

Для Германии Бангладеш является важным партнером не только в экономической и политической сферах, но и в культурной области.

За реализацию и продвижение немецких культурных, образовательных и языковых программ в Бангладеш отвечают три основных организации ФРГ: институты Гёте; ДААД (Германская служба академических обменов); ПАД (Служба образовательных обменов).

В Пакистане наравне с ДААД важную роль играет немецкий Фонд имени Александра фон Гумбольдта. Кроме того, за осуществление многих пакистано-германских образовательных и культурных программ в стране отвечает Комиссия по высшему образованию (Higher Education Commission (далее НЕС). Основной акцент в обмене между студентами из Германии и Пакистана делается на изучении естественных наук и лингвистики. В 2009 г. Организация ДААД открыла в Исламабаде Информационный центр.

Особенно заметную роль в развитии германо-пакистанского культурного и научного сотрудничества играет институт Гёте в Карачи.

Активную политику в области продвижения немецкого языка и культуры в Пакистане проводят Аннемари Шиммель Хауз в городе Лахоре, а также Пакистано-германская ассоциация содружества Исламабада (PGFA).

Институт Гёте начал свою работу в 1961 г. в двух крупнейших городах Бангладеш: Дакке и Читтагонге до того, как Бангладеш стал независимым государством. После обретения Бангладеш независимости (в результате его отделения от Пакистана в 1971 г.), институты Гёте в Дакке и Читтагонге были официально закрыты из-за Освободительной войны и нестабильной обстановки в Бангладеш. И только в 1974 г. Институты Гёте в Дакке и Читтагонге возобновили свою работу [4].

Институт Гёте в Дакке с головным офисом в Мюнхене предлагает различные образовательные и культурные программы и мероприятия, чтобы должным образом представить немецкую культуру в Бангладеш благодаря организации совместных семинаров, лекций, выставок, театральных постановок и т. д. [8].

Следует отметить и другое направление в продвижении немецкого языка и образования. Немецкий язык, на котором разговаривают более 100 млн человек, стал одним из самых востребованных европейских языков в мире [9, с. 233]. В 2008 г. благодаря поддержке МИД ФРГ совместно с Центральным управлением школ за рубежом (ZfA), институтом Гёте, Службой академических обменов ФРГ (PAD), а также Германской академической службой обменов (ДААД) была создана программа «Школы: партнеры на будущее» (“Schools: Partners for the Future”, PASCH) [10] – инициатива по расширению обучения немецкого языка в динамично развивающихся экономиках Азии, Ближнего Востока, СНГ. Бундестаг ФРГ поддерживал эту Программу и подчеркивал особую значимость образовательной работы за рубежом, способствующую расширению и развитию сети немецких школ за границей. С января 2009 г. Программа «Школы: партнеры на будущее» проводит обучение бангладешских преподавателей как учителей немецкого языка. Подготовка преподавателей немецкого языка осуществлялась в пяти PASCH школах в Бангладеш. В инновационную Программу «Школы: партнеры на будущее» были включены также две престижные школы из Бангладеш и Индии (Oxford International School и South Point School) [6]. Всего более

1500 партнерских школ присоединились к Программе «Школы: партнеры на будущее» [6]. К инновационным проектам этой Программы присоединились и две престижные школы из Бангладеш и Индии. Иностранцы выпускники и преподаватели, прошедшие стажировку или обучение в Германии, имеют возможность поддерживать контакты со своими немецкими коллегами через различные организации, такие как ДААД, а также благодаря открывшемуся для Бангладеш в 2010 г. бесплатному информационному интернет-порталу для бывших бангладешских стипендиатов “Alumniportal Deutschland”, который финансируется правительством ФРГ [6].

Одной из влиятельных германо-бенгальских организаций является Бенгальский клуб Гумбольдта, созданный в 1983 г. и переименованный в 2004 г. в Бенгальскую ассоциацию стипендиатов Гумбольдта (Association of Humboldt Fellows Bangladesh) [2]. Основные цели этой организации следующие: осуществление академического и культурного обмена между Германией и Бангладеш; организация совместных конференций, семинаров, лекций; помощь бывшим стипендиатам в предоставлении различных видов поддержки со стороны Фонда им. Александра фон Гумбольдта; привлечение других исследовательских организаций ФРГ к германо-бенгальской научной работе и т. д.

Однако в Бангладеш из-за бедности и стремительного роста населения не хватает мест в учебных заведениях, кроме того, получение хорошего образования в этой стране стоит дорого (не говоря уже о высшем образовании, так как даже среднее образование носит элитарный характер). В связи с этим показатель неграмотности населения Бангладеш один из самых высоких в Южной Азии.

Поэтому Бенгальская ассоциация стипендиатов Гумбольдта (благодаря привлечению внимания со стороны общественности и других исследовательских организаций) пытается помочь массовому образованию и поддержке молодых талантливых исследователей из Бангладеш.

Немецкая неправительственная организация SUROVI, созданная в 1979 г. [3], может служить одним из примеров эффективной работы негосударственных организаций и ведомств ФРГ в области образования на территории Бангладеш. Цель организации – посредством проектов в области образования, тренингов и других образовательных

мероприятий способствовать продвижению образования, а также обеспечению прав менее защищенных слоев населения Бангладеш: детей и женщин из бедных районов страны.

Следует отметить работу официальных ведомств ФРГ с местными бенгальскими неправительственными организациями. К примеру, посольство ФРГ в 2012 г. профинансировало строительство библиотеки на территории колледжа Деботтор в городе Пабна (Бангладеш) в размере 1 500 000 Тк (така) [5]. Местная неправительственная организация Фонд помощи в области образования также помогла колледжу во время строительства библиотеки, которая была необходима студентам для обучения. Кроме того, благодаря этой финансовой помощи колледж еще закупил для библиотеки необходимые учебные материалы и пособия.

Немецкий язык, на котором разговаривают более 100 млн человек в Европе [9, с. 233], а во всем мире – примерно 15 млн выбрали его в качестве иностранного (к примеру, больше всего изучают немецкий язык в Польше, России, во Франции), стал одним из самых востребованных европейских языков в мире. Однако последние несколько лет наблюдается тенденция к снижению интереса к этому языку. В связи с этим правительство и МИД ФРГ, а также ряд немецких фондов и неправительственных организаций инвестирует достаточно большое количество средств на продвижение и поддержку за рубежом немецкого языка, который является ключевым инструментом в развитии долгосрочных и стабильных отношений Германии с другими государствами в политической, экономической, культурной сферах.

Таким образом, ФРГ, ежегодно выделяя значительные средства на продвижение немецкого языка и культуры, финансируя немецкие учебные заведения за рубежом, стремится, с одной стороны, развивать дружеские отношения с Бангладеш, а с другой – упрочить свои позиции в южноазиатском регионе. Из-за низкого уровня образования и подготовки граждан в Бангладеш, а также из-за довольно медленных темпов развития в сфере новых технологий и инновационных проектов, Бангладеш по многим показателям еще отстает в социально-экономической сфере и ИТ-секторе от других стран в Южной Азии. Поэтому благодаря финансовой и гуманитарной поддержке Германия стремится помочь Бангладеш в развитии сфер образования и подготовке кадров, что позволит этой стране в будущем конкурировать с другими южноазиатскими государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузык Б. Н. Россия в цивилизационном измерении: Фундаментальные основы стратегии инновационного развития. – М. : Институт экономических стратегий, 2008. – 864 с.
2. Association of Humboldt Fellows Bangladesh. – URL : <http://www.ahfb.org.bd/Activites.aspx>
3. Cooperation with SUVORI to fund school renovation work in Mirpur. – URL : http://www.dhaka.diplo.de/Vertretung/dhaka/en/07/EZ__Praxis/NGOs__in__BD/Surovi.html
4. Fifty years of Goethe-Institute. – URL : <http://www.goethe.de/ins/bd/dha/uun/gi/gi/en8151713.htm>
5. German Embassy funds Debottor College in Pabna. – URL : http://www.dhaka.diplo.de/Vertretung/dhaka/en/07/EZ__Praxis/NGOs_in__BD/Edu__Aid__Pabna.html
6. *Harun ur Rashid*. Bilateral relations between Bangladesh and Germany // The Daily Star. – July, 2009. – URL : <http://thedailystar.net/newDesign/news-details/php?nid=97200>
7. *Hyungseok Kang*. Reframing Cultural Diplomacy: International Cultural Politics of Soft Power and the Creative Economy. – URL : <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/2011-08-loam/Reframing-Cultural-Diplomacy-International-Cultural-Politics-of-Soft-Power-and-the-Creative-Economy-Hyungseok-Kang.pdf>
8. *Khan Ferdousour Rahman*. German-Bangladesh relations // The Financial Express. – Dhaka. – February, 2008.
9. *Monika Mokre, Gilbert Weiss, Rainer Bauboeck* (Hg.). Europas Identitaeten: Mythen, Konflikte, Konstruktionen // Rudolf de Cillia. Grundlagen und Tendenzen der europaeischen Sprachenpolitik. – Frankfurt am Main : Campus Verlag GmbH, 2003 – P. 231–256.
10. Promotion of the German language. – URL : http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/KulturDialog/Sprache/DeutscheSprache_node.html
11. Takebackwisconsin.com. – URL : <http://www.takebackwisconsin.com/Documents/Glossary.htm>

УДК 327

Ю. В. Синчук, Д. М. Ковригина

Синчук Ю. В., доктор политических наук, профессор,
профессор каф. политологии ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: sinchukjv@mail.ru

Ковригина Д. М., магистр ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: dkovrigina@gmail.com

ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ УГРОЗА

Статья посвящена исследованию феномена Исламского государства в современном мире, причинам быстрого развития и широкого распространения исламизма. В современном мире существует огромное количество проблем, требующих совместного решения странами мирового сообщества. Наиболее сложной задачей, стоящей перед мировым сообществом, является борьба с быстрорастущей террористической организацией Исламское государство – ИГ.

Ключевые слова: Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ); Исламское государство (ИГ); Аль-Каида; транснациональный терроризм; радикальный ислам.

Yu. V. Sinchuk, D. M. Kovrigina

Sinchuk Yu. V., Doctor of Political Science, Professor,
Professor of Political Science Department, MSLU;
e-mail: sinchukjv@mail.ru

Kovrigina D. M., Master's Degree Student,
Department of Political Science of the Institute of International Relations
and Social-Political Science Department, MSLU;
e-mail: dkovrigina@gmail.com

ISLAMIC STATE AS A GLOBAL THREAT

The article devoted to the research of such phenomenon as Islamic State in contemporary world. Reasons of its quick development and wide spread of Islamism.

Key words: ISIS (Islamic State of Iraq and Syria); Islamic State (IS); Al-Qaeda; international terrorism; radical Islam.

В процессе развития в обществе постоянно возникают различные политические, экономические, социальные и конфессиональные противоречия и социальные конфликты, одним из наиболее распространенных инструментов разрешения которых является насилие, в том

числе терроризм, отнесенный в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» к глобальным вызовам и кризисам современности [4].

Терроризм известен человечеству с древнейших времен, с той поры, когда власть над другими людьми стала приносить определенные материальные выгоды и превратилась в этой связи в предмет желаний отдельных индивидов, стремившихся достичь заветной цели любыми путями. То есть история террора началась вместе с историей борьбы за власть – в племени, клане, государстве, империи. Цель оправдывала средства; и лица, жаждущие власти, не останавливались перед применением самых жестоких и крайних мер [2]. Международный терроризм организуется по принципу «сообщающихся сосудов». Так перетекают террористы из одного региона в другой, так они попадают из Афганистана в Пакистан и обратно, таким же образом они проникают в Сирийскую Арабскую Республику. Но, заметим, что перетекают они не сами по себе, кто-то коварный и невидимый управляет этими процессами [5; 11].

В современном мире существует огромное количество проблем, требующих совместного решения странами мирового сообщества. Наиболее сложной задачей, стоящей перед мировым сообществом, является борьба с быстрорастущей террористической организацией Исламское Государство – ИГ.

ИГ является новой, быстроразвивающейся террористической группировкой, это значит, что статей, научных работ и научных данных еще недостаточно для полного исследования и описания.

С начала 2014 г. в СМИ появилась аббревиатура ИГИЛ (также ИГ и «ДАИШ»), которая обозначает быстрорастущую радикально-исламскую организацию, целью которой является установление Халифата, как на территории своего государства, так и на территории всего мира.

Однако корни данной организации появились задолго до начала ее активных действий. Основой, служившей для создания террористической организации «Исламское государство», считается существовавшая в регионе Ближнего Востока в течение долгого периода террористическая группировка «Аль-Каида». «Аль-Каида» сложилась в годы Афганской войны под руководством У. Бен Ладена и имело своей целью ведение борьбы против западных держав и их союзников в мусульманском мире.

Террористическая группировка обладала четко выстроенной иерархичной системой управления, имела хорошо развитую систему «филиалов» во многих странах как Востока, так и Запада. Одним из таких подразделений являлась группировка «Исламское Государство Ирак», образованная в 2006 г. в Ираке, путем слияния радикальных группировок, отделившаяся от «Аль-Каиды» в 2014 г. и начавшая свое самостоятельное развитие.

Раскол связи с «Аль-Каидой» вызван стратегическими и идеологическими различиями: так «Аль-Каида» ставила своей основной целью борьбу с США и их союзниками, целью организации ИГ является создание ортодоксального суннитского исламского государства как минимум на территории Ирака и аш-Шама (Леванта) – Сирии, Ливана, Израиля, Палестины, Иордании, Турции, Кипра, Египта (минимум Синайский полуостров), как максимум – во всем исламском мире.

В указанных целях группировка ведет активную экстремистскую деятельность и ответственна за множество терактов против американских и натовских сил на территории Ирака, а также против гражданских лиц и объектов в мире. Среди намерений группировки также объявлялись такие цели, как уничтожение группировки ХАМАС и государства Израиль, дестабилизация стран в Центральной Азии.

С религиозной точки зрения ИГ руководствуется радикальным Исламом, который заключается в подмене традиционных ценностей ислама и неверной его интерпретации. Радикальный Ислам намного более агрессивен и нетерпим к инакомыслию, требует безусловного уничтожения культурных ценностей других религий и истребление «инакомыслящих». Идеология ИГ очень схожа с идеологией фашистской Германии середины XX в. Как известно, данная идеология Германии имела губительные последствия для всего мира.

Ежедневно всё больше людей вступают в ряды бойцов ИГ, это объясняется постоянно проводимой широкомасштабной информационной политикой по привлечению новых лиц. По данным СМИ, вербовка новых членов ИГ проходит как на территории РФ, так и на территории Европы. Таким образом, не только террористические акты, проведенные в 2014–2016 гг. против Запада, а также увеличившийся поток завербованных в ИГ объясняют мировую обеспокоенность деятельностью организации.

Важно отметить, что терроризм не является проблемой отдельной страны, так как террористические организации преследуют

определенные ими цели, терроризм является мировой угрозой, требующей совместных сил для борьбы. Это отмечает Е. А. Степанова в своей статье «ИГИЛ и транснациональный исламский терроризм» [3]. Автор отмечает экстритерриториальность терроризма-терроризма, не привязанного к одной определенной стране либо конфликтной зоне, появление ячеек «глобального джихада» в разных регионах мира, как мусульманских, так и немусульманских.

Основными тенденциями в области транснационального терроризма являются:

Во-первых, рост активности террористических организаций, который за последние годы достиг наивысшего уровня с начала XXI в. Также рост террористической активности сочетается с ее неравномерным распределением и сосредоточением большей ее части всего лишь в двух регионах мира в зонах двух крупнейших пограничных конфликтов, а именно на территории Ирака и Афганистана. Территория, на которой активно ведут свою деятельность активисты Исламского Государства, является пограничной зоной между такими государствами, как Ирак и Сирия. Важно отметить, что данные государства пытаются вести активные действия против группировки, но внутривосточные проблемы не предоставляют возможности вести полноценную борьбу. Также важен факт существования подконтрольных ИГ группировок на территории таких государств, как Алжир, Афганистан, Пакистан, Ливия Египет, Нигерия и Йемен.

Во-вторых, преобладание региональных радикально-исламских группировок и движений.

В-третьих, переход всех видов терроризма за пределы отдельных регионов, т. е. расширение зоны влияния террористических организаций.

В своей работе «Феномен «ИГИЛ» Е. С. Тесленко и Н. Н. Пеструилова [10] рассматривают причины возникновения ИГ на территории современных государств Ирака и Сирии, а также дают представление об идеологических концепциях современных террористических организаций. По мнению авторов, на современном этапе в мире сложилась опасная обстановка, характеризующаяся нестабильностью в регионах, расслоением общества, а также открытой враждой между государствами и религиозными течениями. Напряженность и вражда не являются случайными и стихийными. По мнению авторов, ведущую

роль в эскалации конфликтов в «нестабильных» политических регионах, а также в финансировании религиозных радикальных течений являются Соединенные Штаты Америки. Причины поддержки США террористической группировки ИГ изложены администрацией США и Пентагоном в рамках концепции ведения «гибридной войны», а также стратегии глобального доминирования. Можно сделать вывод, что США являются организатором ИГ, активно поддерживают в финансовом плане и управляют действиями группировки. Однако прямых доказательств нет.

Очевидно, что ИГ вытеснила «Аль-Каиду», державшую в страхе всё население земного шара с конца 1980 по 2011 гг. Прибегая к более жестоким, решительным мерам для достижения своей цели установления Халифата, ИГ является угрозой международному сообществу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Куделев В. В.* Аль-Каида: структуры, союзники и покровители. – М. : Ин-т Ближнего Востока, 2008. – 460 с.
2. *Михалёв Ю. А.* Терроризм как вызов национальной безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики государств. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 174–178. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 24 (684). Сер. Исторические и политические науки).
3. *Степанова Е. А.* ИГИЛ и транснациональный исламский терроризм // Пути к миру и безопасности. – 2014. – № 2 (47). – С. 13–27.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. / Утв. Указом Президента РФ № 537 от 12 мая 2009 г. // Российская газета. – 19.05.2009.
5. *Синчук Ю. В.* Международный терроризм – угроза национальной безопасности Российской Федерации // Политическая наука и современное общество: сб. науч. тр. / под ред. В. Г. Егорова. – Вып. 4. – М. : ИИУ МГОУ, 2013. – С. 84–102.
6. *Синчук Ю. В.* Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность. – 2012. – № 3 (19). – С. 60–65.
7. *Синчук Ю. В.* Геополитические вызовы и угрозы современной России // Безопасность Евразии. – 2011. – № 1. – С. 305–314.
8. *Синчук Ю. В.* Современные вызовы и угрозы Российской Федерации // Геополитика. Глобализация. Международные отношения. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 201–220. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (631). Сер. Политические науки).

9. *Синчук Ю. В.* Геополитические вызовы и угрозы современной России на постсоветском пространстве // *Постсоветский материк*. – М., 2014. – № 1. – С. 69–78.
10. *Тесленко Е. С., Пеструилова Н. Н.* Феномен ИГИЛ // *Виктимология*. – 2015. – № 1 (3). – С. 34–39.
11. *Харичкин И. К., Макаренков Е. В.* Политическое управление : учебное пособие. – М. : Гос. ун-т управления, 2014. – 123 с.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 10 (749)

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 26.04.2016
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 13,6
Заказ № 1444

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru